

СМЕНА

№8 АВГУСТ

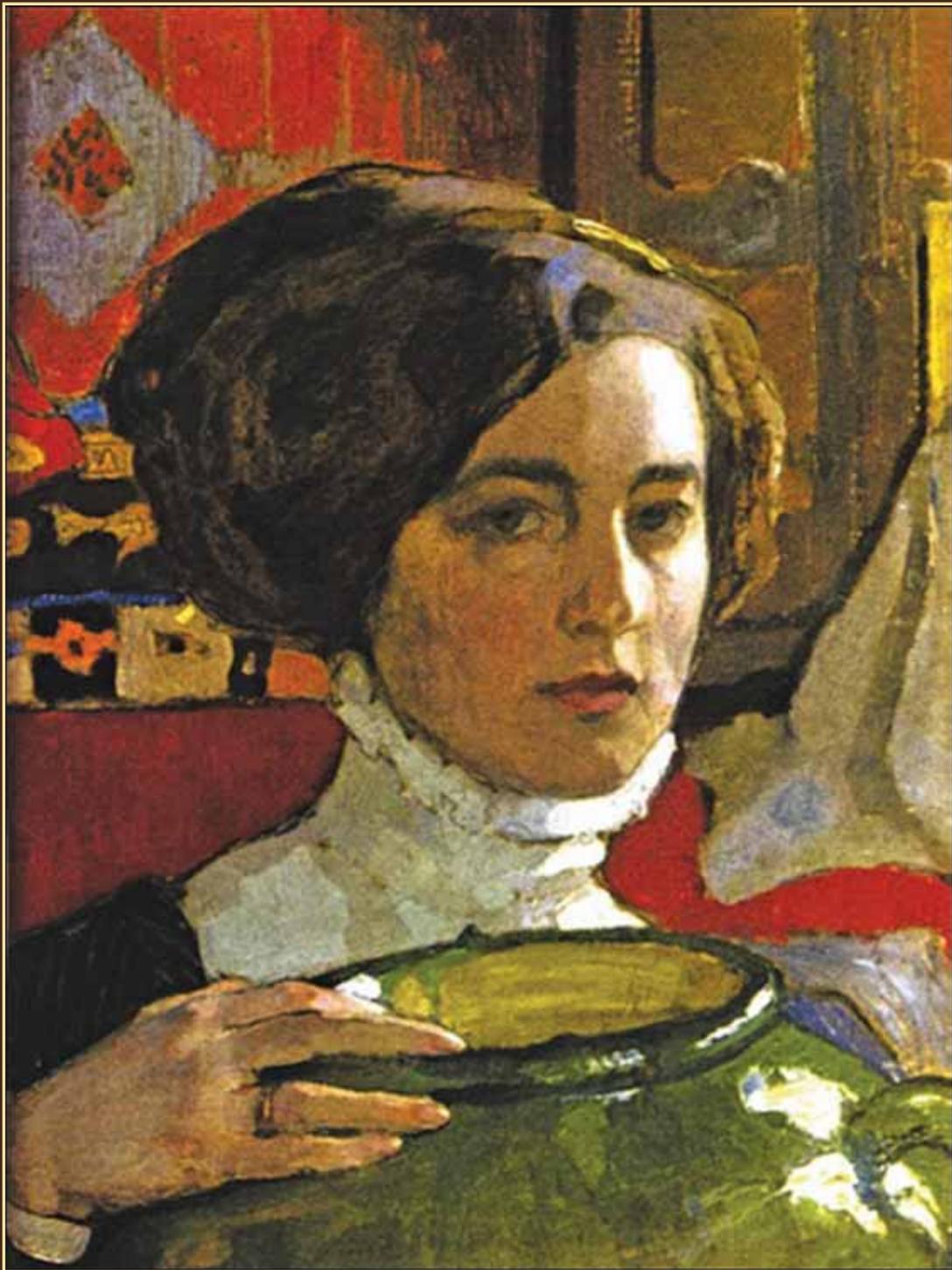
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2019

*«И я поняла,
что буду
изменять
мужу...»*

(стр. 50)

О жизни и творчестве художницы Елены Киселевой
читайте на странице 65.

Это интересно

Валерий Володченко **У Симурга на крыле** 4

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Марфа-посадница**..... 18

Рассказ

Лариса Цитович **Бристоль** 30

Неизвестное об известном

Алла Зубкова **Ги де Мопассан. Милый друг** 36

Юрий Осипов **«Посильна беда со смехом»** 134

Поэзия

Борис Рябухин **Стихи** 54

Звезды не гаснут

Евгения Гордиенко **Леонид Собинов — юрист,
певец, благотворитель** 58

Судьба художника

Ирина Опимах **Очаровательная «Маруся»,
или Забытая звезда
Серебряного века** 65

Замечательные современники

Елена Воробьева **Айдар Шарафетдин:
«Я ценю в людях чистоплотность
во всех смыслах»** 78

Иван Переверзин **Мой Глазунов**..... 85

Марина Бойкова **Нежная броня и железная леди**..... 96

Посмеемся вместе

Светлана Курчина **Сезон мохито** 110

Музеи Подмосковья

Дмитрий Зелов **Волоколамск. Самый древний
город Подмосковья** 114

Фантастика

Сергей Чекмаев **Болевой прием**..... 122

Детектив

Александр Аннин **Куркулиха** 144

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Картина французского художника XIX века
Джеймса Тиссо «Разновидности красоты»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

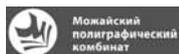
**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24,
стр. 4, э7, пом I ком 49
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

Можайский
полиграфический
комбинат

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 23.07.2019

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« На вопрос, когда началась Вторая мировая война, правильный ответ могут дать немногие. Считается, что с 1 сентября 1939 года. К этому времени Гитлер и возглавляемая им партия национал-социалистов достигли в Германии пика популярности. Практически все страны Европы были либо оккупированы войсками Третьего рейха, либо превращены в его союзников-сателлитов. Европа долгое время не понимала масштабов грядущей катастрофы, так как делала упор на «советскую угрозу», что, собственно, и привело к полномасштабной трагедии новой мировой войны...

Светлана **Бестужева-Лада** «Тихая гроза»

« «Девочка с персиками» художника Валентина Серова — одна из самых известных и любимых картин в русской живописи. За столом сидит очаровательная темноглазая девочка, и кажется, что впереди ее ждет только счастье, только любовь...

В предлагаемом материале рассказывается о том, как сложилась ее жизнь, о людях старой России, о трагических судьбах достойнейших представителей нашего народа, переживших страшные катаклизмы российской истории и сумевших, несмотря на все обстоятельства, в которых они оказались, сохранить свое достоинство и честь.

Ирина **Опимах** «Валентин Серов. "Девочка с персиками"»

« В русской поэзии XX века Велимир Хлебников занимает особое место. Он верил, что поэтическое искусство приходит из будущего, и адресовал свои «поэзы» будущим читателям. Кроме того, он сознательно избрал для себя роль поэта-безумца, проникающего творческим воображением в запредельные сферы мироздания, и называл себя «Председателем земного шара», мечтая привести человечество в «новый Эдем».

Юрий **Осипов** «Великий "будетлянин" Велимир Хлебников»

« В середине лета 1867 года преподаватель математики из оксфордского колледжа Чарльз Лютвидж Доджсон совершил поездку в далекую Россию. Во время вояжа он вел путевой дневник, чтобы сохранить в памяти многие детали путешествия в загадочную и удивительную страну. Спустя три десятка лет после его смерти они были опубликованы тиражом в 66 (!) экземпляров, и лишь на исходе XX века увидел свет тщательно подготовленный текст дневника. Так просвещенный мир узнал о Русском дневнике автора «Алисы в Стране Чудес». Да-да, это был именно он — Льюис **Кэрролл**.

Дмитрий **Зелов** «Миссия невыполнима»

« Детектив Ольги **Степновой** «Моя шоколадная бэби»

Валерий Володченко

В XII веке «у вещи птицы на крыле» оказались сразу три великих поэта — Низами, Руставели и (к сожалению, остающийся пока неизвестным) автор «Слова о полку Игореве». Их творчество, имея мировое значение, стало гордостью Азербайджана, Грузии и России...

У СИМУРГА НА КРЫЛЕ

Известный российский историк И.В. Можейко (еще более известный как автор замечательных фантастических сказок Кир Булычев) в своей глубокой и обстоятельной работе «1185 год», вышедшей в советские годы в издательстве «Наука», о XII веке говорит восторженно, придавая этому времени даже некий мистический смысл. Ученый убежден, что деление истории народов на изолированные потоки — условность. Мозаичная, как многим ошибочно представляется, картина мира на самом деле целостна, а великие мыслители и художники, воины и поэты далекого прошлого — это связующие человечество пассионарные частицы. Частицы — не в смысле их мизерности, а, наоборот, — мощно скрепившие время и историю в монолитное ядро.

Три великих поэта, жизнь которых пришлась на суровые средневековые времена, стали для потомков в некотором роде национальными символами. Ведь совершенно точно — без них, без их творчества наша общая история была бы совершенно иной.

Сегодня, называя «средневековыми» города, страны, мелкие человеческие поступки и грандиозные исторические события и так далее, и тому подобное, мы почему-то невольно придаем этому определению некий пренебрежительный оттенок. Единственно поэзию поименовать снисходительно «средневековой» нам не удастся. И не потому, что затруднительно иногда бывает указать точные временные рамки появления тех или иных выдающихся пророческих строк, а потому, что великая поэзия никак не может быть «средней», она изначально — и на все века-времена! — просто вечная...

Тайна сокровищницы

«Опять Ильяс на базаре отличился, — перешептывались соседи, искренне жалея незадачливого, но не унывающего сироту-безотцовщину и одновременно им же и возмущаясь: Ну, как можно! Полный горшок уже размолотого перца с прилавка свалил...»

Купец хоть и собрал с земли все тщательно, не понеся убытка, а, наоборот, выгодно увеличив даже вес дорогого заморского продукта, но весь день потом покупатели в базарных рядах недовольно чихали и кашляли.

«Горшок — вдребезги! — живописали очевидцы. — А этот... — недоброжелательно кивали они на малолетнего виновника случившегося, — убежать даже не пытался...»

Негодование было неподдельным, но что людей особенно возмущало — разбитый горшок или расторопный мальчишка, не сумев-

ший дать деру, — оставалось до конца невыясненным. Правда, все сошлись во мнении: был горшок полным, да стал пустым. По приметам, жди теперь беды...

Мать Ильяса, отчаянно голося и призывая кары на голову непутевого сына, беду ему сама и организовала. Пригласила кузнеца Максуда, и тот скоро пришел — как гора, большой и страшный, как шайтан. За дело кузнец принялся по обыновению обстоятельно, и выпорол мальчишку с большим умением и воспитательным намеком: а не ви-тай в облаках! а не забывай под ноги глядеть! а не разбивай чужие горшки, и свои тоже!

Потом они вместе пили чай, редкий заморский напиток, который по такому случаю щедро заварила мать, и ели горячие лепешки, тоже не каждый день появлявшиеся на столе. Получилось, что вроде как праздник невзначай случился. Разомлевший от чаепития кузнец даже попросил

Низами

Ильяса почитать стихи сладкоголосого Фирдоуси, и мальчишка отказываться не стал: за хорошо выполненную работу всегда надо честно мастеру платить.

Под чарующие напевные газели «соловья Востока» кузнец скоро задремал, и тогда Ильяс громко и зло прокричал в прокопченное лицо обидчика уже собственные слова:

*«Вставай, просыпайся, заплачь
от стыда,
Плачь кровью над тем, кому
кровь — как вода!»*

А через неделю новый повод для соседских пересудов. На этот раз все произошло у главных городских ворот, через которые в Гянджу впустили торговый караван. Пока сбежавшие со всей округи мальчишки глазели на верблюдов и специально их дразнили, чтобы шустро увернуться от прицельного плевка невозмутимого животного или плети злого погонщика, какой-то шутник незаметно привязал к поясу Ильяса маленького ослика. И когда вдоволь нашалившийся мальчишка пошел

по своим делам, добрый ишачок, сверх всякой меры нагруженный мешками, послушно зацокал вслед за ним.

Позже, вспоминая эту историю, всполошившиеся поначалу караванщики животы надорвали от смеха, добродушно комментируя случившееся: «Так и шли по городу друг за другом... Два осла...»

Вечером Ильяс, привычно потирая место пониже спины, опять вдохновенно читал классические стихи кузнецу Максуду. Но потом снова продекламировал нечто странное:

*«И стыд позабыт под окном
голубым,
И честь на земном этом шаре —
как дым».*

В таком виде и попали потом эти строчки в поэтические антологии, разойдясь по миру, такими их сегодня знают ценители поэзии. А ведь несуразность очевидная — в те давние времена всем было хорошо известно, что земля плоская, и держится на большой черепахе. Или на трех слонах. Это уж кому как больше нравилось. Скорее всего, позднейшие переписчики и переводчики просто искажили прозвучавшие тогда стихи. На самом деле Ильяс читал совсем по-другому: «Под плетью и честь растворится — как дым», — утверждал он вдохновенно, основываясь на личных, в первую очередь, ощущениях. Для писания стихов не один ведь только талант необходим, но и жизненный опыт требуется...

...Свое отношение к городским повседневным событиям, даже самым незначительным, жители благословенной Гянджи обозначали однообразно и без затей: на все воля Аллаха, справедливого и милосердного. Мудрость этой, давно ставшей привычной, формулы обеспечивала устойчивый жизненный миропорядок и придавала некий смысл самому существованию в этом лучшем из миров. И позволяла надеяться, что начавшийся жаркий солнечный день обязательно завершится — хвала Аллаху! — праздным отдохновением и прохладой лунной ночи. Так было! Так есть! И так будет! В священной Книге прямо сказано: славя Всевышнего, — да пребудешь славным во веки веков...

А еще жители Гянджи не из мудрых даже книг, а из обыденной жизни усвоили: каждый осел сам несет свою шкуру на базар. И у всякого ишака своя отдельная дорога — кому и до Багдада долгий путь в радость, а кого и у городских ворот шакалы сразу же сожрут...

Ближайшие (впрочем, и дальние тоже) соседи Ильяса считали его именно таким неудачливым ишаком. И в этом твердом соседском убеждении не было ничего злого и обидного — одна только справедливая констатация. Но и сочувствия в таком к нему отношении не имелось. Охромевшего коня и пожалеть не грех, а вот сломавшего ногу упрямого осла всегда громко и обижен-

но проклят, его же упрекая, и даже шкуру не всегда с него сдирают: возни много, а прибутку на грош ломаный. Что ж, давно известно: нет пророка в своем отечестве. А ведь факт неоспоримый: именно после задушевных чаепитий с кузнецом Максудом упрямец Ильяс открыл в себе неожиданный поэтический дар.

Но оставим ненадолго начинающего версификатора, и расскажем о месте и времени, в котором родились его бессмертные поэмы...

...Город Гянджа погиб в сентябре 1139 года. Арабский свидетель страшного землетрясения признался в ужасе: «Город провалился сквозь землю. Он настолько разрушен, как если бы его и не было на земле». В это, примерно, время и появился на свет в семье бедного ремесленника Юсуфа сын Ильяс. Но отца у мальчишки, как и родного города, тоже скоро не стало. Утверждают, что Юсуфа зарезали беспощадные ассасины-фидаи — «жертвующие собой», люто грабившие несчастное население среди развалин разрушенной Гянджи. Этот клан профессиональных убийц создал «тайный» имам и реальный вождь исмаилитов Хасан ибн ас-Саббах. О его методе воспитания средневековых террористов оставил воспоминание сам Марко Поло: «Содержал старец при своем дворе тамошних юношей от двенадцати до двадцати лет. Были они как бы под стражей и знали понаслышке, как

Мухаммед, их пророк, описывал рай. Приказывал старец вводить в этот рай юношей. И вот: сперва их напоят, сонными брали и вводили в сад. Там их будили. Проснется юноша и поистине уверует, что находится в раю, а жены и девы весь день с ним играют, поют, забавляют его, всякое желание исполняют. Захочет старец убить кого-либо из важных, прикажет испытать и выбрать самых лучших из своих ассасинов, посылает он многих из них в недалекие страны; они идут и приказ его исполняют; кто останется цел, возвращается ко двору». Надо понимать, чтобы опять оказаться в «раю». В ожидании нового задания...

Как попал под кинжал кровожадных ассасинов отец Ильяса, честно говоря, не очень понятно, ведь «исполняли» они в основном высших сановников. Достоверно известно, что в числе жертв средневековых головорезов было восемь государей, три халифа, шесть визирей, множество наместников областей, правителей городов, важных духовных лиц, добирались вездесущие ассасины-фидаи даже до европейских князей, графов и баронов. Такие были времена...

Смерть и разруха — первые впечатления Ильяса в этом мире. Мальчишка рос вместе с городом. Потому что город Гянджа снова возродился — прекрасный и неповторимый. Вновь отстроился и продолжил первенствовать во всем Восточном Закавказье, которым тогда правили

наместники сельджукских султанов. Современному читателю необходимо объяснить, что в то далекое время национальные государственные границы не имели существенного значения, единственно принадлежность к тому или иному течению ислама становилась главной и определяющей в жизни многочисленных народов региона. Историки считают, что время сельджуков стало самым темным и кровавым периодом в жизни стран, входивших в этот воинственный султанат. Эмиры, шахи, султаны, атабеки, халифы — все эти «владыки мира» постоянно и бессмысленно враждовали и сражались между собой, уничтожая и грабя собственных подданных.

Остается полнейшей загадкой — как вечный неудачник Ильяс, весь свой век проживший в ремесленных кварталах Гянджи, стал великим поэтом, чье творческое имя — Низами — известно теперь всему миру. Ведь всю жизнь его поэтическое призвание оставалось на втором месте, а на первом было повседневное ремесло, которое давало возможность реально выживать и кормить семью.

В сохранившихся записках XV века говорится, что Низами являлся членом ордена Ахи. Это было закрытое, можно сказать, сектантское образование. Знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута об этом загадочном ордене сообщает: «Не найти в мире людей более заботли-

вых, чем они, к чужестранцам, более поспешных в стремлении накормить голодного, удовлетворить потребности нуждающегося. И не видел я в мире людей более праведных делами, чем они».

Пять замечательных поэм оставил нам Низами. И только за самую первую из них, написанную уже в почтенном тридцатилетнем возрасте, — «Сокровищницу тайн» — он получил вознаграждение — живой, можно сказать, гонорар. Восхищенный поэмой правитель Дербента прислал ему в дар молодую половецкую рабыню красавицу Афак. Гордая половчанка и стала женой, великой любовью, музой поэта...

В 1188 году сам ширваншах заказал Низами поэму «по мотивам» известной легенды о несчастных влюбленных. И Низами заказ блестяще исполнил. К сожалению, денег поэма «Лейла и Меджнун» не принесла, но в будущем породила целое направление эпигонской литературы.

Своего мироощущения Низами никогда и ни от кого не скрывал: «И нет правосудья сейчас на земле, ищи его лишь на Симурга крыле...» — сказал он как-то провидчески.

Если применительно к мудрецу и философу Низами использовать поэтические образы уже наших современников, то можно сказать, что ему ни динара не накопили строчки. А еще можно утверждать, что поэт и в Гяндже больше, чем поэт.

«Я, Шота, это утверждаю...»

Литературный памятник мирового уровня — поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» начинается с противоречивого и весьма двусмысленного восхваления царицы Тамары:

*«Воспоем Тамар-царицу, почита-
емую свято!*

*Дивно сложенные гимны посвя-
щал я ей когда-то.*

*Той, кого я раньше славил, про-
должаю я гордиться.*

*Я пою ее усердно, мне ли этого
стыдиться!*

*Мне она дороже жизни, беспо-
щадная тигрица...»*

Почему у Шота Руставели проявилось в этих строчках даже некоторое за них смущение?

Самую знаменитую правительницу Грузии, царицу Тамару, к власти привел ее отец — царь Георгий. Строго говоря, не совсем царь. Потому что законным наследником был Демна, сын его старшего брата Давида. Георгий же состоял регентом при несовершеннолетнем племяннике. Не место рассказывать о перипетиях грузинской истории, отфиксируем только, что Демна, в конце концов, был ослеплен, оскотлен, а потом «вообще пропал». А Георгий объявил, что коронует на царство свою малолетнюю дочь, и будет править вместе с нею...

Вообще-то «исторические сюжеты» потрясающи. Первым мужем

царицы Тамары стал сын Андрея Боголюбского и внук Юрия Долгорукого, тоже Юрий (Георгий) — бывший князь Новгородский и законный владимиристо-суздальский наследник, изгнанный своим дядей Всеволодом Большое Гнездо и переживавший немилость у половцев на Северном Кавказе. Но — ох уж эти династические браки! — не склеилось что-то у молодоженов, заартачилась «беспощадная тигрица». А потом Тамара и вовсе объявила свой брак с Юрием недействительным и выслала его из страны...

Но речь здесь не о капризной правительнице, царство которой занимало почти все Закавказье и было христианским, а о грузинском поэте Шота Руставели. И сразу же странный обнаруживается парадокс. Его великая поэма раздергана на цитаты и афоризмы, о ней написаны тома литературоведческих исследований, а вот о самом авторе «Витязя» мы ровным счетом ничего не знаем. А ведь что интересно, не чужим был поэт в «царском доме». Имеются сведения, что некоторое время Шота даже занимал должность «мечурчлетухуцеса» — главного казначея Грузии. То есть являлся весьма значительной вельможной фигурой и, надо понимать, доверенным лицом царицы. Сохранилась его свидетельская запись на грамоте Шио-Мгуимскому монастырю, где сразу за подписями Тамары и католикоса следует текст: «Я, Шота,

*Шота
Руставели*

в моем владении в Жиновани это утверждаю...»

Вот, собственно, и все «биографические» сведения.

В молодости от стихов Руставели Тамара была в восторге, а потом, похоже, пришли другие времена. Руставели не был льстецом-одописцем, и к новым порядкам и требованиям приспособляться, видимо, не захотел. Можно предпо-

ложить, что Тамара, когда вошла в силу, решила избавиться от поэта, помнящего ее бурные и буйные похождения. И избавилась. Власть, похоже, всегда в душе стыдится собственных эмоций и поступков, даже искренних...

Это умение грузинской царицы виртуозно освобождаться от бывших сподвижников послужило — через века — хорошим примером

другому знаменитому грузину. Ведь известно, что юный горийский семинарист Сосо Джугашвили зачитывался поэмой Руставели и восторгался царицей Тамарой. Это искреннее восхищение Иосиф Сталин сохранил на всю жизнь.

В тридцатые годы прошлого века академик Шалва Нуцубидзе активно занимался переводом выдающегося произведения грузинской литературы — поэмы «Витязь в тигровой шкуре». И в самый разгар этой творческой деятельности академика объявили врагом народа и отправили в тюрьму. Увлеченный академик работу над «Витязем» считал не только своим главным занятием, но и неотложным делом всей страны — почти как строительство Магнитки или Днепрогэса. Поэтому он и в камере продолжал переводить поэму. Из тюрьмы он даже написал (и сумел отправить!) письмо Сталину с просьбой обеспечить его «орудиями труда» — карандашом и бумагой. Могли, конечно, академика и расстрелять, но Нуцубидзе вдруг освободили из заключения, и он встретился с вождем. Несколько часов они проговорили о проблемах художественного перевода. Сталин покритиковал отдельные строфы, которые ему не понравились, и академик, признав замечания существенными, с благодарностью их принял. В лукавстве и подхалимаже Нуцубидзе не обвинишь, он всегда отличался «упертостью» нрава. А вождь потом, всерьез увлекшись поэтиче-

ским переводом, даже предложил свои варианты некоторых строф, которые и вошли в академическое советское издание «Витязя в тигровой шкуре».

И другому хитрому умению — перекраивать историю на свой лад и под себя — Сталин тоже научился у царицы Тамары. Известно, что каноническая грузинская летопись «Картлис Цховреба» — это явно отредактированный рукой Тамары официальный текст, взхлеб восхваляющий исключительно идеальную и мудрую правительницу Грузии. Своего рода средневековый «Краткий курс истории ВКП(б)». Культ собственной личности притягателен во все времена ...

К счастью для нас, остался еще и «параллельный текст» грузинской истории — гениальный «Витязь в тигровой шкуре». Не удалось его «отредактировать» ни самой царице, ни окружающим Тамару «имиджмейкерам»: поэма разнеслась по Грузии, а потом и по всему миру и стала бессмертной...

...Шота Руставели — один из самых загадочных поэтов. Практически вся его биография сокрыта в тумане веков. Этого великого человека правители фактически вычеркнули из истории. А вот из литературы изъять все равно не смогли...

В шестидесятые годы прошлого века в грузинском монастыре Святого креста в Иерусалиме был обнаружен и исследован портрет поэта. На портрете изображен благооб-

разный белобородый старец с большими, умными и все понимающими глазами. Была найдена также поминальная запись, которая свидетельствовала, что именно на деньги Руставели монастырь Святого креста отремонтирован и расписан фресками. Надо полагать, в «Божием граде» Шота и был похоронен в самом начале XIII века.

Первое печатное издание «Витязя в тигровой шкуре» состоялось только в 1714 году. Тогда вышедшую книгу по приказу грузинских властей немедленно сожгли ...

«Куст роз на ржаном поле...»

Вот уже двести с лишним лет не утихают страсти вокруг «Слова о полку Игореве» — выдающегося литературного произведения. Напомним, что «Слово», обнаруженное в конце восемнадцатого века и обнародованное известным ценителем и собирателем древних рукописей графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным в начале века девятнадцатого, сразу же вызвало горячие и бесконечные споры, разделив русское общество на два непримиримых лагеря. Одни «Словом» восторгались, называя его «кустом роз на ржаном поле» и настоящей энциклопедией древнеславянской жизни, другие же категорически отказывали ему в подлинности.

Как признавался сам Мусин-Пушкин, работать с найденной рукописью «было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни раздробления слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления». Масла в огонь добавил тот факт, что в 1812 году, во время оккупации Москвы Наполеоном, уникальная рукопись, созданная в XII веке и сохранившаяся в списке XVI века, была утрачена. Это обстоятельство значительно склонило чашу весов в пользу критиков «Слова». Аргумент у «сомневающихся» был единственный: не могла «литературная жемчужина» родиться в средневековье — не доросли еще тогда люди до таких головокружительных поэтических высот.

Но вот какое суждение о «Слове» высказал А.С. Пушкин, сразу уловивший его неподдельную поэтическую гениальность: «Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в восемнадцатом веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? Но Карамзин не поэт. Державин? Но Державин не знал и русского языка, не только языка «Песни о полку Игореве». Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства».

Не становясь ни на чью сторону в культуроведческом споре, представлю слово о «Слове» известному

казахскому поэту Олжасу Сулейменову, чья книга «Аз и Я» лет сорок назад ошеломила «советскую общественность». Книга Олжаса стала тогда библиографической редкостью и была причислена едва ли не к диссидентской литературе. Поэта, обвинив в «посягательстве», гневно предавали анафеме историки, филологи, партийные идеологи. Но саму книгу, изданную в республиканском издательстве ничтожным тиражом, мало кто видел, а тем более читал. Я сам в разгар всесоюзной ее обструкции наткнулся на «Аз и Я» в далеком казахском ауле: в магазине, на мое счастье, она сиротливо пылилась в разделе «География».

Приступая к чтению скандальной книги, ждал ошеломляющих потрясений, а столкнулся с признанием в любви.

«Стиху учит «Слово», — пишет Олжас Сулейменов. — Годами, вчитываясь в него, получаешь поэтическое образование. Живой учебник русского языка и поэтики, в котором зачастую правила обнаружива-

ешь и формулируешь сам, а исключения возвышаются над унылыми закономерностями. Читать «Слово» мне помогало природное двуязычие, знание культурных взаимоотношений Руси и Поля, увлечение этимологией и, может быть, чувство слова и образа, выработанное упражнениями в версификаторстве. «Слово» формировало мое миропонимание. «Слово» ввело в историю и позволило увидеть другими глазами многие стороны современности. Я понял, что историческая ложь может оскорблять вещь так же, как историческая правда невежду. Мне приходилось видеть, как исторический факт мотается на качелях субъективной логики, возносясь на метафизические вершины и обрушиваясь в бездонные пропасти объективного незнания. Факт, взятый вне исторического контекста, превращается в мертвую игрушку ученых...»

К чему, казалось бы, можно придраться в вышеприведенной цитате? А все дело было в том, что «факты», обнаруженные в «Слове» по-

томком «степняков» Олжасом Сулейменовым, категорически опровергли традиционное наше представление о вечной «степной угрозе» и изначально враждебном противостоянии Древней Руси и Поля. Многих российских историков чрезвычайно шокировали выводы казахского поэта и слова, сказанные им о главном герое «Слова» — князе Игоре: «Нет, не жажда принять мученическую смерть за Русскую землю увела его так далеко от стен родимого города, не патриотический акт видится нам в его поступке, не раскаяние в своей прежней политике, не «преданность новой — общерусской».

Получалось, что «страшный враг, ужас и проклятие Руси» — не половцы даже, а скорее князя, подобные Игорю. Это они «несут розно русскую землю», это они приводят половцев или провоцируют их набеги.

Отпор Олжасу Сулейменову партийные демагоги дали тогда жестокий. И никого совершенно не смутило, что выдающийся русский историк академик Б.А. Рыбаков в своих научных трудах еще раньше сказал, собственно, о том же: «Не общерусская оборонительная война и даже не защита собственных рубежей, а лишь желание захватить половецкие юрты с женами, детьми и имуществом толкало князя на этот поход...»

Ипатьевская летопись говорит об Игоре тоже нелицеприятно. В ней дословно зафиксировано «покаяние» Новгород-Северского князя Игоря Святославича, который так

живописует свои прежние «подвиги»: «Много убийств и кровопролитий учинил я в земле христианской, не пощадил христиан, а взял приступом город Глебов у Переяславля. Тогда немало зла приняли безвинные христиане: родителей разлучили с детьми их, брата с братом, друга с другом, жен с мужьями их, дочерей с матерями их, подругу с подругой ее. Все были в смятении от плена и скорби. Живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, ибо, как мученики, святым огнем от жизни этой приняли испытание». Шокирующее, конечно, летописное свидетельство.

Князь Игорь признается: «Старцы умерщвлялись, юноши получали лютые, жестокие раны, мужчин убивали и рассекали на части, а женщины терпели поругание. И все это совершил я».

Да, не все так просто с историческим князем, ставшим литературным персонажем. Ведь это он весной 1184 года навел Кончака на Киев, это Игорь в 1180-1183 годах находился в тесном союзе с половцами.

Все так. Но категорически нельзя обвинять русского князя с позиций сегодняшнего дня, вне временного контекста. А исторические реалии таковы, что для удельного князя тех былинных времен «своими» были те, кто в нужный момент оказывал ему поддержку (хоть половцы, хоть другие «нехристи»); «чужими» — все, кто покушался на княжескую власть. А на власть претендовали в первую очередь родные по крови люди. Поэ-

тому половцы приходили на Русь, как правило, по приглашению самих князей. Наш известнейший и всемерно почитаемый князь Владимир Мономах наводил половцев на родные земли почти два десятка раз. И даже будущий христианский святой князь Александр Невский в «порочащих связях» с ордынцами уличен был. Летопись сохранила обиженно-недоуменные слова его родного брата Андрея: "Господи, что есть, доколе нам между собой браниться и наводити друг на друга татар, лутчи ми есть бежати в чюжую землю, неже дружитися и служити татаром!"

Поди сейчас разберись — кто был прав, кто виноват. Ведь даже само понятие «Русь» в древности понималось иначе, чем мы привыкли сегодня думать. Например, Суздаль, Новгород, Рязань, Галицкие земли, Полоцк, Чернигов и многие другие княжества Русью, строго говоря, не считались. Только владения Киева без оговорок подпадали под это обозначение. В Киеве существовала даже традиционная формула приглашения князя на престол: «Хочет тебя вся русская (т.е. киевская) земля и все черные клобуки (т.е. войско)».

В половецком плену князь Игорь жил достаточно вольготно, хан Кончак даже разрешил ему общаться с православным священником. А потом хан и вовсе стал сватом, отдав свою дочь за шестнадцатилетнего Владимира, сына Игоря. Академик Б.А. Рыбаков подсчитал, что в плену русский князь пробыл всего полтора

месяца и сбежал в июне 1185 года. Ярославна, чей потрясающий «плач» наизусть учат все российские школьники, бросилась навстречу мужу, и «от слез и радости они сказать ничего не могли». Вскоре из плена и сын Владимир воротился — с молодой женой Кончаковной, и пошли от них дети — «более половцы, чем русские».

Умер князь Игорь своей смертью в 1202 году в Чернигове...

В «Аз и Я» Олжас Сулейменов дословно перевел «с русского на русский» многие обозначения «ужасных» степняков X–XII веков. Ведь в «Слове о полку Игореве» постоянно фигурируют загадочные торки, берендеи, печенеги, кумане, кощеи, поганые, языги, толковины и так далее. В классическом понимании это все враги, постоянно угрожающие Руси. Но оказалось, что, например, торки — это просто родственники жены. Печенеги — свояки. Кощеи — кочевники. Паганы — пастухи. Языги и толковины — степняки. Слово «кумане» и перевода, собственно, не требует: кумовья это даже лучше и ближе, чем кровные родственники...

Выводы поэта не претендовали на оригинальность, но в пух и прах разбивали псевдопатриотические позиции. Поэт утверждал: мы издавна живем на одной земле, живем вместе, и нельзя отношения народов определять одним только извечно враждебным противостоянием, нельзя народы делить на плохие и хорошие, нельзя приписывать, кому бы то ни

было, изначально агрессивность и свирепость. Нельзя, возвышая горы, унижать степь...

Странно, что тогдашние партийные идеологи, рьяно прославлявшие «новую общность — советский народ», не поняли простой и очевидной мысли: одна только война допустима — война поэзии с лжеисторией.

Вообще-то межъязыковые разыскания приводят к любопытнейшим открытиям. Когда-то Олжас Сулейменов мне так объяснил происхождение слова «казак (х)»: в казахской народной этимологии оно и поныне разлагается на две составляющие — «каз» и «ак», что переводится как «гусь белый», то есть лебедь. Значит, не случайно в древнерусском фольклоре птицы гуси-лебеди —

всегда «подозрительные», несущие угрозу. Вот и в «Слове о полку Игореве» русские воины сравниваются исключительно с соколами, но даже телеги половецкие «кричат в полночи, словно лебеди распущенные»...

Конечно, чрезвычайно печально, что имя автора бессмертного «Слова» нам до сих пор установить не удастся. В последнее время появились даже предположения: а не сам ли исторический князь Игорь обратился к потомкам со своей пронзительной «исповедью», не он ли автор удивительного произведения? Так это или нет — утверждать сегодня затруднительно, одно только совершенно ясно и не вызывает сомнений: даже безымянный гений им навсегда и остается... □

Светлана
Бестужева-Лада

Марфа-посадница

Имя этой женщины когда-то было широко известным и символическим для россиян. Оно отождествлялось со стремлением к свободе, к борьбе против угнетателей и героической гибелью во имя народа и за народ. Известный историк Николай Карамзин написал историческую повесть, в которой вывел образ некой бесстрашной амазонки, пытавшейся спасти Новгород от захвата его великим князем московским Иваном III...

Все это так, но... сильно приукрашено фантазией, как народной, так и историков. На самом деле жизнь и смерть Марфы Борецкой была куда более драматичной и куда менее романтичной и возвышенной.

Впрочем, судите сами.

О детстве и юности Марфы, дочери новгородского боярина Лошинского, известно очень мало. Существует легенда, будто мать родила ее... на поле битвы, куда якобы прискакала, чтобы поддержать своего супруга, а заодно произвести на свет достойную гражданку свободного города. Во все это верится с великим трудом: разве что мать Марфы случайно оказалась в гуще какого-то сражения, и пришлось рожать там, где было, мягко говоря, некомфортно. Но подтверждений обстоятельств рождения будущей героини Новгорода, увы, не существует.

Не известна и фамилия ее первого супруга — некоего боярина Филиппа, в браке с которым она родила двух сыновей — Антона и Феликса, погибших еще в отрочестве на рыбалке в Белом море. Потом скончался и супруг, но об этом вообще нет никаких данных. Зато достоверно известно, что второй раз Марфа вышла замуж за новгородского посадника Исаака Борецкого и родила ему двух сыновей и дочь.

Долгое время Марфа была всего лишь верной, заботливой женой и матерью, жила во втором супруже-

стве счастливо и богато, так что никаких перемен в устоявшейся жизни женщина наверняка не хотела. Но время было тревожное.

Новгород своими богатствами всегда привлекал захватчиков из разных земель. Во время одного из набегов (кто нападал в тот раз на Новгород — неизвестно) во главе войска, оборонявшего границы княжества, встал муж Марфы. И тут существует еще одна легенда о том, что, отправляясь в поход, посадник якобы взял с жены клятву, что в случае его гибели она заменит мужа в Совете старейшин.

Скорее всего, это — возникшее позднее оправдание неслыханного для женщины поступка: участия в политических делах Новгорода. Да и как можно взять с нее подобную клятву, зная, что никто подобной замены никогда не допустит?

Тем не менее, впервые Марфа заявила о себе в 1470 году во время выборов нового епископа новгородского. Она поддерживала некоего Пимена, ярого сторонника союза с Литвой, а сан получил некий Феофил — ставленник Москвы. Отношения новоявленной посадницы с церковью были, таким образом,

основательно испорчены в самом начале ее, можно сказать, «политического пути».

Посадником в Новгороде стал старший сын Марфы и Исаака — Дмитрий, который не имел ни твердости характера матери, ни ее ораторских способностей. Но в 1471 году он (не без активного содействия Марфы) выступил за выход Новгорода из зависимости от Москвы, установленную в 1456 году мирным договором между Василием II Темным, великим князем московским и владимирским, и правительством Новгородской республики.

Тогда новгородцам удалось настоять на нескольких пунктах, ограничивавших влияние великого князя на внутреннюю политику Новгорода. С другой стороны, в договоре были условия, ограничивавшие и их

независимость. Во-первых, Новгород обязывался не давать убежища врагам Василия. Во-вторых, он лишался возможности вести самостоятельную внешнюю политику и принимать собственные законы. В-третьих, великий князь стал высшей судебной инстанцией Новгорода. В-четвертых, печать новгородского веча и его посадников была заменена печатью великого князя.

После подписания такого договора независимость Новгорода была серьезно подорвана. Москва еще не управляла им напрямую, но республика была сильно урезана в правах. Однако некоторые пункты постоянно нарушались: новгородцы продолжали давать убежище врагам великого князя.

В свою очередь, Василий II и его наследник Иван III нарушали статьи, касавшиеся территориальной целостности новгородской республики. Обе стороны постоянно обвиняли друг друга в нарушении условий мира в течение следующих пятнадцати лет. Но понадобилось появление Марфы Борецкой, чтобы глухое недовольство перешло в открытое военное столкновение.

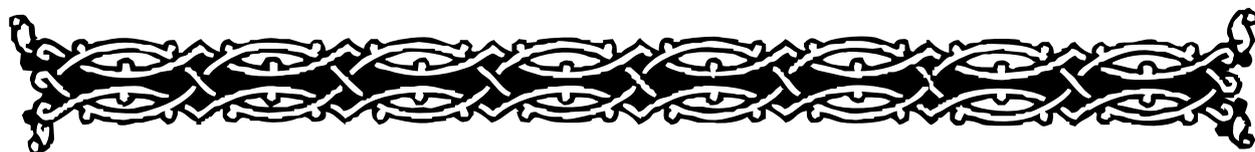
Марфа была, как бы сейчас выразились, неформальным лидером боярской оппозиции к Москве, причем располагала значительными денежными средствами, что тоже было немаловажным. Она лично вела переговоры с великим князем литовским и королем Польши Казимиром IV о вступлении Новгорода в состав Великого княжества Литовского на

правах автономии, при сохранении политических прав Новгорода. В результате московский великий князь послал на Новгород свои войска и одержал достаточно убедительную победу. Дмитрий Борецкий был каз-

вскоре знаменитый вечевой колокол в очередной раз призвал новгородцев на Великую площадь.

Новгородское вече давно стало притчей во языцех. Этот прообраз современных митингов мог возник-

Долгое время Марфа была всего лишь верной, заботливой женой и матерью, жила счастливо и богато, так что никаких перемен в своей устоявшейся жизни она наверняка не хотела. Но, увы, время было тревожное...

нен как государственный преступник. Однако право Новгорода на самоуправление в его внутренних делах было сохранено.

Марфа принадлежала к числу сильных натур, которые, пережив смерть любимого человека, не только не ломаются, но обретают железную, нечеловеческую волю. Больше ничего не может их поколебать, заботы, сомнения частной жизни уступают место общественным ценностям, высоким идеям. Гибель сына лишь добавила ей энергии в переговорах с Казимиром, который обещал ей поддержку.

В Новгороде возник конфликт между литовской и московской партиями (ибо далеко не все граждане свободной республики поддерживали амбиции «посадницы»), о котором стало известно Ивану III. Так что

нужно тогда, пожалуй, только в Новгороде, который счастливо избежал татаро-монгольского ига и кичился своими богатствами и вольностями. При этом как-то забывалось, что вся «воля» для простых людей сводилась к возможности всласть подрать глотку на площади, а важные дела решали богатые бояре и купцы, меньше всего думавшие о народном благе.

Тем не менее, и тогда уже существовавшая демагогия объявляла Великий Новгород оплотом свободы и равноправия, а его граждан — людьми, свободными духом. Немудрено, что именно там появилась такая фигура, как Марфа Борецкая, стремившаяся во что бы то ни стало сохранить за Новгородом все его свободы и привилегии.

Московское же княжество к XV веку настолько окрепло, что начало

собирать под свои знамена все русские земли. Неизбежно дошла очередь и до «вольного города», который, кстати, давно утратил большую часть своей независимости. От князя Ивана прибыл посол, предложивший новгородцам добровольно пойти под руку Москвы.

Тут-то и наступил звездный час Марфы-посадницы. Один из ее сыновей был казнен, второй никоим образом не годился на роль вождя и полководца, известные и достаточно влиятельные новгородцы не решились открыто выступить против сильного московского князя, так что Марфа без колебаний приняла на себя идейное руководство в борьбе против посягательств Ивана III.

Поскольку сама она встать во главе ополчения никак не могла, то предназначила на эту роль выросшего в ее доме юношу-сироту Мирослава, которого за воинские доблести отличал еще Исаак Борецкий. Чтобы поддержать своего ставленника морально, гордая посадница дала ему в жены свою единственную дочь — Ксению, безропотно подчинившуюся материнской воле.

Свадебные торжества превратились во всенародный праздник. На Великой площади накрыли столы для всех жителей свободного города, ударили в колокол, сзывая всех на торжество. Яства подавались роскошные. Мирослав и Ксения ходили среди гостей и просили граждан веселиться. Главная цель Марфы была достигнута: новгородцы почувствовали себя одним семейством,

в единстве которого и заключалась сила. В чаду пира никакой враг, казалось, уже не страшен.

Впрочем, сама Марфа в общую эйфорию не впала. Она прекрасно понимала расстановку сил — явно не в пользу Новгорода, и потому обратилась за помощью к Пскову, напомнив псковитянам, как благосклонно и щедро всегда относился к ним Новгород.

Увы! Настроенные куда более трезво, нежели жители «вольного города», те помогать отказались и ограничились добрыми советами и пожеланиями удачи Господину Великому Новгороду. Марфа с презрением разорвала ответ «изменников» и на маленьком клочке начеркала: «Доброму желанию не верим, советом гнушаемся, а без войска вашего обойтись можем».

Гордыня недаром считается одним из тяжелейших грехов, и именно она погубила в конечном итоге и Марфу, и «новгородские вольности». К тому же бескомпромиссный характер не способствует удачной политической карьере. Марфа прекратила и переговоры с польским королем, не желая зависеть от его помощи. «Лучше погибнуть от руки Иоанновой, нежели спастись от вашей», — отвечала гордая посадница на письмо Казимира.

В русских летописях Марфа Борецкая обычно сравнивается с Иезавелью, Далилой, Иродиадой, императрицей византийской Евдоксией — словом, с женщинами, злоупотреблявшими властью ради удо-

влетворения собственных и порой преступных амбиций. Сравнение не слишком удачное, так как Марфа обладала всего лишь безмерным честолюбием, но при этом стремилась защитить прежний статус Новгорода, надежно хранивший ее богатства.

Правда, ее обвиняли в намерении выйти замуж за польского короля, чтобы владеть Новгородом после его присоединения к Литовскому княжеству, но сам Казимир вряд ли был в курсе подобных планов и уж точно

никак их не разделял. Тем более что Марфа отвергла его предложение о помощи, чем, собственно, и решила исход дела.

Хотя в любом случае знаменитые «новгородские вольности» были бы утрачены: попав между двумя крупными и сильными державами, Великий Новгород был обречен присоединиться к одной из них или просто исчезнуть. Марфу Борецкую, равно как и ее сторонников, это категорически не устраивало. Не жалея

себя, она проводила дни на Великой площади, вдохновляя воинов на подвиг во имя отечества, поддерживая патриотический дух горожан и запугивая новгородцев московским рабством.

Прекрасно и величественно, но... Но посаднице было что терять в случае покорения Новгорода. Подобные соображения ничуть не умаляют силы ее личности, но делают весьма сомнительными «величие деяний» во имя народа. Знатная и богатая мятежница защищала, прежде всего, свой статус и свой кошелек. При этом надеяться оставалось только на собственные силы, так как у Новгорода их было явно недостаточно, вот и приходилось изо дня в день «митинговать». Оставалась, конечно, еще надежда на промысел Божий. Но тут у самой Марфы Борецкой были определенные трудности, о которых воспевавшие ее подвиг поэты и писатели предпочитали не упоминать.

Житие Зосимы Соловецкого рассказывает, что основатель Соловецкого монастыря предсказал падение Марфы. Это пророчество связано с посещением Зосимой Новгорода во время конфликта монастыря и Новгородского княжества в отношении прав монастыря на рыбную ловлю. Когда Марфа однажды выгнала преподобного из Новгорода, он предрек:

«Настанет время, когда жители этого дома не будут ходить по своему двору; двери дома затворятся и уже не откроются; этот двор опустеет».

Через некоторое время по приглашению архиепископа Феофила Зосима вновь посетил Новгород, и Марфа, рассказавшись, на этот раз приняла его в своем доме. Она даже якобы дала Соловецкому монастырю грамоту о правах на тони (места для рыбной ловли), хотя на самом деле у нее не было никаких прав выдавать подобные документы. Но в труд-

ную минуту все средства были хороши.

Марфа приказала отворить все храмы города и непрерывно служить молебны во имя победы войска новгородского.

Наконец военные приготовления были закончены, новгородцы приведены в состояние полной готовности — можно было выступить. К тому же и войско московского князя было уже совсем близко от города. Во главе новгородцев встал молодой зять Марфы Мирослав, и ополчение устремилось навстречу противнику.

Потянулись долгие дни ожиданий вестей с поля боя. Сама посадница представляла собой образец оптимизма и уверенности — была непременно весела, энергична. Дочь ходила за ней, как верная тень, и повторяла ее слова, молясь в душе за сражающегося супруга, от которого сначала приходили короткие письма, а потом время от времени лишь прибывали гонцы с лаконичной вестью:

«Сражаемся!»

Тем внезапнее было отчаяние, охватившее новгородцев, когда в город вернулись уцелевшие после разгрома воины. Погибли и Мирослав, и сын Марфы. Улицы Новгорода наполнились причитаниями женщин и стонами раненых. Как гласит легенда, Марфа спросила у воинов:

— Убиты ли сыны мои?

— Оба, — услышала она в ответ.

И отреагировала уже совершенно в стиле древнегреческих трагедий: — Хвала небу! Отцы и матери

новгородские! Теперь я могу утешать вас!

Легенда, конечно, красивая, но вряд ли даже самая мужественная женщина отреагировала бы так пафосно на известие о гибели сына и зятя. Тут, по-видимому, нужно благодарить писателей, вкладывавших в уста властной и несгибаемой новгородской боярыни соответствующие реплики. А вот в поступок Марфы после получения скорбной вести поверить куда легче. Она все-таки решила пойти на компромисс, хотя понимала, что шансов достигнуть желаемого мало. Новгород предложил Ивану выкуп — все свои богатства. Для Марфы это было действительно героическим поступком: пожертвовать деньгами. Но эта жертва запоздала.

— Покорность без условия или гибель мятежникам! — гневно ответил московский князь и выгнал новгородских послов.

Оставалось последнее средство. Дед Марфы по матери, пустынник Феодосий, давно уже покинул город и жил отшельником на берегу озера Ильмень. Марфа решила, что старец должен теперь вернуться в Новгород. Народ общим криком изъявил радостное удивление при появлении Феодосия.

— В счастливые дни твои, любезное отечество, я молился в пустыне, но братья мои гибнут... — начал свою речь старец.

Народ в едином порыве избрал Феодосия посадником, что было, в общем-то, нелепо и бессмысленно.

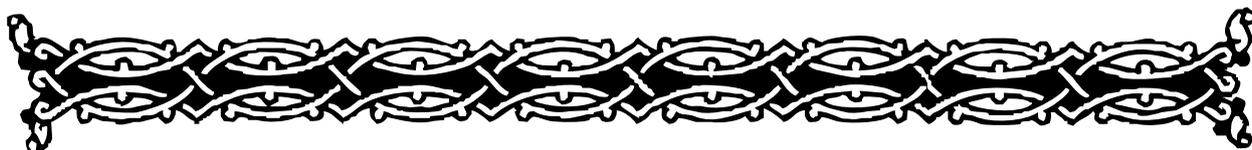
Но ведь утопающий не то что за соломинку — за бритву схватится, а отчаявшиеся целовали руки и полы одежды старца-посадника, величая его избавителем и заступником. Марфа же... устроила им очередное всеобщее пиршество, чтобы горожане хоть немного воспряли духом.

Четыреста лет спустя в цикле стихов, посвященных Марфе-посадни-

*Солетайте-ко в райский терем,
Вертайтесь в земное логово,
Стучитесь к новгородским
дверям!»*

*Приносили голуби от Бога
письмо,
Золотыми письменами рубленное;
Села Марфа за расшитою тесьмой:
«Уж ты, счастье ль мое
загубленное!»*

Марфа стала, как бы сегодня выразились, неформальным лидером боярской оппозиции к Москве. Она лично вела переговоры с великим князем литовским и королем Польши Казимиром IV о вступлении Новгорода в состав Великого княжества Литовского на правах автономии. В результате московский князь послал в Новгород свои войска и одержал убедительную победу. Муж Марфы, Дмитрий Борецкий, был казнен как государственный преступник

це, Сергей Есенин изобразил некую святую великомученицу, чистую голубицу, гонимую вместе со всем народом новгородским князем-антихристом московским:

*В зарукавнике Марфа Богу
молилась,
Рукавом горячи слезы утирала;
За окошко она наклонилась,
Голубей к себе на колени
сзывала.
«Уж вы, голуби, слуги Боговы,*

И писал Господь своей верной рабе:

*«Не гони метлой тучу вихристу;
Как московский царь на кровавой
гульбе*

Продал душу свою антихристу...»

Тем временем князь московский все крепче сжимал кольцо осады вокруг городских стен, и в городе начинался голод. Надеялись на осенние дожди, которые делали болотистую местность вокруг Новгорода непро-

ходимою. Но... осень впервые за долгие годы выдалась на удивление теплая и сухая. Не помогли ни моления Феодосия, ни раздача скудного пайка, ни долгие размышления Марфы у могилы мужа. Хотя сама посадница считала эти средства весьма действенными — увы, пользы от них было мало, голод доводил людей до сумасшествия. Новгородцы взбунтовались — на сей раз против своей избранницы и героини. Тогда Марфа

упала на колени перед толпой и смиренно стала молить новгородцев о решительной битве.

Прием сработал безотказно: новгородцы из последних сил двинулись защищать свой город и свои вольности. Но чуда, о котором все так истово молились, не произошло. Московский князь одержал окончательную победу и вступил в объятый ужасом город.

Правда, Иван III тут же объявил горожанам, что с его стороны мести

никому не последует. Но понимать это следовало лишь как отказ от массовых казней. Действительно, князь ограничился тем, что выслал несколько тысяч самых богатых и влиятельных семей за пределы новгородских земель, лишив их всего имущества, но сохранив жизнь.

В 1478 году он окончательно лишил Новгород привилегий самоуправления и установил власть самодержавия. В знак упразднения новгородского веча вечевой колокол был торжественно снят и увезен в Москву. Народ долго шел за скорбной процессией, словно провожал гроб. Действительно, это были фактические похороны последних остатков «вольностей новгородских».

По летописным источникам, Марфа Борецкая разделила судьбу большинства знатных новгородцев: ее земли и имущество были конфискованы, а саму Марфу сначала привезли в Москву, а затем выслали в Нижний Новгород, где постригли в Зачатьевском монастыре под именем Марии. Там она и умерла в 1503 году, уже основательно всеми забытая.

Но народная героиня просто не могла так скучно закончить свой земной путь. Не сразу, но возникли легенды о героической кончине Марфы Борецкой. По одной из легенд (ничем не подтвержденной), Марфа была казнена по дороге в Москву в селе Млеве Тверского княжества. Весьма сомнительно, потому что

обычным наказанием для женщин на Руси было пострижение в монастырь — смертная казнь полагалась лишь за мужеубийство. И не логично: если бы действительно Марфу намеревались казнить, то сделали бы это не тайно.

Гораздо логичнее и романтичнее выглядит другая легенда, горячо поддержанная Карамзиным и многими другими. Согласно ей, Марфа-посадница была казнена в самом Новгороде на Великой площади — если верить исторической повести знаменитого историка.

«На рассвете загремели воинские бубны. Все легионы московские были в движении. Народ трепетал, но собирался на Великой площади узнать судьбу свою. Там, на эшафоте, лежала секира... Наконец железные запоры упали, и врата Борецких растворились: выходит Марфа в золотой одежде и в белом покрывале. Старец Феодосий несет образ пред нею. Бледная, но твердая Ксения ведет ее за руку. Копья и мечи окружают их...

Народ и воины соблюдали мертвое безмолвие, ужасная тишина царствовала; посадница остановилась пред домом Ярослава. Феодосий благословил ее. Она хотела обнять дочь свою, но Ксения упала; Марфа положила руку на сердце ее — знаком изъявила удовольствие и спешила на высокий эшафот — сорвала покрывало с головы своей, взглянула на мрачное, облаками покрытое небо — с величественным уны-

нием опустила взор свой на граждан... приблизилась к орудию смерти и громко сказала народу:

«Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новгородскою!..»

Не стало Марфы... Многие невольно воскликнули от ужаса, другие закрыли глаза рукою. Тело посадницы одели черным покрывалом...»

Затем московский воевода огласил княжеский указ:

«Слава правосудию государя! Так гибнут виновники мятежа и кровопролития! Народ и бояре! Не ужасайтесь: Иоанн не нарушит слова; на вас милующая десница его. Кровь Борецкой примиряет вражду единоплеменных; одна жертва, необходимая для вашего спокойствия, навеки утверждает сей союз неразрывный. Отныне предадим забвению все минувшие бедствия; отныне вся земля русская будет вашим любезным отечеством, а государь великий — отцом и главою. Народ! Не вольность, часто гибельная, но благо устройство, правосудие и безопасность суть три столпа гражданского счастья: Иоанн обещает их вам пред лицом бога всемогущего...»

И граждане Новгорода, наконец, воскликнули: «Слава государю российскому!»

Старец Феодосий снова удалился в пустыню и там, на берегу великого озера Ильменя, погреб тела Марфы и Ксении. Гости чужеземные вырыли для них могилу и на гробе изобразили буквы, смысл которых и сегодня остается тайною. □

Лариса Цитович

БРИСТОЛЬ

— Что ты сказал, Гриша?!

— Что слышала!

Он накинул на плечо ремень сумки, с треском закрыл за собой дверь, кубарем скатился по лестнице и, каким был в пылу битвы, таким и доверил себя улице.

Куда? Куда ему теперь, если впереди свобода? Где? Где может быть так хорошо, как никогда не было?

Он плюхнулся на ближайшую скамейку и зарылся в сумку. Вот она, та заветная стопочка оранжевых бумаг, которую по крохам собирали до совершеннолетия. Среди прочих бебехов — о, как! — еще одна упаковка. Документы к практике, собранные мамой. Нет! Матерью!

Было бы неплохо, если прямо сейчас, подобрав свои нитки бровей и разгладив на коленях свою престижную юбку, она уселась бы напротив него, чтобы дослушать до конца то, что не успела дослушать.

«Дурасэл ученая! Ты! Сама необучаемая, но призванная учить других! Попусти гонор и кинь взгляд в зеркало. Что кроме «остохренело» ты в нем увидишь? Из благого желания защитить и уберечь ты давно уже не «обнимашка»! Ты превратила себя в дозорный катер!»

Никогда! Никогда без кольта в кармане он не приблизит к себе ни одной вертихвостки. В каждой из них таится мать. Это она сделает тебя собственностью. Изнаночной стороной вывернет наружу. Чтобы потом за каждый успешный год одарить майкой с матерчатыми кедиками.

Гриша в сердцах пнул привязавшуюся к ногам парочку голубей, стукнул кулаком о ребро скамейки и тихо замурлыкал:

«Прощай, Дженни,
Прощай, не грусти,
Меня ты, Дженни, прости!»

Ох, и жаль было ему когда-то ту самую Дженни, с которой шумно, во всю глотку прощался рыбачина-листригон. А он совсем еще малолетним лопушком гулял за руку по бесконечно длинной набережной то ли Балаклавы, то ли Ялты.

Теперь его, скорее, растрогала бы участь рыбака, теперь он осознал, что за возможность выкричатся платят дорогим — рвут себе душу. А бездушный листригон непременно «выпадет в осадок», пойдет ко дну...

Сидя на лавке, всеми брошенный, Григорий искал и не мог найти выход из тупика. И тут его осенило, он вспомнил одну из главных установок морехода: когда заштормило, укройся от ветра и волн — отыщи бухту!

— Хлопцы, дивчата, кому в Ялту, в Бристоль? — надрывался пожилой «мавр».

— Ты ничего, хлопец, не путаешь? Ты в Ялту? Или в Бристоль?

Уже по дороге к фирменному такси сошлись во мнении, что удобней всего жить в «сэрдэньке» города. А «сэрдэнько» Ялты и есть отель «Бристоль».

— Вы украинец?

— Не-е-е, крымский. А шо калякаю по-разному, так это самое... вожу ведь разных. Вот ты, хлопец, похоже, студент?

— Курсант. Так вернее будет.

— Отдохнуть едешь? Рановато, апрель только на дворе.

— Нет, не отдыхать. Так... просто сорвался... в Ялту потянуло.

Водитель мастерски объехал пару автолюбителей и опять включил свой вопросник:

— Сорвался, это как? Учебу бросил?

Григорий сморщился, попробовал увернуться, но немолодое обветренное лицо дыкнуло мужским братством.

— Нет. До этого пока не дошло, — попытался он объяснить. — Просто от практики отказался, от моря.

— От моря? Это от рейса?

— Да, да, на фрегате.

Потеряв управление, «мавр» едва не врезался в автобус:

— И что так? Почему отказал?

— Ну, вы как моя мама: «учиться надо на пять», — хмыкнул Григорий.

Водитель замолчал. Они выехали на широкое шоссе, по обочинам которого толпились заброшенные деревья. Были б жалкими, если б не осыпали сами себя бело-розовыми цветами. Вишни? Персики?

Грише припомнились веселые детские путешествия. Нет, нет, обиженным и обездоленным он никогда не был. Мать любила его и даже баловала. С чего, в какой момент оборвалось их благополучие?

«Я родила этого ребенка для себя», — объявила как-то она. Да, пожалуй, с того подслушанного разговора все и поехало.

Грише хотелось с кем-то поделиться, как смычка «для себя» легко заменяется смычкой «под себя». Шуточное ли это дело: кормить, лечить и учить в одиночку? Это героизм, это почти война. И не мудрено, что с годами повзрослевшая мать начала взрываться. В ход полетели упреки: она отдала ему всю себя, а он — неблагоприятный.

По-родственному захотелось поделиться, насколько это грустно, когда нет отца. И пояснить заодно, что на пятерки учатся сейчас только идиоты. Кому, как ни его маме хорошо знать, что оценки в вузе стали предметом бакшиша?

Многое хотелось бы услышать в ответ, но старый «мавр» остановил свой автомобиль и ринулся через бушующее шоссе. Как оказалось, за горячей лепешкой.

— Тут у меня чаек припасен. Угощайся, — разломив ее пополам, предложил он. — А что к морю не захотел, так это самое... на нашу Дерекойку взглянешь.

— Это что? — вяло поинтересовался Григорий.

— Река такая. Вроде тебя, с гор скатилась. Очутишься в центре, спроси улицу Московскую и Киевскую. Аккурат между ними — Дерикойка.

В номере гостиницы первым делом Гриша открыл для себя сейф. Когда-нибудь, если доведется стать капитаном, этой вещицей он воспользуется. Пока же... от нечего делать чуточку повозился с кодовым замком и затолкал свои деньги в камеру.

Многие правила, которые он изучил в дальнейшем, пришлись по душе. К примеру, утренняя «швеция». Если позавтракать плотно, чтоб на целый день, а вечером пораньше в кровать... отдыхаем ведь?

Бассейн! О, бассейн — это почти профессионально! Он извлек из сумки маск-очки, надел поверх плавок махровый белый халат и сунул ноги в резиновые шлепанцы.

При виде голубой, заполненной до краев купели у Гриши дух перехватило от блаженства. Недолго размышляя, он сделал в воздухе пируэт, с бортика винтарем вклинился в воду... и тем холоднее прозвучал для него голос:

— Молодой человек, вы очумели?

Совсем неподалеку, в паре шагов от него, в воде копошилась какая-то мамочка с ребенком.

— Да, мэм! — откликнулся Григорий. — И мне предписано водолечение.

Он встряхнулся, разметав вокруг себя капли, ушел вглубь, выскочил стрелой и провел серию боксерских ударов с тенью.

Сквозь вспотевшие стекла квадратных очков какое-то время наблюдал, как длинноногая мамаша в черном купальнике волочит за собой упирившуюся девочку. Губы девочки что-то гневно выкрикивали. Он разобрал слово «дьянь», покачал головой и расплылся в улыбке.

От души наплававшись, Григорий потерял интерес к воде, возвратился в номер и упал замертво. Кто сказал, что здоровый сон — это восемь часов? Он проспал все двенадцать и проснулся в отличном настроении.

За окошком моросит мелкий дождь, но здесь, на теплой веранде местного ресторана, было очень уютно.

Вон и та знакомая парочка. Хищницы, надо полагать, но чудо, как хороши! Обучены этикету: спинки прямые, лопатки сведены. Глянешь на старшую и запнешься на букве «с»: и стиль, и сдержанность. Девчонка, напротив, взбалмошна и нарядна. У цветов нет будней.

Движимый, можно сказать, любопытством, Гриша подошел к свободному месту, отвесил игривый поклон и представился:

— Я — позитивно настроенный человек. Хочу поднять вам аппетит.

Его поддержала только девчонка:

— Драсьте!

Судя по всему, она тяжело осваивала вилку с ножом. У нее были накрашенные лаком ногти, и время от времени она ими любовалась.

Гриша уже водрузил в центре стола свое блюдо и лишь потом из вежливости поинтересовался:

— Не возражаете?

Он только-только собрался потешиться над тем, что всякую приятность время стирает, как подошву на пятке, когда... когда его точно ударной волной окатило. Лицо этой женщины, хоть и подретушированное косметикой, было заплаканным.

Такая женщина могла заплакать лишь от обиды, лишь от измены, лишь от непонимания. Можно, конечно, допустить, что расплакалась она от тайного желания что-то приобрести, когда ей в этом отказали.

— Хотите, я мигом обернусь за очками, — сморозил Гриша первое, что пришло в голову.

Лицо сидящей напротив мадонны на секунду сделалось колючим. Затем она, видимо, представила себя в его огромных очках и, склонив лицо над тарелкой, улыбнулась:

— Не надо.

Гриша не смог бы объяснить, что за глубина затаилась в таком ответе, но именно с ним пришло ощущение, что надо поменьше говорить, а больше чувствовать.

Он оглядел ее белоснежную блузку и не мог ее не одобрить. Ярким пятном на ней выделялась брошь. Ба, клоун! Настоящий клоун в пышных жемчужных шароварах и со скрипкой в руке.

Что у матери, что у дочери — светло-серые глаза. И Грише почему-то подумалось, что серые глаза называют холодными совсем незаслуженно.

Девчонка, между тем, не глядя ни на кого, боролась с сырниками.

— Тить колотить! — вдруг не выдержала она и уронила приборы на развалившийся творог.

Щеки у старшей заметно порозовели, и она безотчетно пожаловалась:

— У Ляли в садике так ругаются!

Гриша мигом встал на защиту девочки:

— Ругаются не только ляли в садиках. Ругаются все, у кого есть характер.

Видимо, в своем желании он брякнул что-то лишнее, потому что женщина от него мгновенно ускользнула. Теперь она смотрелась чужой и далекой:

— Вы не могли бы сесть за другой столик?

Никогда еще ему не доводилось «ухаживать» за женщинами, и незаметно для себя Гриша стал подыскивать нужные слова, чтобы проторить к ней дорожку.

— Не гоните меня, — попросил он. Потом подумал и добавил: — Русский разговорный за французским завтраком ведь не отменяли, правда?

Женщина не смогла сдержать смех, а он открыл в ней новое чудо — ее зубы! Не те, которыми ослепляют с экрана, а те, которыми только очень симпатичных людей одаривает природа. И под шорох дождя Гриша позавидовал тому счастливцу — мужчине, которого не ведут в танце, а за которым следуют.

Входя в некий образ, он попросил еще раз:

— Пожалуйста, не гоните меня. Мне двадцать восемь лет. Прожита, можно сказать, половина жизни. Позвольте остаться, чтобы доказать вам, что я хороший.

— Если ты такой большой, почему на твоем пальце нет кольца? — подняла на него свои большие серые глаза девчонка.

— Потому что я пока еще жених, причем жених завидный.

— Почему за-видный?

— Потому что я — будущий судовод. Буду надолго уходить в море, и возвращаться с кучей денег.

— Деньги — это балласт, судовод, — одернула его женщина. — Вы об этом думали?

Пришла очередь улыбнуться Грише:

— Дорогая сударыня, по моей теории все не так. Смею вас заверить, деньги — это радость, это шалопайство.

Наступило молчание, и к нему вновь прицепилась девчонка:

— Если ты судовод, то где твое судно?

Подражая ей, Гриша объявил:

— А я взял и написал рапорт. Знаешь, что я там написал?

— Что?

— Попросил освободить меня от практики, потому что боюсь акул. А ты акул боишься?

— Сколько вам лет, молодой человек? — прервал его смеющийся голос, ради которого он так старался.

— Ну, если быть честным, то я соврал, — признался он. — К сожалению, мне не двадцать восемь, а восемнадцать. Но я действительно судовод, или, как у нас говорят, «садовод». Первый курс заканчиваю. Впереди практика под парусами. А что здесь, так время понадобилось, искал пещеру... чтобы разобраться.

Серые глаза старшей заметно оживились:

— Я прослушала вашу беседу, садовод, и поняла, что вы сюда не зря ехали.

— Даже не представляете, насколько не зря, — улыбнулся Гриша.

Затем он трепетно коснулся руки девочки, кивнул им обоим на прощанье и поспешил к выходу.

Утопая в ковровой дорожке, он торопился в свой номер, и перед ним то возникал, то стирался образ. Белая блузка, на ней брошь. Ба, клоун! Ба, скрипка!

Возможно, очень даже возможно, что причина ее слез не блещет новизной, а самая что ни на есть банальная. Возможно, ей захотелось купить себе бусы из королевского янтаря. А как он заметил, они продаются на вес и очень тяжелые.

Оказавшись в номере, он в первую очередь позвонил в порт. Выяснил, что, если явится на корабль до двадцати четырех, то успевает. Срочно заказал билет на самолет. Оставшуюся стопочку, не пересчитывая, сложил в футляр под очками.

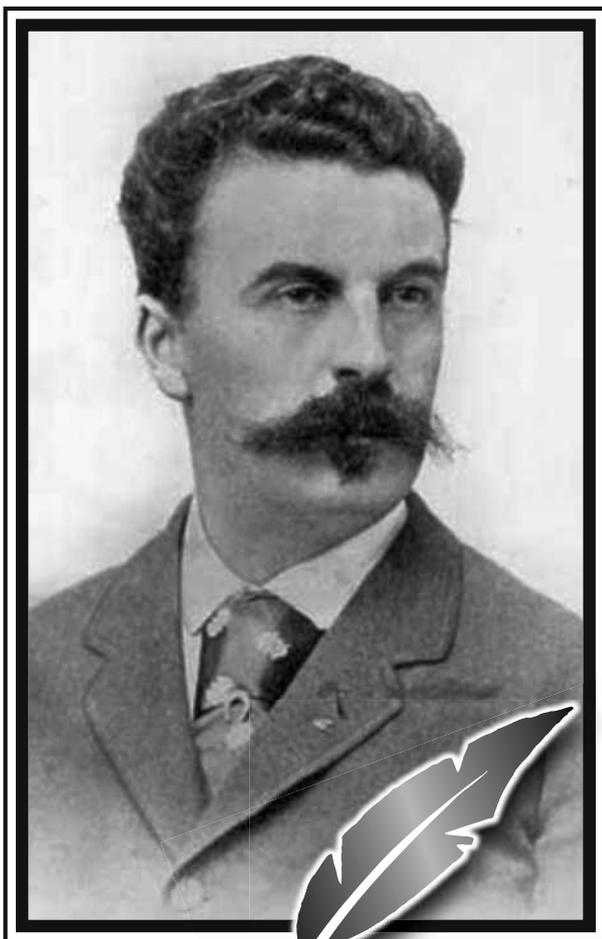
Он попросит к завтрашнему утру положить эту коробочку на их стол.

Предстояло самое трудное: как избавиться от лишнего груза, как передать деньги, чтобы без обид и без ханжества. Судя по всему, «парочка», как он их мысленно прозвал, не из бедных. Но решилась ведь маркиза на дружбу с клоуном. Значит, умеет не только плакать, но и смеяться.

Торжественным шрифтом Григорий вывел в записке: «Я меняю галс и беру весь ветер на себя. Балласт оставляю вам». Потом, уже размашистым почерком, дописал: «Если мы — команда». □

Алла Зубкова

Ги де Мопассан

МЗМЫГ
ДРУГ

«Вы слышали, дорогая, о последней выходке нашего Мопассана?» — Глаза баронессы возбужденно блестя, она была в восторге оттого, что могла первой поведать приятельнице, только что вернувшейся в столицу с Лазурного берега, последние пикантные новости парижских салонов. — Графиня Эммануэла Потоцкая послала нашему писателю полдюжины маленьких кукол, одетых в дамские туалеты. На следующий день он вернул ей их. Но в каком виде! Каждой под платье он засунул кусочек материи, так, что куклы приобрели вид беременных. И сопроводил это запиской: «Всех шестерых за одну ночь!» Графиня была в восторге от остроумия нашего милейшего Ги, но ее супруг, говорят, обиделся на эту чересчур уж фривольную, по его мнению, шутку».

Ги де Мопассан ... Каким был этот человек, будораживший воображение современников. Да и не только их. Автор более трехсот новелл. Дон Жуан, любовный список которого включал огромное число женщин. «Я ворвался в мир литературы, как метеор, и исчезну, словно отзвучавший раскат грома», — сказал он однажды. Быть может, он был еще и провидцем?

Биографы до сих пор спорят о том, где появился на свет писатель. Мать Мопассана утверждала, что свой первый крик ее малыш издал 5 августа 1850 года в замке Мироменсил, который они с мужем тогда арендовали. Многие в этом сомневаются. Дело в том, что Лора де Мопассан была известна своим честолюбием и амбициозными претензиями. Между тем, дом ее матери находился в маленьком, непрезентабельном городке Фекан. Допустить, чтобы в свидетельстве о рождении ее первенца был указан городок рыбаков и солиль-

придал головке младенца более благородную форму.

Мать будущего писателя, Лора Ле Пуатвен, происходила из интеллигентной буржуазной семьи. По общему признанию, женщиной она была образованной, утонченной и очень эмоциональной. Твердый характер уживался в ней с истеричностью. Во всяком случае, так утверждал ее супруг. Гюстав де Мопассан, отпрыск рода, претендовавшего на аристократизм, до женитьбы привык вести жизнь приятную и праздную. Солидное состояние, полученное в на-

Получив диплом бакалавра, Мопассан переехал в Париж. Но ему недолго удалось проучиться в парижском университете, так как началась франко-прусская война, и его призвали в армию. После демобилизации он служил в нескольких министерствах, но скучная работа клерка не удовлетворяла его. Ги умер бы от тоски, если бы не две отдушины: литературные экзерсисы, пока еще робкие и неудачные, и... его любимая Сена

щиков? Это было выше ее сил. Полагают, что она вполне могла родить ребенка в Фекане, а затем тайно переехать в замок, выдав это аристократическое гнездо за место появления сына на свет. Договориться с врачом особого труда не составляло. Кстати, доктору, принимавшему Ги, не понравилась форма его черепа, и он, как это порой делали эскулапы того времени, нажатиями рук

следство, давало ему, неудавшемуся художнику, такую возможность. Он и после женитьбы не собирался менять своих привычек. Казино, певички, танцовщицы, юные гризетки ... Маленький Ги порой становится свидетелем безобразных сцен между родителями. Супруги подолгу жили врозь. Девятилетний мальчик несколько месяцев проводил с отцом в Париже. Его письмо домой — смесь

*Лора де Мопассан,
мать писателя*

*Гюстав де Мопассан,
отец писателя*

наивности и уже не вполне детской наблюдательности: «Я был первым по сочинению (в лицее). В награду госпожа Х повела меня в цирк вместе с папой. Мне кажется, она награждает и папу, но я не знаю, как именно и за что».

Ги исполнилось двенадцать, когда родители окончательно расстались по взаимному соглашению, так как закон о разводе тогда еще не был принят. До тринадцати, пока он не окончил колледж, Ги жил в Фекане. Летнее время они с матерью проводили в приморском городке Этрета. Ги обожал море, лодки. Эту любовь он пронесет через всю жизнь. Продолжать образование мать отправила его в католический пансион в Ивето. Там мальчик начал писать недурные стихи. Он считался одним из

лучших учеников. Впрочем, диплома об окончании этого учебного заведения Ги так и не получил. Уже тогда в нем проснулась тяга ко всякого рода розыгрышам и проделкам, которые порой носили характер невинный, а иногда и не очень. Подростков в пансионе кормили скверно, и однажды они не выдержали — стащив ключ у отца-келяря, проникли в погреб с вином и съестными припасами и устроили там роскошное пиршество. За этот «подвиг» юного Мопассана, как одного из зачинщиков, исключили из пансиона и отослали домой.

Дальше была учеба в Руане, где Ги продолжал писать стихи, теперь уже достаточно шаловливого содержания. Во время пребывания в Руане он, по настоянию матери, впер-

вые посетил живущего там уже знаменитого писателя Гюстава Флобера, друга детства Лоры.

Получив диплом бакалавра, Мопассан переехал в Париж. Но ему недолго удалось проучиться в парижском университете на отделении права, так как началась франко-прусская война, и его призвали в армию. Как и многие другие французы, Ги тяжело пережил разгром и национальное унижение Франции. Это отразилось потом в его произведениях.

После демобилизации он последовательно служил в нескольких ми-

нистерствах, но скучная работа клерка не удовлетворяла Мопассана. Он бы умер от тоски, но, к счастью, в его жизни были две отдушины. Это литературные экзерсисы, правда, пока еще робкие и неудачные, и... Сена. Он с детства обожал воду и лодки. Дважды в неделю вечером после работы Ги садился в поезд, который доставлял его к реке, куда-нибудь между Аржантеем и Безоном. Там он останавливался на ночлег, а рассвет заставал его уже на реке, где в это время можно было встретить лишь суденышки браконьеров. Два-три

*Ги де Мопассан
с матерью*

часа интенсивной гребли на стройном быстроходном ялике, и Ги снова спешил в Париж, чтобы успеть на постылую службу. Зато уж во время летних отпусков он «оттягивался» по полной. Мопассан был душой компании таких же, как он, молодых людей, обожавших его за мастерское владение веслами, соленые анекдоты бывшего солдата, умение «охмурить» любую девушку. Ги приводил их в восторг и своими розыгрышами. Однажды, возвращаясь в Париж, он изряд-

Каждое воскресенье Мопассан с удовольствием посещал своего покровителя и друга Флобера. Там он познакомился с уже известными писателями — Доде, Золя, Гонкур. Особое впечатление на него произвел давний друг Флобера, знаменитый русский писатель И.С. Тургенев. «Великан с серебряной шевелюрой, как из волшебной сказки», — вспоминал Мопассан. Элегантная осанка русского гиганта приводила в восторг коренастого гребца. Он даже

В конце семидесятых Мопассан, словно метеор, ворвался в большую литературу. Когда Флобер прочитал его рассказ «Пышка», он не смог сдержать слез. «Ступай, мой мальчик, — сказал он ученику, — теперь ты твердо стоишь на ногах»

но напугал пассажиров вагона, великолепно разыграв роль анархиста, везущего бомбу. «Бомбу» изображал спрятанный в саквояж будильник.

Ги с приятелями обжирались, как дикари, пили сидр, вино и ромовый пунш, горланили во все горло стихи и песни. Это было настоящее счастье — и девушка, всякий раз другая, и верная лодка, и веселые друзья. За веслами ялика он в матросской тельняшке-безрукавке выглядел идеально сложенным атлетом, но когда поднимался, впечатление несколько менялось. Мопассан был невысокого роста, к тому же коротконог.

назвал в честь Тургенева одну из своих лодок — «Добрый Казак» было выведено на ее борту.

Флобер внимательно читал все литературные опусы, которые молодой литератор исправно представлял на его суд. Они мало впечатляли его, так же, как и его коллег. «Как жаль, что у этого славного молодого человека нет литературного таланта», — с искренним огорчением повторял Тургенев. И все-таки интуиция подсказывала Флоберу, что его ученик может стать настоящим писателем.

Старый мэтр оказался прав. В конце семидесятых Мопассан, словно

метеор, ворвался в большую литературу. Когда Флобер прочитал его рассказ «Пышка», он не смог сдержать слез. «Ступай, мой мальчик, — сказал он ученику, — теперь ты твердо стоишь на ногах». Тургенев с радостью признал свою ошибку в оценке таланта Ги и после смерти Флобера очень много делал для пропаганды его творчества. Именно он послал несколько рассказов Мопассана Льву Толстому, который исключительно высоко оценил их.

Кстати, сердечные, поистине отцовские чувства, которые Флобер испытывал к Ги, породили немало слухов. Утверждали, что Ги — незаконный сын Флобера, ведь писателя связывали теплые отношения с Лорой де Мопассан. Слухи эти, однако, совершенно безосновательны. Да, Флобер действительно виделся с Лорой примерно за год до рождения Ги, но дотошные биографы подсчитали, что автор «Мадам Бовари» покинул Нормандию, где жила Лора, по крайней мере, за десять месяцев до рождения Ги...

Между тем, известность Мопассана так же, как и его заработки, стремительно росли. Он вел образ жизни, приличествующий модному и успешному писателю, и стал завсегдатаем и любимцем самых аристократических салонов Парижа. Особенно желанным гостем Ги был в салоне блестящей графини Эммануэлы Потоцкой. Дочь итальянского аристократа князя ди Режина, красавица Эммануэла вышла замуж за баснословно

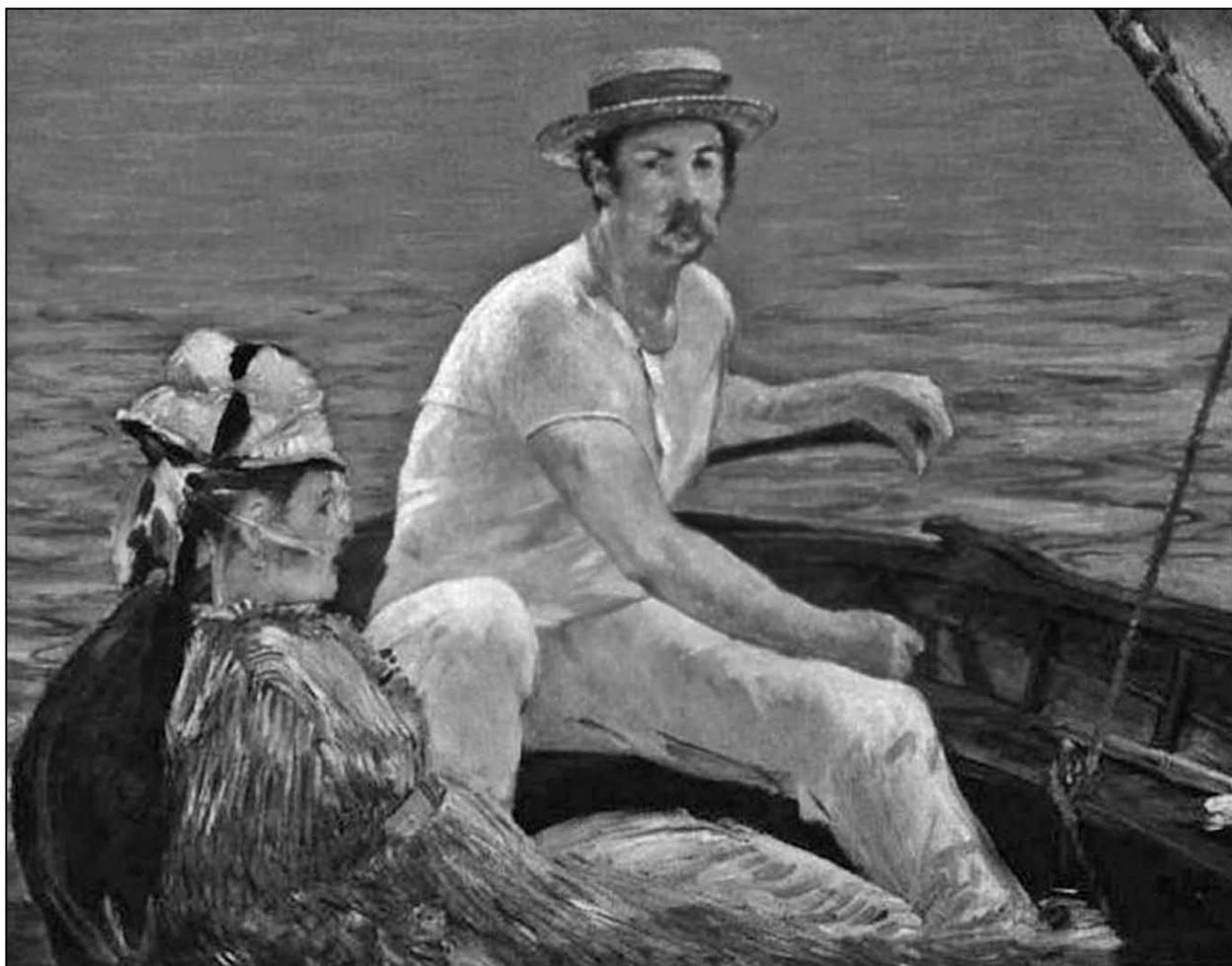
богатого поляка, графа Николаса Потоцкого, атташе австро-венгерского посольства в Париже. Муж не баловал своим присутствием их роскошный особняк, проводя время с любовницами, и остроумная графиня назвала в его честь Ником одну из своих великолепных борзых, которая, в отличие от мужа, все время находилась при ней. Званые ужины у графини, на которых часто присутствовал Мопассан, всегда носили весьма экстравагантный характер. Однажды над столом была укреплена трапеция, на которой выделяла различные гимнастические

упражнения приятельница графини, дочь герцога де Морни. Кстати, сама Эммануэла тоже любила упражняться на трапеции. Графиня была небольшого роста, но очень стройна и великолепно сложена. Никто не может точно сказать, была ли Потоцкая любовницей Мопассана, зато характер его отношений с мадам Марией Канн ни для кого в Париже не был секретом. Почти до самой смерти Ги она была его любовницей. Эта женщина обладала совершенно особым томным и ироничным обаянием, которое неотразимо действовало на мужчин. Ее остроумием восхища-

лись Анатоль Франс и Эдмон Ростан. После смерти Мопассана мадам Канн утверждала, что за годы их связи Ги написал ей более двух тысяч писем.

Незаурядной женщиной была еще одна многолетняя любовница Мопассана, Эрмина дю Нуайи. Ее супруг, известный архитектор, почти безвыездно жил и работал в Румынии. Забавная деталь. В одном из своих рассказов о мужьях-рогоносцах Мопассан повествует о том, как некий депутат Национального собрания, чтобы угодить своей любовнице, исхлопотал орден Почетного легиона для

Эдуард Мане. Портрет Ги де Мопассана в лодке

ее мужа. Так вот, в архиве Мопассана обнаружена копия письма, направленного им одному из министров с просьбой наградить этим же орденом супруга мадам дю Нуайи.

Безусловно, одной из самых колоритных любовниц Мопассана была американка Бланш Рузвельт. Совсем молоденькой эта девушка, дочь сенатора из Висконсина, приехала в Европу и в Милане вышла замуж за маркиза Д'Алигри, который, впрочем, никогда не стеснял свободы своей жены, почти не выезжая из Италии. Бланш была неординарной женщиной, наделенной разнообразными дарованиями. Она сотрудничала в журнале, издаваемом Оскаром Уайльдом, обладала неплохим голосом и некоторое время брала уроки пения у Полины Виардо, подруги И.С. Тургенева. Скорее всего, именно Тургенев и познакомил ее с Ги. Наконец Бланш была просто удивительно красивой женщиной. Ее внешностью восхищались Виктор Гюго и известный английский поэт Браунинг, который считал эту молодую женщину достойной кисти самого Рафаэля. Бланш часто гостила в загородном доме Мопассана, приводя в восторг своей жизнерадостностью и непосредственностью его выдавшего вида лакея Франсуа.

Особые, немного странные отношения связывали Мопассана с мадам Женевьевой Стро, вдовой гениального композитора Жоржа Бизе, женщиной очаровательной и остроумной. В роскошном салоне мадам

Мария Канн

Стро (вторым мужем ее был известный юрист, родственник Ротшильдов) Ги вел с хозяйкой галантные беседы. Путешествуя, он присылал ей рецепты новых косметических средств. Они не были любовниками. В глазах Мопассана особую пикантность их общению как раз и придавала, так сказать, незаконченность их отношений. Чего-чего, а партнерш для постели ему хватало.

Кстати, интересно, что в романах и новеллах Мопассана красавицы-аристократки — все сплошь блондинки. В жизни же практически все его пассии были дамами темноволосыми или рыжеволосыми.

Надо сказать, что женщины наскучивали Мопассану быстро, и он часто менял партнерш. В предисловии к книге одного своего приятеля Ги писал: «Меня никто не разубедит

в том, что две женщины лучше одной, три лучше двух, а десять — лучше трех. Человек, решивший постоянно ограничиваться только одной женщиной, поступил бы так же странно и нелепо, как любитель устриц, который вздумал бы за завтраком, за обедом и за ужином круглый год есть одни устрицы».

Что это, бравада или искренняя убежденность? Но, как бы то ни было, существовала в жизни Мопассана одна женщина, отношения к которой опровергали все высказываемые им постулаты о предназначении женщин. Звали ее Лора де Мопассан. Сказать, что Ги любил свою

кренне ответил он. В устах ее циника-сына эти слова прозвучали так трогательно и даже наивно, что госпожа де Мопассан не удержалась от улыбки. Половину своей жизни убежденный холостяк Мопассан прожил со своей матерью. Ее мнение для сорокалетнего знаменитого писателя было так же важно и ценно, как когда-то для десятилетнего мальчугана. Он не жалел средств, чтобы создать ей комфорт, снимал дорогие квартиры в Париже и удобные виллы на Лазурном берегу. Денег Ги требовалось немало. Он и сам привык жить на широкую ногу. Его парижская квар-

и обожал, боготворил свою мать. С ней он прожил половину своей жизни, и ее мнение для уже знаменитого писателя было так же важно и ценно, как когда-то для десятилетнего мальчугана. Он не жалел средств, чтобы создать ей комфорт, покупал ей виллы, щедро одаривал деньгами. Да и сам Мопассан давно уже привык жить на широкую ногу

мать, значит не сказать ничего. Он обожал, боготворил ее. Однажды в присутствии Лоры он безапелляционно заявил: «Женщины — всего лишь машины для совокупления». Слегка опешив, Лора спросила: «А как же я, мой мальчик?» «Ты — совсем другая. Ты — не такая, как они», — быстро и совершенно ис-

тира была обставлена роскошно, хотя и несколько крикливо. Мопассан обожал Париж. У него, однако, были свои взгляды на его архитектурный облик. К примеру, он вместе с композитором Шарлем Гуно решительно протестовал против строительства Эйфелевой башни, называя ее «безобразной фабричной трубой».

Ги очень гордился своим загородным домом в Этрета с лужайками для игры в шары и крокет. Он любил всякую живность. В пруду плавали золотые рыбки, по двору расхаживали куры. С двумя своими бассетами, похожими, по его собственным словам, на «обросших шерстью крокодилов», он часто охотился. Люби-

мые кошки возлежали на рукописях. Приезжавших с визитом дам встречал громкий возглас попугая Жако: «Добрый вечер, свинюшка!»

А еще он очень любил путешествовать, особенно по странам с теплым климатом — Италия, Испания, Африка. С середины восьмидесятых Ги большую часть времени про-

Блэнш Рузвельт

водил на Лазурном берегу. У него была квартира в Канне и вилла в Антибе. Знатки восхищались его яхтами, особенно хороша была последняя «*Bel Ami*» — «Милый Друг».

Казалось бы, сплошная идиллия. Чего еще желать человеку? К сожалению, на самом деле, все было гораздо сложнее и драматичнее.

Почти половину своей жизни Мопассан страдал от болезни, которую в то время совершенно не умели лечить. С семидесятых годов XIX века и вплоть до начала двадцатых годов следующего столетия сифилис собирал богатую жатву в Европе. Особенно распространен он был среди представителей творческой интеллигенции. Этим недугом страдали Гоген и Тулуз-Лотрек, Ван Гог и Мане, Доде, Бодлер, Ницше. Мопассан заразился сифилисом, когда ему

было около двадцати пяти от одной из своих многочисленных подружек. Примерно через год появились первые симптомы: бурно, порой целыми клоками начали выпадать волосы. Тургенев отмечал: «Бедняга Мопассан теряет всю растительность на теле ... Он по-прежнему очень мил, но сейчас весьма дурен собой». А вот что писал сам Ги одному из своих приятелей: «У меня сифилис, наконец-то настоящий, а не жалкий насморк ... нет-нет, самый настоящий сифилис, от которого умер Франциск I. Велика беда! Я горд, я больше всего презираю всяческих мещан. Аллилуйя, у меня сифилис, следовательно, я уже не боюсь подцепить его».

Что скрывала эта бравада — леденящий страх или легкомыслие молодости, не отдающей себе отчета в серьезности ситуации?

Ему прописали цианистую ртуть и йодистый калий. Сильнейшие головные боли, желудочные недомогания, прогрессирующую слабость зрения врачи объясняли вспышками инфлюэнцы, невралгией, мигренями и различными неврозами. Им и в голову не приходило, что все это — следствия сифилиса. Горячие души и ванны, лучшие минеральные источники и спа Франции и Швейцарии — Мопассан испробовал все. Безрезультатно. Его работоспособность катастрофически падала, а ведь он должен был сочинять, чтобы поддерживать уже ставший привычным об-

раз жизни, помогать матери и младшему брату Эрве. Эрве ... Ги очень переживал за брата. Эрве был психически нездоров, со временем стал опасен для окружающих, и Мопассан вынужден был поместить его в психиатрическую больницу. Крики брата, бьющегося о решетки своей комнаты, с тех пор часто звучали в ушах Ги по ночам.

Болезнь постепенно подтачивала силы писателя. Боли усиливались, от них спасали только наркотики — морфий и эфир, к которым он достаточно быстро пристрастился. Тяжелые отеки и глубоко запавшие глаза очень изменили его лицо. Но сильнее всего была поражена его психика. Он страдал от кошмаров и галлюцинаций. Прием наркотиков делал эти приступы еще более мучительными. Мопассан понимал, что сползает в безумие. «Я не хочу пережить самого себя», — писал он одному из друзей. Если речь идет о выборе между смертью и безумием, считал Ги, колебаниям не должно быть места. Ведь он больше не мог не только творить, но даже здраво размышлять.

В ночь на 2 января 1892 года в своей квартире в Ницце Мопассан вытащил из ящика письменного стола револьвер и, приставив ствол к виску, нажал на спусковой крючок. Однако вместо выстрела раздался лишь негромкий щелчок бойка. Дело в том, что накануне Ги из этого самого револьвера через окно палил

Эрве де Мопассан, брат писателя

по прохожим, вообразив, что это — его враги, и Франсуа, встревоженный состоянием хозяина, потихоньку разрядил револьвер. В ярости Ги схватил нож для бумаг и попытался перерезать себе горло. Ему не удалось это сделать, и тогда он в бешенстве метнулся к окнам, стараясь сорвать с них ставни, чтобы выброситься на мостовую. Проснувшись от шума Франсуа с помощью дюжего матроса удалось скрутить его, а потом как-то успокоить.

Следующие несколько дней Мопассан провел под «домашним арестом», так как Лора, стараясь избежать скандала, не решилась сразу согласиться на помещение его в психиатрическую клинику. В конце концов, ей все-таки пришлось пойти на такой шаг. Перед тем как доставить Ги на поезде в Париж в знаменитую

клинику доктора Бланша, верный Франсуа решил предпринять последнюю попытку пробудить угасающий разум своего господина. Вместе с санитаром он привез Мопассана в Канн на рейд, где стояла его яхта «*Bel Ami*». Но вид любимого судна не вызвал никаких эмоций.

История пребывания Мопассана в психиатрической лечебнице слишком тяжела, чтобы подробно останавливаться на ней. Периоды относительного спокойствия все чаще перемежались со вспышками буйного гнева и бреда. «Бог изрек во всеуслышанье на весь Париж с высоты Эйфелевой башни, что госпо-

дин Ги де Мопассан — сын Бога и Иисуса Христа! Я — сын Божий!» — в иступлении кричал он. Порой мания величия принимала другие формы, и он объявлял: «Я обесчестил всех женщин мира!» Изредка разум на считанные часы возвращался к нему. Во время одного из посещений друзей Ги узнал их и со слезами на глазах воскликнул: «Прикажите санитарам надеть на меня смиренную рубашку. Скорей, скорей, через минуту я перестану быть самим собой!»

Смерть освободила Ги де Мопассана от земных мук 6 июля 1893 года. Последние его слова была: «Тьма! О, тьма!»

ется, они были уже не молоды, и здоровье их оставляло желать лучшего. Но вряд ли их отсутствие можно объяснить лишь болезнями. Безумие и смерть обоих сыновей от сифилиса... для гордой Лоры это было непереносимо. До конца своих дней она будет утверждать, что Эрве скончался от солнечного удара, а Ги — от нервного стресса, вызванного переутомлением.

В своем завещании Мопассан просил похоронить его без гроба. Он желал, чтобы его прах скорее смешался с землей. Слово в насмешку, его тело положили в тройной гроб из дуба, сосны и цинка. Зато другая половина его завещания была

Б

лезнь все больше подтачивала силы писателя, боли усиливались, но самое страшное — была поражена его психика, он страдал от кошмаров и галлюцинаций и понимал, что постепенно впадает в безумие.

«Я не хочу пережить самого себя», — писал он одному из друзей

Писателя хоронили на парижском кладбище Монпарнас. Присутствовало много выдающихся представителей творческой интеллигенции, в том числе скульптор Роден и Дюма-сын. Прочувствованную прощальную речь произнес Эмиль Золя. На похоронах, однако, не было ни отца, ни матери писателя. Разуме-

выполнена точно: большую часть своего состояния Ги оставил своей маленькой племяннице — дочери Эрве.

Комья земли с глухим стуком падали на крышку гроба. «Какая судьба, — повторял Дюма. — Какая потеря для литературы! О, какой это был гуляка!..»

Исповедь женщины

Друг мой, вы просили меня рассказать вам наиболее яркие воспоминания моей жизни. Я очень стара, и у меня нет ни родных, ни детей, следовательно, я вольна исповедаться перед вами. Только обещайте мне не раскрывать моего имени.

Меня много любили, вы это знаете, и я сама часто любила. Я была очень красива, я могу это сказать теперь, когда от красоты не осталось ничего. Любовь была для меня жизнью души, как воздух — жизнью тела. Я предпочла бы скорее умереть, чем жить без ласки, без чьей-либо мысли, постоянно занятой мною. Женщины нередко утверждают, что всей силой сердца любили только раз в жизни, мне же много раз случалось любить так безумно, что я даже не могла себе представить, чтобы моя страсть могла прийти к концу, тем не менее, она всегда погасала естественным образом, подобно печи, которой не хватает дров.

Сегодня я расскажу вам о первом из моих приключений, в котором я была совершенно неповинна, но которое повлекло за собою все дальнейшие.

Ужасная месть этого отвратительного аптекаря из Пека напомнила мне жуткую драму, которой я была невольной участницей.

Всего год, как меня выдали замуж за богатого человека, графа Эрве де Кер, бретонца древнего рода, которого я, разумеется, не любила. Настоящая любовь нуждается — так я, по крайней мере, полагаю — в свободе и одновременно в препятствиях. Разве любовь по обязанности, любовь, утвержденная законом и церковью, — это любовь? Поцелуй законный никогда не сравнится с поцелуем похищенным.

Муж мой был высокого роста, элегантен и с внешней стороны настоящий дворянин. Но он не был умен. Чересчур прямолинейный, он высказывал суждения, рубившие, как клинок. Чувствовалось, что ум его насыщен готовыми убеждениями, вложенными в него отцом и матерью, которые и сами

приобрели их от своих предков. Он никогда не колебался, немедленно и с легкостью высказывая обо всем свое мнение, весьма при этом ограниченное, и не понимал, что могут существовать иные точки зрения. Чувствовалось, что это недалекий человек, что к нему не имеют доступа те идеи, которые обновляют и оздоравливают ум, подобно ветру, проникающему в дом сквозь раскрытые двери и окна.

Замок, в котором мы жили, находился в пустынной местности. Это было большое унылое строение, окруженное громадными деревьями; мох, покрывавший их, напоминал седые бороды старцев. Парк, настоящий лес, был окружен глубоким рвом, который называли «волчьей ямой», а на самом конце парка, на краю ланды, находились два больших пруда, заросших тростником и водорослями. Между ними на берегу соединявшего их ручья мой муж приказал выстроить небольшой шалаш для охоты на диких уток.

Кроме обычных домашних слуг, у нас были еще сторож, грубое животное, но до смерти преданный моему мужу, и горничная, страстно привязанная ко мне, почти что моя подруга. Лет за пять до того я привезла ее из Испании. Это был брошенный родителями ребенок. Темноглазая, со смуглым цветом лица, волосами, густыми, как лес, и постоянно растрепанными, она напоминала цыганку. В то время ей было шестнадцать лет, но на вид можно было дать двадцать.

Наступала осень. Мы охотились то у соседей, то у себя, и я обратила внимание на одного молодого человека, барона де С., который зачастил к нам в замок. Затем он перестал приезжать, и я не вспоминала о нем, но заметила, что поведение мужа по отношению ко мне резко изменилось.

Он казался молчаливым, озабоченным, не целовал меня, и, несмотря на то, что он не входил более ко мне, — я пожелала иметь отдельную спальню, чтобы быть хоть немного одной, — я часто слышала по ночам осторожные шаги: они доходили до моей двери и через несколько минут удалялись.

Так как мое окно находилось в нижнем этаже, мне также часто казалось, будто кто-то бродит в темноте вокруг замка. Я сказала об этом мужу, он пристально поглядел на меня несколько секунд и ответил:

— Ничего, это сторож.

Однажды вечером, когда мы заканчивали обед, Эрве, казавшийся необычайно веселым, хотя веселость эта была притворной, спросил меня:

— Не желаете ли провести часика три в шалаше? Мы подстрелим лисицу, которая приходит каждую ночь поесть моих кур.

Я удивилась и задумалась, но так как он смотрел на меня со странной настойчивостью, я, в конце концов, ответила:

— Ну, разумеется, друг мой.

Надо вам сказать, что я не хуже мужчины охотилась на волков и кабанов, поэтому предложение насчет шалаша было вполне естественным.

Но странно, что муж мой пришел вдруг в нервное состояние: он волновался весь вечер и был крайне возбужден, он то вскакивал с места, то снова садился. Около десяти часов он сказал мне:

— Вы готовы?

Я встала и, так как он сам принес мне мое ружье, спросила:

— Заряжать пулей или дробью?

Он удивился, затем ответил:

— О, одной дробью, этого будет достаточно, уверяю вас.

Затем спустя минуту добавил странным тоном:

— Вы можете похвалиться замечательным хладнокровием.

Я рассмеялась:

— Я? Почему? Хладнокровием, чтобы пойти и пристрелить лисицу? Что вам пришло в голову, друг мой?

И вот мы бесшумно двинулись к парку. Весь дом спал. Полная луна, казалось, окрашивала в желтый цвет старинное мрачное здание с блестящей шиферной кровлей. На коньках двух башенок по обеим сторонам замка отражался свет луны, и ни малейший шум не нарушал тишины этой, светлой и печальной, нежной и душной ночи, она казалась мертвой. Ни малейшего движения воздуха, ни кваканья лягушки, ни гуканья совы; над всем нависло мрачное оцепенение.

Когда мы очутились под деревьями парка, на меня повеяло свежестью и ароматом прелых листьев. Муж не говорил ни слова, но вслушивался, вглядывался, внюхивался, охваченный с головы до ног страстью охотника.

Мы скоро дошли до прудов.

Тростник, которым они заросли, не колыхался, ни малейший ветерок не ласкал его, но еле заметное движение иногда пробегало по воде. По временам на поверхности воды показывалась точка, и от нее разбежались легкие круги, подобно светящимся морщинам, которые расширялись без конца.

Когда мы дошли до шалаша, где должны были устроить засаду, муж пропустил меня вперед, затем, не спеша, зарядил свое ружье, сухое щелканье затвора произвело на меня странное впечатление. Он почувствовал, что я дрожу, и сказал:

— Может быть, этого испытания для вас уже достаточно? Тогда уходите.

Я ответила, изумившись до крайности:

— Нисколько. Я не для того явилась сюда, чтобы возвратиться ни с чем. Что с вами сегодня?

— Как вам угодно, — пробормотал он.

И мы продолжали стоять неподвижно.

Прошло приблизительно полчаса, и, так как ничто не нарушало тягостного покоя этой светлой осенней ночи, я спросила шепотом:

— Вполне ли вы уверены, что зверь пройдет именно здесь?

Эрве вздрогнул, точно я его укусила, и, прижав губы к моему уху, ответил:

— Вполне уверен.

И молчание возобновилось.

Кажется, я уже стала дремать, когда мой муж сжал мне руку, и его голос, шипящий, изменившийся, произнес:

— Видите его, там, под деревьями?

Как я ни вглядывалась, я ничего не различала. Эрве медленно вскинул ружье к плечу, пристально глядя мне в глаза. Я и сама приготовилась стрелять, и вот внезапно, в тридцати шагах от нас, показался озаренный луною человек, удалявшийся быстрыми шагами, согнувшись, как бы спасаясь бегством.

Я была так поражена, что громко вскрикнула, но, прежде чем я успела обернуться, перед моими глазами вспыхнуло пламя, выстрел оглушил меня, и я увидела, что этот человек рухнул на землю, как волк, сраженный пулей.

Охваченная ужасом, обезумев, я пронзительно закричала, но рука взбешенного Эрве схватила меня за горло. Он повалил меня на землю, затем поднял своими сильными руками. Держа меня на весу, он подбежал к телу, распростертому на траве, и швырнул меня на него изо всей силы, точно хотел разбить мне голову.

Я почувствовала, что погибаю: он готовился убить меня. И он уже занес над моим лбом свой каблук, когда, в свою очередь, внезапно был схвачен и опрокинут, прежде чем я могла понять, что происходит.

Я быстро вскочила на ноги: на нем стояла на коленях Пакита, моя горничная; вцепившись в Эрве, подобно взбесившейся кошке, со сведенным судорогой лицом, вне себя, она рвала на нем бороду и усы, разрывала кожу на лице.

Затем, как бы внезапно охваченная другой мыслью, она вскочила и, упав на труп, сжала его в своих объятиях, целуя его глаза, рот, раскрывая своими губами мертвые губы, стараясь найти в них дыхание — высшая степень любовной ласки.

Поднявшись на ноги, муж смотрел на нее. Он понял все и, упав к моим ногам, воскликнул:

— О, прости, дорогая, я заподозрил тебя и убил любовника этой девушки! Сторож ввел меня в заблуждение.

Я же глядела на страшные поцелуи, которыми живая женщина осыпала мертвеца, слушала ее рыдания, видела порывы ее отчаявшейся любви.

И с этого момента поняла, что буду изменять мужу. □

Борис Рябухин

ТАК ЛЮБЛЮ Я — И ТЕРЯЮ!..

Сад зеленый расцветает.
Как душист цветов нектар!
Шмель летает в нем и тает,
И глотает сочный дар.

Вешний сочный, сладкий очень —
Как бы не пересластить!
Для шмеля любой цветочек
Рот торопится открыть.

О плодах цветы мечтают.
Полон сад полусирот.
Так люблю я — и теряю!..
И потеря сердце жжет.

Так я милую теряю —
Лишь хлеб-соль с ней преломлю.
И с другою понимаю,
Как же я нектар люблю!

Я НАУЧУСЬ ЛЮБИТЬ

Я научусь тебя любить,
Я научусь.
Мне больше не с кем в мире жить,
И я пощусь.

Я буду рядом каждый шаг —
Твоей клюкой.
Я пред тобой открыт и наг,
Как пред судьбой.

Хоть не хватило для меня
Ни рук, ни губ.
Два человека — не семья,
Я буду люб.

И научу меня любить —
В остатке дней.
Ты вспомни молодую прыть —
И будь смелей.

ОСЕННИЕ ЖЕНЩИНЫ

Осенние женщины — сладкие самые,
Породой — природою в спелых соках.
И дороги дважды, как дочери с мамами,
Как солнце с луной на родных небесах.

По цвету они — листопад очищения,
По масти и страсти — они плодопад.
Грехи разгрешат бескорыстным прощением,
Живицей все раны судьбы исцелят.

Осенние женщины — самые складные.
Сединкам — морщинкам они знают счет.
За миг увяданья цветы ароматные...
Осенняя женщина — мужу почет.

В ХОЛОДНОМ ОГНЕ

Я выбросил розу — она умерла.
Зачем расцветала? Зачем-то жила.

Чуть плеву поранил, раскрывшись, бутон.
И алою ранью окрасил свой тон.

Ценила росинку и солнечный блик.
Могла с наслажденьем цвести каждый миг.

А чтоб от срывающих рук ускользнуть,
Готова и зубки-шипы показать.

Чтоб вздрогнуть, услышав восторг, в свой черед:
«Какая красивая роза цветет!»

Евгения Гордиенко

Леонид Собинов

**юрист, певец,
благотворитель**

Музыкальность — штука, как правило, наследственная. Не так уж часто появляется известный певец, музыкант или композитор, в чьей семье не было прежде талантов. Однако если такое случается, то будущей знаменитости обычно приходится прикладывать гораздо больше усилий — не только для развития своих способностей, но и для того, чтобы переломить подозрительное отношение семейства к своему выбору.

А вот у тенора Леонида Собинова было совсем по-другому. Он родился в Ярославле, в купеческой семье с весьма патриархальными нравами. Помимо него, в семье было четверо детей, и ни один из них не получил музыкального образования. Дошло до того, что, желая учиться музыке, Леня и его старший брат Сергей на сэкономленные деньги купили одну на двоих гитару. Но и ее в постные дни отец запирали в шкафу, чтобы дети не предавались праздности.

Возможность учиться пению у Леонида появилась, только когда он поступил в гимназию — в девятилетнем возрасте. Поначалу он ничем не отличался от всех мальчишек и пел дискантом, свойственным этому возрасту. Но годам к семнадцати у него начал проявляться его знаменитый тенор, который потом станет практически эталонным для множества оперных партий.

Первый триумф, как всегда, произошёл по воле случая. Хор должен был выступать на благотворительном концерте, но солист заболел, и

Собинов сам предложил свою кандидатуру на замену. По воспоминаниям одного из свидетелей этого действия, «Леня запел, да как ведь запел, до сих пор его голос в этой песне у меня в ушах, и до сих пор мороз по коже при одном воспоминании о неожиданно огромном впечатлении, которое произвел Собинов своим голосом, необычайным тембром этого голоса».

Однако этот успех не сыграл никакой роли на пути к намеченной цели — по окончании гимназии Леонид поступил в Московский университет — на юридический факультет. Сделал он это по велению сердца — желание защищать «униженных и оскорбленных» останется с ним навсегда. Правда, одновременно он стал петь в университетском хоре. Эти два пути — певца и законника — еще долго будут параллельно идти в его жизни.

Пения в хоре растущему голосу Собинова явно не хватало, и он понимал, что дальше нужно серьезно учиться. Однако средств на это не было. И он просто...зашел в Филармоническое училище на Никитской, «попросить, чтоб поучили». Удача улыбнулась ему — основатель училища Петр Шостаковский предложил Леониду бесплатное обучение. Так, в 1892 году Леонид Собинов стал учеником в классе Александра Додонова. После сдачи экзаменов его перевели сразу на третий курс, а вскоре позволили петь небольшие партии в итальянской опере.

Тогда же Леонид близко познакомился со своей сокурсницей Марией Каржавиной, которая вскоре стала его женой. Брак продержался всего несколько лет, но в нем родились сыновья — Борис и Юрий.

То, что Собинов стал получать музыкальное образование, не означало того, что он перестал учиться на юриста. В 1894 году Леонид окончил юридический факультет университета, после чего год прослужил юнкером в московском пехотном училище. По возвращении он устроился на работу к знаменитому Федору Плевако, и почти два года занимался юридической практикой, регулярно выступая в суде.

В это же время Леонид продолжал учиться в Филармоническом учили-

ще, которое с отличием окончил в 1897 году. На экзамене его заметили и вскоре пригласили на прослушивание в Большой театр. Педагог Александра Сантагано-Горчакова, видя, что Собинов боится, взяла с него честное слово, что он обязательно туда пойдет. В первый день прослушивания он так и не решился пойти, но на следующий день все же заставил себя отправиться в Большой театр и с успехом прошел все пробы.

Вчерашний выпускник сразу же получил не только партию князя Синодала в «Демоне», но и контракт, согласно которому ему разрешалось совмещать работу в театре и юридическую практику.

В таком «режиме совмещения» Собинов трудился еще два года. Он сомневался и склонялся то к одной деятельности, то к другой. Сам он писал: «Стоит только накопиться трудной и неприятной работе по адвокатуре, как я уже начинаю мечтать о том, что сцена, пожалуй, мое единственное призвание. С рвением я бросаюсь к оперным клавирам, и вот здесь какой-нибудь трудный речитатив или плохо удающаяся нота, часто случайное отсутствие дыхания или голоса начинают возбуждать во мне сомнение в моих способностях быть хорошим артистом».

Принять окончательное решение помог случай. На одном из слушаний судья обратился к Собинову с вопросом: «Что вы нам, соловей, сегодня споете?» Тогда Леонид Вита-

льевич и понял, что пришло время выбора. В 1899 году он оставил юридическую практику, чтобы целиком посвятить себя музыке.

Одним из поворотных моментов в карьере Леонида Собинова стало исполнение им партии Ленского в «Евгении Онегине». Его трактовка этой роли отличалась от общепринятой, но, будучи представленной публике, мгновенно стала любимой, и уже казалось удивительным, что раньше Ленского можно было петь иначе. Существует байка о том, что однажды за кулисами две молодые артистки возмущались, что Татьяна влюбилась в Онегина, а не в Ленского. На что актер, исполнявший главную роль, заметил: «Милые барышни, не судите строго Пушкина, он ведь не знал, что Ленского будет петь Собинов».

Артист ставил перед собой задачу связать певческое искусство с драматически выразительной игрой. Для этого он посещал выступления Шаляпина и следил за его работой. Впоследствии Шаляпин получит приглашение выступить в Большом театре, и на какое-то время они с Собиновым станут коллегами. Вместе они пели в опере Гуно «Фауст»: злой дух Мефистофель-Шаляпин и юный, порывистый Фауст-Собинов. Долгие годы они были друзьями, но впоследствии пути их разошлись.

Основным «местом работы» Собинова стал Большой театр, однако периодически он выступал и в Московской частной русской опере,

и в Мариинском театре. Гастролировал он тоже много — среди мест, где ему довелось петь, — «Ла Скала», Монте-Карло, мадридский театр «Реаль» и многие другие европейские площадки.

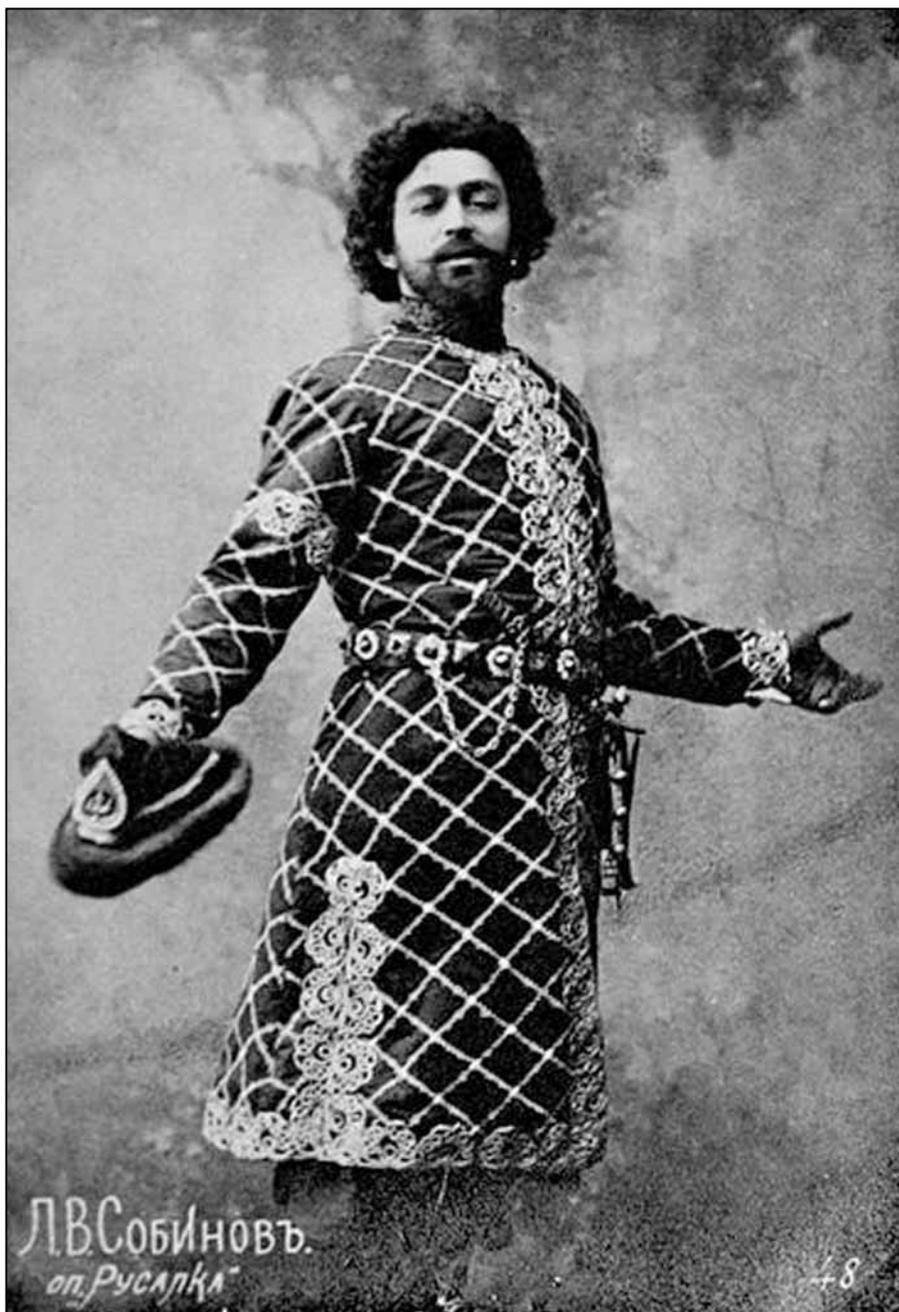
В «Ла Скала» ему предложили постоянный контракт, и Собинов, от-

работав положенное на императорские театры время, переехал на несколько лет в Италию.

Занимался Леонид Витальевич и театральной режиссурой: «Богема» на сцене Большого — его постановка. Но в 1914 году, когда он собрался ставить «Тоску», ему запретили это делать из-за «содержащегося в опере революционного подтекста».

Собинов много делал на ниве благотворительности. Так, выступая во время Первой мировой войны с концертами, гонорары он отдавал в помощь раненым и на военные нужды, а свой дом добровольно отдал под лазарет. Не оставлял он без помощи и студентов — хорошо помнил, как его самого приняли на бесплатную учебу. Чуковский вспоминал о нем:

«Его щедрость была легендарной. Киевской школе слепых он прислал в подарок рояль...Кассе взаимопомощи московских студентов он отдал заработанные концертами 45 тысяч рублей золотом! И это была едва ли десятая доля того, что раздал он за всю жизнь нуждающимся. В одном 1902 году он дал около 50-ти концертов в пользу студентов».

После расставания с первой женой (в браке они прожили около пяти лет) Собинов долго жил один. У него был длительный роман с Елизаветой Михайловной Садовской, представительницей известной актерской

династии Садовских. Они много лет переписывались, были самыми близкими людьми, однако узаконить свои отношения так и не смогли. Переписка эта очень много значила для обоих, они писали друг другу из отпусков, с гастролей, путешествий, делясь самым сокровенным. Когда Садовской не стало, Собинов приехал на ее похороны с огромным букетом белых роз и, стоя впереди, не мог сдержать слез...

В 1915 году Леонид Витальевич вступил в брак вторично — он женился на Нине Мухиной, сестре знаменитого скульптора Веры Мухи-

ной. В этом браке в 1920 году родилась дочь Светлана.

К революции 1917 года певец отнесся благосклонно, хотя и несколько настороженно. Но в эмиграцию он не отправился, а стал сначала управляющим, а затем и комиссаром Большого театра. Благодаря этому он смог продолжать свои гастроли — в том числе и по Европе. Парижские рецензии, как и раньше, были восторженными: «Весь прежний Собинов прошел перед слушателями битком набитого зала Гаво. Собинов оперных арий, Собинов романсов Чайковского, Собинов итальянских песен — все покрывалось шумными рукоплесканиями... Дикция его ясна, как кристалл — «точно сыплется жемчуг на серебряное блюдо».

Сам артист к своей огромной популярности на родине и в мире относился с иронией. Когда ему присвоили звание заслуженного артиста императорских театров, он ответил экспромтом:

*Не по заслугам знаменит,
Не по заслугам награжден,
Жизнь прожил душка Леонид
И умер под рыданья жен.*

Не так благополучно обстояло дело с его сыновьями — их судьба оказалась трагична. Юрий, оказавшийся во время гражданской войны в Белой армии, погиб в 1920 году под Мелитополем, а Борис в том же году эмигрировал в Германию. В 1945 году сотрудниками НКВД он был вывезен из американской зоны Берли-

на в СССР, провел в лагерях 10 лет, а после выхода на свободу почти сразу умер от туберкулеза. Отец до этого момента не дожил...

В 1933 году, когда Собинову исполнилось шестьдесят, он оставил сцену и переехал в Ригу. Там через год, 14 октября 1934 года, он скончался. Официальной медицинской версией был сердечный приступ, однако в смерти его много неясного. События, произошедшие накануне, могли свидетельствовать о насильственной смерти певца. В ночь на 12 октября неподалеку от Риги у себя дома был убит после истязаний архиепископ Иоанн — глава православной церкви Латвии. А вечером накануне убийства в гостях у него был Собинов и, возможно, мог видеть убийцу, за что впоследствии и поплатился. Советское представительство в Риге запретило делать вскрытие, а причиной смерти был объявлен разрыв сердца.

Похоронен певец на Новодевичьем кладбище в Москве.

Его жена Нина Ивановна дожила до 1968 года, а дочь Собиновых Светлана вышла замуж за писателя Льва Кассиля. Внучка же, Ирина Львовна Кассиль, стала известным режиссером-мультипликатором.

До 1994 года в Москве был Собиновский переулок, которому впоследствии вернули его историческое название — Малый Кисловский. Но имя певца носят Саратовская консерватория и ежегодный музыкальный фестиваль в этом городе. □

Ирина Опимах

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ «МАРУСЯ»,

или Забытая звезда Серебряного века

«Маруся»

Удивительное время — этот Серебряный век! С одной стороны — блестящий, оставивший яркий след период в истории российской культуры. А с другой стороны — время трагическое, когда было сломлено столько судеб, потеряно столько жизней! Сколько выдающихся талантов, сколько состоявшихся, но — сколько и до конца нереализованных дарований, незаслуженно забытых имен!..

Эта история — поистине арт-детектив. А начиналась она так.

В 1958 году в Воронежском областном художественном музее им. И. Крамского появилась новая сотрудница — Маргарита Ивановна Лунева (1925–2013). Уроженка поселка Добринка Усманского уезда (ныне Липецкая обл.), она поступила на исторический факультет ленинградского государственного университета, училась на кафедре истории искусств, а, окончив его в 1951 году, начала работать в Курской областной картинной галерее. Через семь лет Маргарита перебралась в Воронеж. Местный музей и стал ее новым местом работы. Надо сказать, что это — замечательный музей. В основе его коллекции — собрание Музея древностей и изящных искусств Императорского Юрьевского университета, эвакуированного из Тарту после начала Первой мировой войны. Большое количество картин поступило из Рамонского имения принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. Кроме того, несколько картин Крамского, уроженца Воронежской губернии, музей приобрел у его родственников. В общем, фонды и запасники его были невероятно богаты.

Маргариту Луневу всегда интересовали художники-земляки, их судьбы и творчество, и она многое сделала, чтобы вернуть их произведения в музеи, на выставки. В поисках новых, неизвестных шедевров и имен она увлеченно изучала запасники воронежского музея. И вот однажды — это случилось в 1960 году — ей попала яркая, выразительная и блестяще написанная картина. «Маруся» — так она называ-

15 октября 1878 года в семье преподавателя Воронежского реального училища Андрея Петровича Киселева родилась дочь. Девочку назвали Еленой. Позже у Елены появились брат и сестра — Володя и Наденька. Семья Киселевых была дружной, веселой. Андрей Петрович препода-

вал механику и черчение, любил давать ученикам и своим детям забавные задачи на сообразительность. Его в городе очень уважали — семь раз избирали в местную Думу.

Воронеж был в то время очень красивым и живым городом. Чего тут только не было! Елена Андреев-

лась, а на обороте значилось имя художника — Елена Киселева, и дата создания портрета — 1913 год. В архивах музея Лунева с большим трудом обнаружила запись, касающуюся картины — в 1929 году ее преподнесла в дар Мария Киселева, мать художницы. Причем в то время она, Мария Киселева, жила в Ленинграде.

Кто же эта таинственная Елена Киселева? И как сложилась судьба этой талантливой — а ее талант был несомненен — художницы? И Маргарита Лунева начала свое расследование.

Оказалось, картина написана дочерью известного математика, автора уже давно ставшего классическим учебника геометрии А.П. Киселева, жившего в начале XX века в Воронеже.

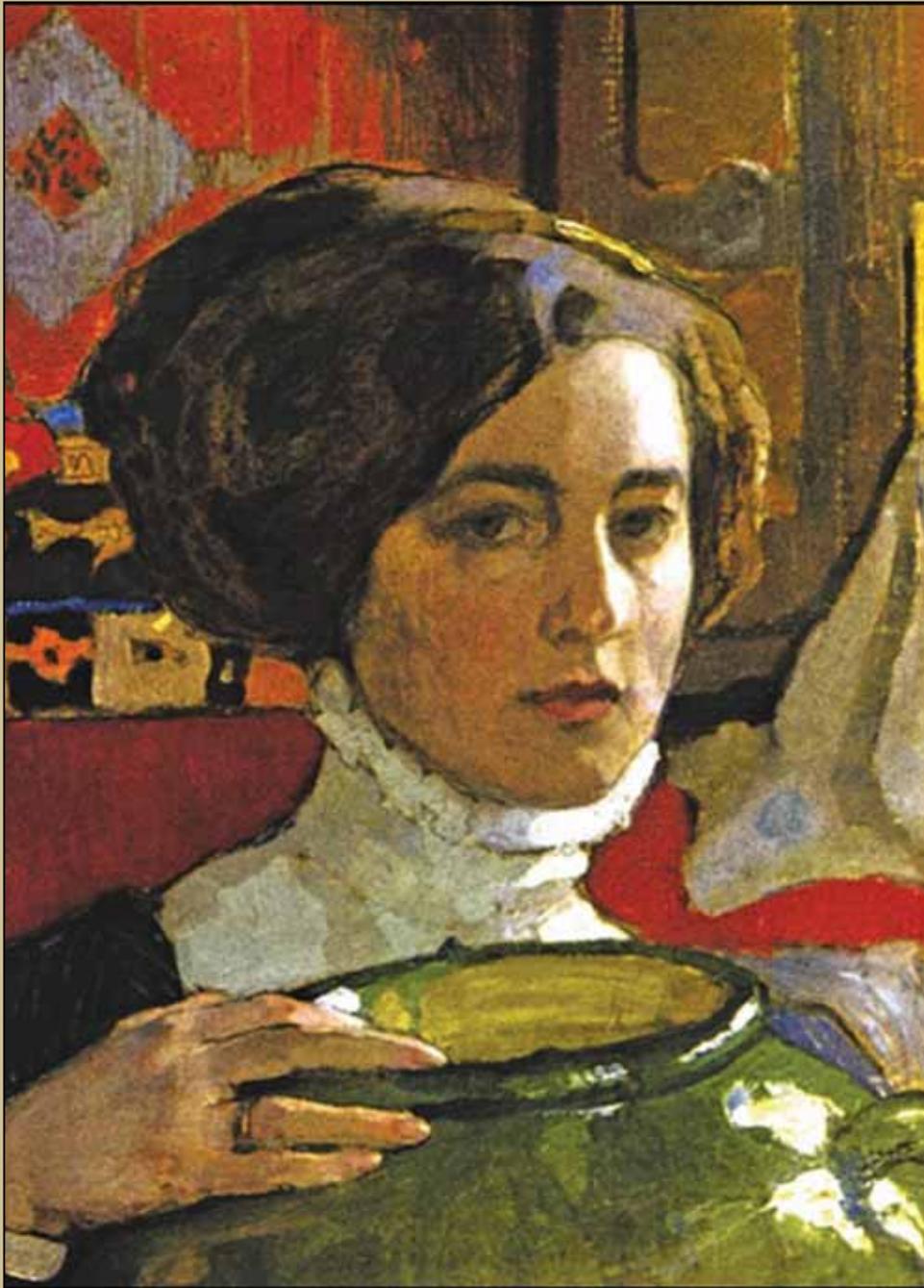
Судьба Елены Киселевой все больше захватывала Луневу. И вот она выяснила — уже в архивах Петербургской академии художеств, — что Киселева в 1898 году училась в Высшем художественном училище при академии, а в 1899-м — стала ее студенткой, причем одной из любимых учениц самого Ильи Репина! В архивах академии нашлось письмо Киселевой учителю, и на конверте стоял штамп — «Пошта Србије», почта Сербии. Итак, все следы вели в Сербию. И Лунева через знакомых белградских музейщиков обнаружила, что ее героиня жива! Правда, ей было уже много лет — 89, но, главное, она еще жива! Елена жила с мужем, ученым-математиком, в Белграде и почти ни с кем не общалась. Однако советской искусствоведке, интересующейся ее творчеством, готова была ответить на все вопросы.

И началась переписка — молодой сотрудницы Воронежского музея и российской художницы, которую судьба забросила далеко от родины, в столицу Сербии Белград. В этих письмах Елена Андреевна Киселева рассказала Луневой о своей жизни, и эта ее история оказалась, с одной стороны, поразительной, а с другой — типичной для такого сложного и такого трагичного XX века.

на вспоминала: «Помню нашу Садовую, помню театр, каток в городском саду, где мой отец устраивал когда-то электрическое освещение, а я раскатывала на коньках по большому кругу со своими поклонниками-гимназистами. А где-то внизу был знаменитый монастырь, куда я бега-

ла во время экзаменов помолиться за благополучную сдачу экзаменов. И базар, куда я бежала после катка, чтобы купить каленых орехов. А еще спуск к реке и деревянный мост к острову, где располагался Петровский яхт-клуб с ботиком Петра Великого. Там были купальни, и брали

*Елена Киселева.
Автопортрет
с зеленой вазой*

Справа:
*«Троицын
день.
Невесты»*

лодки, чтобы ехать кататься на шлюз. До сих пор помню запах этой реки Воронеж».

Уже в раннем детстве у Елены обнаружился талант к рисованию, а главное — она очень любила это дело! Родители с вниманием относились к способностям своих детей, а

потому Андрей Петрович решил, что дочери нужен учитель, причем хороший, самый лучший в городе. Им стал известный воронежский живописец Михаил Пономарев. В Петербурге он учился в Академии художеств, а, вернувшись в Воронеж, организовал кружок любителей ри-

сования. Ему был не чужд и интерес к новейшим техническим веяниям, а потому он основал еще и фотографическое общество. Это был удивительный, бескорыстный человек — в 1910 году он почти весь свой капитал и двухэтажный каменный дом пожертвовал на открытие собствен-

ной рисовальной школы. Пономарева хорошо знали в городе и ценили все, что он делал ради развития культуры в Воронеже. Вот такой человек стал учителем Елены Киселевой. Конечно же, он рассказывал во время уроков о Петербурге, о той бурной жизни, что кипела в столице,

о новых художественных течениях. И очень скоро Елена поняла: она непременно должна ехать в Петербург и поступить в Академию художеств. Наверное, родители были не в восторге от этого ее решения — отпустить девочку одну, в большой город... Страшно! Но что они могли поделать? Она уже все решила сама!

И вот, окончив лучшую школу Воронежа — Мариинскую женскую гимназию — и получив заслуженную золотую медаль, Елена отправилась в столицу. Уступив, видно, чаяниям отца-математика, она поступила на математический факультет Бестужевских курсов и одновременно — в Высшее художественное училище при академии. Однако прошло совсем немного времени, и стало очевидно: да, задачки она решает очень неплохо, но даже при всей любви к отцу, математика все-таки не для нее. Искусство — вот ее судьба!

Вскоре она уже была ученицей лучшего профессора академии Ильи Ефимовича Репина, увлеченно работала в его мастерской и внимательно слушала его советы. А по вечерам — студенческие вечеринки, а еще митинги суфражисток, борющихся за права женщин, театры... В общем, нормальная богемная жизнь.

Через какое-то время Елена отправилась в Париж — в те годы каждый уважающий себя художник должен был побывать в столице Франции, где рождалось новое искусство, где работали художники из всех стран мира. Импрессионисты ее со-

вершенно покорили. Теперь она знала, как нужно писать. «Маруся» была написана как раз в то время — вполне импрессионистская работа. Затем было еще «Парижское кафе». Однако эти картины совсем не понравились мастеру. «Молодая художница, попав за границу, вместо изучения действительно художественных произведений, — негодовал академик Репин, — стала подражать крикунам-пачкунам, стремящимся хоть чем-нибудь обратить на себя внимание».

Пришлось в качестве дипломной работы написать полотно «Невесты. Троицын день» — групповой портрет крестьянок Воронежской губернии, в стиле передвижников. И оно имело успех. За него Елена Киселева, первая из женщин, студенток академии, получила Золотую медаль и даже официальное пенсионерство — возможность продолжить учебу за границей. Об этом знаменательном событии писал тогда популярный журнал «Огонек»: «Пенсионерство, данное Киселевой, можно только приветствовать. В ее лице академия впервые венчает лаврами ученицу, и по заслугам».

Студенческие годы Елены были бурными не только в смысле артистической и общественной жизни — она впервые по-настоящему влюбилась! Ее избранником стал Николай Черный-Перевертанный, сын председателя Воронежского городского суда. В 1905 году она вышла за него замуж. Николай был настоящим красавцем, но вот как человек, как лич-

*Портрет
сына*

ность он сильно уступал Елене. Кроме того, он, наверное, думал, что жена будет сидеть дома, ждать его в любое время, когда бы он ни явился, варить борщи и жарить котлеты. Но для Елены главным тогда было искусство, а потому брак этот оказался очень недолгим. В 1908 году она уехала в Париж, оставив мужа в России (предварительно написав его портрет). А тот быстро утешился, заведя любовницу, очаровательную балерину из труппы

Большого театра. Уже гораздо позднее, в 1925 году, Корней Чуковский, знавший Черного-Перевертанного, так писал о нем: «*Николай Александрович Перевертанный-Черный. Окончил Петербургский университет вместе с Блоком. Юрист. Красавец, с удивительным пробором. Раньше, чем познакомиться с ним, я знал его лицо по портрету его жены, известной и талантливой художницы. Там он изображен с двумя*

породистыми французскими бульдогами — и имел вид норвежского посла или английского романиста. Чувствовалась культура, «порода», и проч. Когда я познакомился с ним лично, это оказался лентяй, паразит, ничего не читающий, равнодушный ко всему на свете, кроме своего автомобиля, ногтей и пробора, живущий на средства своей жены, человек самовлюбленный, неинтересный, тупой, но как будто добродушный. Когда наступила война, я, благодаря своим связям с Ермаковым, освободил его от воинской повинности. Помню, как горячо благодарил он меня за это. Во время революции он все копил какие-то запасы, прятал между дверьми рис, муку и т.д., ругал большевиков, продавал чью-то (не свою) мебель и собирался к отъезду. Наконец собрался, захватил $1/2$ пуда (не своего) серебра и тронулся в путь. Серебро у него пропало в дороге, его облапошил провожатый, которому он доверился, но зашитые деньги у него сохранились, и, прибыв в Куоккала, он зажил великосветскою жизнью: дамы, вино, увеселительные поездки. Своим новым знакомым он говорил, что он — граф. У него была в ту пору собака — сука Тора — та самая, с которой он красуется на портрете своей жены. Этой суке этот сукин сын посвятил всю свою жизнь. В то время как в Питере умирали от голоду люди (я, напр., упал на улице, и меня поднял Гумилев), в то самое время Перевертанный готовил для своей Торы завтраки и обеды из яиц и телятины.

"Возьмет яйцо, разобьет и понюхает и только тогда выльет его на сковороду, — рассказывала мне Мария Колляри, у сестры которой он жил, — белок вон, а желток для Торы, и через день ездил в Териоки покупать для Торы телятину. Нарезет тонкими ломтиками — и на сковороду — никому другому не позволит готовить для Торы обед. В свободное от этих занятий время — кутежи. Но вот Торушка захворала. Он отвез ее в Выборг к доктору, заплатил 500 марок, и, право, мне хотелось бы дать этой собаке какого-нибудь яду, чтобы спасти человека от дохлятины. Но Тора увядала с каждым днем... и, наконец, околела". Он устроил роскошный поминальный обед, заказал гроб и на могиле поставил памятник, причем каждый день клал на эту могилу свежие цветы! Эти похороны стоили ему $1\ 1/2$ тысячи марок. Если бы у него было 50 000, он истратил бы все пятьдесят. Но денег у него уже не было. Тогда он выманил у меня доверенность на право распоряжения моими вещами и продал всю мою обстановку за 11 тысяч марок, чем и покрыл свои расходы на лечение и похороны обожаемой суки. Не знал священник Григорий Петров, когда помогал мне покупать в Выборге эту мебель, что мы покупаем ее для украшения собачьей могилы, для расходов на траур Перевертанный-Черного!»

Да, этот человек совсем не подходил тонко чувствующей, умеющей работать молодой художнице Елене Киселевой!

В Париже Елена жила в собственной квартирке — обожавший ее отец, неплохо зарабатывавший на своих учебниках, купил дочке вполне приличное жилье — и продолжала постигать секреты живописи: посещала известную во всем художественном мире Академию Жюлиана, путешествовала по Италии — ну как не посмотреть шедевры гениев Возрождения! Ее работы пользовались спросом, их с успехом показывали на выставках российских художников, состоявшихся в Мюнхене (1909) и Риме (1911). Критики утверждали, что ее картины не хуже полотен Зинаиды Серебряковой, Александра Бенуа и Льва Бакста.

На одном из немногочисленных автопортретов мы видим ее в интерьере ее парижской мастерской, на фоне восточного ковра. Задумчивая, погруженная в себя, в высоком белом воротничке, изящная и какая-то аристократичная... «22 апреля 1910 года, Париж» — зафиксировала она дату на картине. Ей вообще удавались женские портреты. *«Я всегда была портретисткой и страстно любила изображать красивых интересных женщин»*, — спустя годы писала она Луневой. Такой красивой и интересной была и она сама, Елена Киселева.

Ей жилось интересно, насыщенно. В те годы она познакомилась с математиком Антоном Билимовичем, ставшим ее вторым мужем. Произошла их встреча на одной из парижских выставок. Он был совсем не похож на пустого красавца Черного-

Перевертанного. Антон родился в 1879 году в Житомире. Его отец был военным врачом. Казалось бы, ему светила военная карьера — в 1896 году он с отличием окончил Киевский кадетский корпус, затем учился в Николаевском инженерном училище в Петербурге, но потом вдруг осознал, что армия — не то, что ему нужно, его призвание — математика! И Антон, сдав довольно трудные экзамены по латинскому и греческому языкам, поступил на математическое отделение физико-математического факультета Киевского университета, которое с блеском окончил в 1903 году. Способного молодого ученого оставили в университете, и уже в 1907 году он получил звание приват-доцента кафедры теоретической и прикладной механики, а в 1912-м защитил диссертацию. В Европе он оказался потому, что его отправили на стажировку в Геттингенский университет и в Париж. Умный, тонкий, думающий, интеллигентный Антон покорила Елену. Вот он — на написанном ею в 1913 году портрете...

Картины Елены нравились самым взыскательным критикам. Хвалил свою бывшую ученицу и Репин, а Горький купил несколько ее полотен для своей коллекции. Успехи сопровождали и ее мужа. В марте 1917 года он, уже профессор кафедры прикладной математики, стал первым демократически избранным ректором университета в Одессе. В том же году у супругов родился сын, и они были счастливы и готовы сделать

все для счастья маленького Арсения — так называли мальчика.

Но покой и благополучие оказались недолгими — в России началась революция, а потом гражданская война. Все резко изменилось. Брат Антона, экономист Александр, был связан с Белым движением. В Одессе становилось опасно, и в январе 1920 году Билимовичи бежали за границу. В России оставались родители, брат и сестра Елены. Ей больше не суждено было их увидеть. Но тогда, в той страшной неразберихе, кто об этом мог думать...

Новый дом, новое пристанище и убежище они нашли в Сербии. Уже 20 апреля 1920 года Антон начал работать по контракту, а в 1926 году стал штатным ординарным профессором прикладной математики на философском факультете Белградского университета. Он неплохо зарабатывал, у них был свой дом. Его профессиональная карьера сложилась, можно сказать, блестяще: он стал основателем Математического института Сербской АН, Югославского общества механиков и даже был избран его почетным председателем, сделал много значительных работ.

А у Елены все складывалось иначе — поначалу время и силы уходили на маленького Арсения, на поддержание уюта и порядка в доме, а быть профессорской супругой не так просто — частенько приходилось устраивать приемы, на которые собирались коллеги мужа, гости университета. Спустя много лет Елена Андре-

евна писала Маргарите Луневой, пытаюсь, наверное, сама понять, как произошло это превращение художницы в домохозяйку: *«В эмиграции сначала было очень трудно и не до живописи. А когда мы встали на ноги, было уже поздно. Восторжествовало новое направление в живописи, и я стала не нужна, или, по крайней мере, я так чувствовала для себя... К тому же мой муж был слишком большим ученым, совершенно поглощенным своей наукой и своими работами, он не мог помогать мне в ведении хозяйства и в воспитании сына. Все было на мне. У нас много людей бывало, жили, что называется, “открыто”, но никто не интересовался художницей Киселевой...»* Наверное, гости профессора, расхваливая приготовленные Еленой блюда, и не подозревали, что она, эта хорошенькая жена профессора, — замечательная художница, и когда-то была одной из лучших учениц Репина.

А потом Европу захлестнула война. Немцы вошли в Сербию уже в апреле 1941-го. На оккупированных немцами землях православной Сербии возникло коллаборационистское правительство, возглавил его генерал Недич.

Математик Билимович, русский по рождению, ставший гражданином Сербии, не захотел сотрудничать ни с фашистами, ни с продавшей им местной властью. Он официально покинул свой пост в университете. Только вот бежать уже не было сил, да и некуда — война шла повсюду. И Билимовичи

«Дачницы»

остались в оккупированном Белграде.

А между тем в Сербии развернулось мощное активное партизанское движение. Понятное дело, немцы нашли способ бороться с партизанами — с помощью заложников: за одного немецкого солдата или офицера, убитого партизанами, фашисты расстреливали 100 заложников. Расстрелы устраивались два раза в неделю, при этом в один день убивали евреев и цыган, а в другой день — заложников иных национальностей.

В 1942 году немцы арестовали Арсения, единственного и обожаемого сына Билимовичей. Арестовали и его жену. Их отправили в концлагерь ЦрвениКрст, располагавшийся недалеко от городка Ниш. Арсений с женой в любой момент могли быть расстреляны — лагерь этот существовал три года, за это время через него прошли 30 тысяч узников, и каждый второй был убит. Но им повезло, они уцелели — в 1944 году в этот лагерь смерти вошли югославские партизаны и освободили тех, в ком еще теплилась жизнь.

*«Мать
и дочь»*

Справа:
*Портрет
А.Д. Билимовича,
второго мужа*

Арсений вернулся домой, но два года в лагере наложили печать, молодой еще мужчина был смертельно болен. В том же 1944 году он умер.

Елена Андреевна мучительно перенесла смерть сына. Эта глубокая рана так и не зажила в ее душе. И никогда больше она не брала в руки кисть... Что-то безвозвратно ушло из нее, оборвалось.

Но кончилась война, снова наступила мирная жизнь. И Антон Дмитриевич занял свой прежний пост —

снова стал профессором Белградского университета. Он покинул свою кафедру и студентов в 1955 году — ушел на пенсию, освободив место молодым, но до конца дней своих продолжал заниматься наукой. И, наверное, вспоминая своего знаменитого тестя, тоже писал учебники по геометрии.

В 1970 году Елена Андреевна овдовела. Она осталась одна — с ней не было ни сына, ни мужа. (Невестка уехала в Канаду и не поддер-

живала с ней никаких связей.) Одиночество заполнило ее существование. Но ей уже был никто не нужен. Все, кого она любила, ушли, покинули ее. Умерли и все ее друзья. И Елена дала обет молчания, посвятив себя своему маленькому саду и розам, которые росли и радовали ее своими красками.

Но далекая Маргарита Лунева заставила ее вспомнить прошлое, вспомнить, что она когда-то была художницей, и неплохой. Они писали друг другу письма... В одном из них Елена Андреевна благодарила: *«Большое спасибо Вам за Вашу необыкновенную заинтересованность моей судьбой, моей жизнью, за то, что Вы меня, так сказать, “вытащили на свет”. Благодаря Вам, я нашла своих родных — оказалось, что у меня много племянниц и их детей еще. А я считала, что у меня никого в России нет...»*

А потом она решила передать в Воронежский музей все свои картины: *«Жизнь кончается... Родных здесь у нас никого нет, все, что осталось от моих “произведений” — просто пропадет, — писала она. — Конечно, все, что у меня есть, не представляет никакой особой ценности, но все же жалко выбросить в печку...»*

Она так и сделала — передала в Воронежский музей все свои картины и рисунки. В 1969 году в музее открылась ее первая персональная выставка. Узнав об этом, Елена Андреевна была счастлива. Она отдала все, и только одну картину оставила себе — это была ее самая последняя работа, написанная в по-

следний день жизни сына: «Портрет сына на смертном одре».

Елена Андреевна умерла 8 июля 1974 года. Этот рисунок был с ней до последнего ее вздоха. После ее смерти — так она завещала — его положили в ее гроб и кремировали вместе с ней. Так мать и сын навсегда остались вместе...

Сегодня имя Елены Киселевой хорошо известно воронежцам, она — их местная знаменитость, а ее картина «Маруся» — визитная карточка Воронежской картинной галереи. Не так давно, в 2017 году, в московском Музее русского импрессионизма состоялась большая выставка Е. Киселевой. Понемногу ее творчество возвращается в русское искусство, а ее имя — в память потомков. □

ШАйдар Шарафетдин:

**«Я ценю
В ЛЮДЯХ
ЧИСТОПЛОТНОСТЬ
ВО ВСЕХ
СМЫСЛАХ»**

Талантливый артист, педагог, фехтовальщик, хореограф-постановщик — все это, несмотря на молодость, Айдар Шарафетдин. С 2013 года он служит в театре «Содружество актеров Таганки», а в Высшем театральном училище имени Щепкина является педагогом по сценическому фехтованию. Его хорошо знают как талантливого постановщика и исполнителя фехтовальных боев в театре и в кино, а также по сериалам «Самара-2», «Развод», «Слишком красивая жена», «Бретер», «Все хорошо у меня», «Верю-не верю» и другим.

Айдар, как вы пришли в актерскую профессию?

— У нас артистическая династия, родители — заслуженные артисты Республики Татарстан, в молодости много ездили по всему миру от Казанской филармонии — эстрадно-цирковые номера, пантомима, танцы, жонглирование...

они исполняли дуэтный кубинский танец, и меня тоже включили в этот номер. Помню, что тогда, будучи мальчишкой, испугался зрительного зала, но выступил, на мой взгляд, достойно.

— Вы окончили Казанское хореографическое училище.

Мой двоюродный дедушка актер, играет в Казани в театре имени Галиасгара Камала. Так что выбор профессии, можно сказать, был не случайным.

А первый выход на сцену состоялся в шесть лет. Родители выступали в шоу «Звезды и звездочки»,

Немного из истории: становление хореографического училища связано с Казанским музыкальным училищем имени И.В. Аухадеева, где в 1972 году было создано хореографическое отделение. В марте 1993 года хореографическое отделение

ние было преобразовано в отдельное учебное заведение — Казанское хореографическое училище, специализирующееся на подготовке артистов балета. Почему вы не остались в балете?

— Из-за множества ограничений, связанных с этой профессией. Я очень люблю спорт, например,

му образованию я преподаю хореографию детям и ставлю пластические и танцевальные номера в драматических спектаклях.

— Многие современные артисты не умеют ни танцевать, ни красиво двигаться на сцене, это странно, но, увы, реальность. Айдар, помимо хореографиче-

футбол, а артисту балета игра в футбол категорически противопоказана, танцовщик должен целиком и полностью посвятить себя только служению искусству. Помимо классической хореографии я занимался бальными и современными танцами. Свои первые деньги зарабатывал, танцуя «двойником» Джастина Тимберлейка. Сегодня благодаря свое-

ского, вы окончили еще Московское театральное училище имени Щепкина?

— Да, окончил его в 2011 году. Я учился на курсе Юрия Мефодиевича Соломина, а художественным руководителем курса была также профессор — Ольга Николаевна Соломина, к сожалению, она ушла из жизни в конце мая этого года. Светлая

ей память. Ольга Николаевна была мамой нашего курса, это большая утрата. Режиссер, педагог, актриса, писатель, заслуженный деятель искусств РФ, очень хороший человек... На прощание с Соломиной пришли многие выпускники разных лет...

Воспоминания об учебе в Щепкинском училище — самые светлые, мне повезло с замечательными на-

артистического фехтования в Германии, и как участник, и как тренер. Я благодарен ему за все.

— «Фехтование есть искусство наносить уколы, не получая их. Необходимость ударить противника, избегая его ударов, что делает искусство фехтования чрезвычайно сложным, ибо к глазу,

ставниками, по окончании училища я поступил в магистратуру и теперь являюсь педагогом сценического фехтования.

Во время обучения моим педагогом по фехтованию был Иван Михайлович Калинин. Сейчас он много занимается озвучиванием фильмов. Калинин — обладатель золотых медалей международного фестиваля

который видит и предупреждает, к рассудку, который обсуждает и решает, к руке, которая выполняет, необходимо прибавить точность и быстроту, чтобы дать жизнь оружию», — так говорил великий писатель Жан-Батист Мольер. Вы преподаете сценическое фехтование, расскажите об этом, пожалуйста.

— Главная задача состоит в том, чтобы научить студентов правилам безопасного боя, развить у актера ряд физических и психофизических качеств: быструю реакцию, координацию движений, внимание, ловкость, скульптурность, гибкость, ритмичность. Движения актера в сцене поединка должны быть смелыми и впечатляющими, но безопасными для партнера, и в то же время убедительными в своей опасности для зрителя. Сценическое фехтование воспитывает и развивает чувство пространства — является отличным тренингом для темпоритма.

Фехтовальная сцена в спектакле должна быть безопасна для исполнителей. Сыграть сцену ранений или сцену убийства героев можно, только овладев специальными техническими навыками.

Сценический бой воспитывает у студента чувство активной борьбы, в момент начала сражения активизируется вся нервная система. Для того чтобы безупречно овладеть техникой, конечно, необходимы регулярные тренировки. Используя мастерское владение шпагой и телом, актер вживается в образы персонажей, он может почувствовать себя Д'Артаньяном или Гамлетом, Сирано де Бержераком или Лаэртом, сможет ощутить накал страстей поединка и убедительно передать свое состояние зрителю.

— В каком театре вы служите?

— С 2013 года в Театре Содружества актеров Таганки под руковод-

ством Николая Николаевича Губенко. Пришел в этот театр по окончании магистратуры, все произошло совершенно случайно: нужна была срочная замена актера, и я ввелся в спектакль. С того момента стал играть в этом театре. Особенно люблю приглашать друзей в наш театр на спектакль «Бег» в постановке Марии Федосовой, там я появляюсь в каждой сцене — играю шесть персонажей с невероятно быстрыми переодеваниями.

— В спектакле «Однорукий из Спокана» — по пьесе популярного британского драматурга Мартина Мак Донаха — вы поставили пластические номера как хореограф.

— Да, премьера состоялась в 2018 году в Театре Содружества актеров Таганки, режиссер постановки — Николай Коробов. Этот спектакль является полной версией пьесы Мак Донаха. Экспрессия, юмор, хорошая игра актеров, одним словом, работа была очень интересной.

— Кого вы считаете своим учителем в профессии?

— Владимира Николаевича Драгунова — режиссера Малого театра, заслуженного артиста, будучи студентом, я играл в его спектаклях, он учил будущих актеров тому, как нужно правильно существовать на сцене и в кино, и я всегда с благодарностью вспоминаю его.

Драгунов каждому студенту в день рождения шутя говорил: «Ребята, самое главное, чтобы в жизни у вас всегда был выбор: два сериала, три полнометражных фильма и передача про еду».

одного дня из жизни работников рекламной компании, рассказанная пластикой тела, трюками и с удивительными превращениями. В Москве он идет в Доме музыки, но сейчас мы будем играть его на

— **Вы играете в спектакле-шоу «Контора»...**

— Это спектакль необычный, яркий, динамичный, поставил его Сергей Филатов. Комическая история

большей площадке, во Дворце молодежи.

— **Вы любите читать книги?**

— Конечно. Мое увлечение — это литература, связанная с психо-

логией, философией, о взаимоотношениях людей, о мотивах поведения, о том, как следует вести себя в различных жизненных ситуациях, как управлять своими эмоциями... Недавно прочитал книгу доктора Курпатова «Красная таблетка. Просто посмотри правде в глаза!» Полезное интеллектуальное, интересное чтение.

— А как вы управляете своими эмоциями, например, как ответите на агрессию? Как ведете себя в стрессовой ситуации, если таковая случается?

— На агрессию никак не буду реагировать. Я умею концентрировать внимание на том, что нужно мне. Ну, и учеба в хореографическом училище закаляет характер и воспитывает силу воли, так что с выдержкой у меня все в порядке.

— Какие вам нравятся качества в людях?

— Трудолюбие, честность, пунктуальность, опрятность. Одним словом, чистоплотность во всех смыслах.

— Вы любите путешествовать?

— Любовь к путешествиям у меня от родителей, которые часто гастролировали, помню в детстве их захватывающие рассказы об Африке, так мне нравилось слушать! Я езжу по миру, и мне это в радость, например, с цирковым проектом, с Неоновым шоу осенью отправимся в Из-

раиль. Когда учился в Щепкинском училище, на третьем курсе педагог по фехтованию меня отметил и взял на гастроли в Сеул, Южную Корею. Ребята из Южной Кореи в нашем училище учатся четыре года, потом уезжают и иногда приглашают к себе на фестивали.

В Сеуле меня удивило, что в кафе или ресторане вам обязательно принесут баночку пепси просто в знак благодарности, а еще мне рассказал интересный факт наш бывший студент из Южной Кореи. Если ты студент, то в любом ресторане можешь попросить поесть, и тебе никогда не откажут, обязательно дадут бесплатно порцию риса с традиционной корейской капустой. Это как-то человечно.

— Вы владеете иностранными языками?

— Мне нравится изучать иностранные языки с детства, я говорю на английском, французском, испанском и немного по-немецки — он у меня пока на бытовом уровне.

— Какого зрителя хотелось бы видеть в зале?

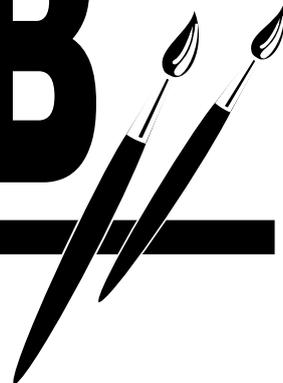
— Открытого, готового к восприятию, думающего, понимающего. Зрителя, который знает, на что он пришел, который не смотрит на экран телефона и не шелестит фантиком... Искреннего, готового к сопереживанию и соучастию. □

Instagram: @AydarSharafetdin

Беседовала Елена Воробьева

МОЙ Иван Переверзин

ГЛАЗУНОВ

28

Единственное, чего в жизни не следует делать специально — это плодить на свою голову злопыхателей. К сожалению, так уж устроен мир многих человеческих отношений, что любой, даже самый небольшой твой успех у кого-то, пусть даже у одного человека, но вызовет черную зависть. И вот один из подобных завистников передал Илье Сергеевичу, естественно, все переврав на свой лад, мое отрицательное мнение об его упрямом, ничего кроме унижения не обещающем решении провести юбилейную выставку картин в подвальном помещении Большого манежа. Вместо того, чтобы позвонить мне или пригласить к себе и, как это всегда бывает в настоящей дружбе, снять возникшее нежданно между нами напряжение, Ильи Сергеевич напрочь перестал

Продолжение. Начало в №№11–12, 2018 и №1–7, 2019

мне звонить. И под жалким предлогом плановой смены экспозиции даже дал ну совсем ничего ему не дающую как благородному и честному человеку мстительную команду — снять мой удачный портрет поэта, им же самим так вдохновенно написанный, с одной из стен музейного зала.

Об этом я услышал от своей младшей дочери Елены, которая, зная о наших дружеских отношениях с Глазуновым, пригласила в музей его имени своих однокурсников с целью пробудить в их душах патриотические чувства, так необходимые в наше трудное, непростое время каждому россиянину, чтобы выстоять в окружении явных и скрытных врагов. Естественно, находясь с друзьями в музее, она решила познакомиться их и с отцовским портретом кисти Глазунова, который уже несколько лет, в соответствии с договором с администрацией, экспонировался в портретном зале на втором этаже. Но когда она со своими друзьями вошла туда, то на месте,

где столько лет висел мой портрет, была представлена другая работа — портрет какой-то то ли актрисы, то ли эстрадной безголосой певички, явно написанный за большие деньги по заказу одного из «денежных мешков». Представляю, как же ей было неловко перед своими друзьями — ведь и за лгунию могли запросто посчитать. В музее она сдержалась и не расплакалась — хотя ей было очень обидно за отца, — но, придя домой, забилась в свою комнату, как побитая собачонка в конуру, и я через дверь услышал ее горькие всхлипывания. Утешать даже словами не стал, поскольку сам находился в непривычном для себя состоянии жалости, но не к себе, а к великому художнику. «Вот время и доказало, что Илья Сергеевич мне совсем никакой не друг», — отчетливо подумалось мне.

Между тем Глазунову оказалось спешное снятие моего портрета с постоянной музейной экспозиции не достаточным поступком для удовлетворения сполна своей, как я справедливо посчитал, воспаленной мстительности... Вскоре собрав в своем обширном ректорском кабинете преподавателей академии, он напрямую заявил им:

— Государством наконец-то выделена определенная сумма денег на оплату художественных работ для нашего музея. Я буду платить вам в два, нет, в три раза больше, чем Переверзин, лишь бы вы не унижались перед ним, ожидая, когда же он соизволит сделать свой заказ!

Узнав об этом, я с горечью подумал: «Да, может быть, впервые за двадцать лет государство и в самом деле выделило какие-то деньги, вот только через сколько же лет, судя по отношению власти к писателям, к художникам, к образованию, к культуре вообще, десятилетий еще раз расщедрится?! Одному Богу известно!.. А я на протяжении двух десятилетий каждую свободную минутку от служебных дел объезжаю художников с целью покупки у них картин, а значит, и оказываю им постоянную материальную помощь, переоценить которую в наше позорное полунищенское существование невозможно! Я уже всерьез не говорю о том, каких моральных и физических сил мне это стоит! И потом — а как же быть с благословением на создание галереи, которая должна увековечить Глазунова и как преподавателя? Заспать? Не получится! Забыть? Тоже! Значит, остается одно: помнить, как еще одну пастозную ложь по отношению и ко мне, человеку, услугами которого на определенном многолетнем жизненном этапе охотно изволили нагло пользоваться!

И все же я, упрямо преодолевая ущемленное самолюбие, продолжал регулярно позванивать художнику, «оскорбленному» мной тем, что я попытался отстоять его честь, не дать ему пойти на сделку со своей совестью, заключающуюся в позволении власти предержавших глумиться над собой, почитаемого как великого художника большинством российского народа, но всякий раз слышал из

мобильника лишь то длинные, то короткие гудки, не скрою, порой приводящие меня в уныние... Просил и свою старую знакомую, Светлану, продолжавшую работать у Глазунова активным помощником, передать Илье Сергеевичу, что я никак не могу до него дозвониться. Увы, увы, все было настолько напрасным, словно мы не только никогда не знали друг друга, но были — не больше, не меньше — заклятыми недругами! А находиться вновь и вновь в состоянии неопределенности, словно быть подвешенным между небом и землей, — не по мне.

В поисках разгадки, на мой взгляд, странного поведения великого художника, я обратился к Станиславу Юрьевичу Куняеву, в период печатания мемуарной книги Глазунова «Россия распятая» в журнале «Наш современник», близко сошедшемся с художником. В разговоре я задал всего один волнующий меня вопрос:

— Станислав Юрьевич, если не трудно, объясните мне, какая черная кошка пробежала между вами и Глазуновым?

И получил ответ:

— Иван Иванович, во-первых, у нас с Ильей Сергеевичем разное понимание дружбы. Я твердо считаю, что всякие человеческие добрые отношения должны строиться на бескорыстной взаимовыручке, уважении, что надо уметь не только слушать, но слышать своего товарища. Барское, начальственное, поучающее отношение для меня категорически неприемлемо! А Илья Сер-

геевич при наших встречах всегда старался подчеркнуть свое якобы имеющееся у него превосходство надо мной по всем жизненным, нравственным и научным вопросам, слава богу, что еще и не литературным! Когда можно просто по-хорошему попросить сделать то или другое дело, он вместо этого, повысив голос до начальственного, отдавал чужим сотрудникам направо и налево приказы даже в редактируемом мной журнале! Но главное, что окончательно нас рассорило, связано с принятием редакции журнала публикации целиком его в основном автобиографической книги «Россия распятая». Понимая всю ответственность и важность этого совсем не простого дела, я поручил своему первому заместителю Геннадию Михайловичу Гусеву готовить главы книги к публикации, поскольку рукопись требовала немалого редактирования, как и любая другая, написанная не профессиональным писателем! И вот однажды, если мне не изменяет память, в конце рабочего дня, едва я закончил переговоры с одним очень известным автором, он вбежал ко мне, одной рукой нервно поправляя очки, а второй кладя мне на стол какую-то рукопись:

— Станислав Юрьевич, я вам очень благодарен за оказанное мне доверие, но отправить в печать без вашей визы очередную главу книги не могу! Да и не имею морального права, поскольку у нас с Глазуновым разное понимание чести! Вот так и сказал, как будто сбросил с плеч непомерную тяжесть.

Взяв в руки принесенную рукопись, я все же спросил:

— Геннадий Михайлович, если вы так решительно настаиваете, то я, конечно, ознакомлюсь внимательно с этой главой, но о чем таком серьезном написано в ней, отчего вы так сильно взволнованны?

— Ну, зачем я буду вам навязывать сформировавшееся у меня отрицательное мнение! Когда прочтете главу, все поймете сами! — ответил Гусев и, круто повернувшись, вышел из кабинета.

Оставшись один, я отложил все дела и взялся за чтение. Чем глубже вчитывался, тем больше понимал смятение своего первого заместителя, поскольку вся глава была посвящена дяде Глазунова — Борису, известному антисоветчику, немецкому прислужнику, в общем, предателю Родины!

— Не может быть! — нервно перебил я Куняева, но, словно опомнившись, продолжил: — Если действительно родной дядя Ильи Сергеевича и был таким, каким вы его по совести считаете, то и правда, как не суди, как не ряди, писать о нем положительно даже в наше столь безнравственное демократическое время — самое настоящее кощунство! Ведь это же все равно, что публично надругаться над священной памятью миллионов и миллионов невинно погибших советских людей!

— Вот именно, Иван Иванович, но, зная, как вы любите своего Глазунова и многое ему прощаете, спорить

с вами не буду, а всего лишь попрошу вас открыть первый том «России распятой» на странице четыреста четырнадцать и прочитать главу «Борис Федорович Глазунов». А так как время позднее, я вам желаю спокойной ночи и советую на ночь глядя указанной главы не читать, иначе, слово даю, не заснете! Да и, как говорится, утро вечера мудренее. А завтра, когда внимательно прочтаете, если не трудно, то, пожалуйста, перезвоните мне. Хорошо?

— Хорошо! — как на автомате сказал я, находясь от услышанного в сильном душевном смятении, и, чтобы хоть как-то унять вдруг сильно захавшее, как вспугнутый ночной филин, сердце, стал, словно заведенный, взад-вперед ходить по кабинету. Наконец понял, что, прими я хоть три дозы снотворных таблеток, все равно ну никак не смогу заснуть, и с той решительностью, с какой боец под жестоким вражеским огнем встает во весь рост, чтобы, перебросив свое тело через траншею и ринуться в атаку, подошел к одной из многочисленных книжных полок и снял с нее внушительного объема первый том «России распятой». Быстро отыскал нужную страницу и с продолжавшим глухо и часто биться сердцем углубился, как оказалось, ох, в какое непростое чтение:

«Во время одного из разговоров с уже знакомым читателю историком-эмигрантом Н.Н. Рутченко в кафе «Два мага» в старом парижском районе Сен-Жермен-де-Пре

друг сына Столыпина, один из основателей НТС, вдруг спросил меня:

— Дорогой мой, скажи-ка мне по правде, имеет ли к тебе какое-то отношение Борис Федорович Глазунов?

— Как, какое? Это мой дядя — брат отца, Сергея Федоровича.

Глаза Николая Николаевича радостно сверкнули:

— Дорогой Ильюша, я хочу поздравить тебя, что у тебя такой дядя. Он был яростный антикоммунист и великий патриот России».

Дочитав до этого места, я возмущенно подумал: «Хоть убей, в самом деле ничего не понимаю — ну, не любил советскую власть, ну, был великим патриотом отечества, а что в этом плохого! И уже хотел раздраженно захлопнуть глазуновскую книгу, как вдруг взгляд зацепился за жуткую фразу: «...Весной 1942 года Борис Федорович состоял в качестве переводчика и делопроизводителя в одном из подразделений гатчинской комендатуры под непосредственным начальством латыша-офицера из Риги».

Я достаточно хорошо знаю весь ход Великой Отечественной войны, чтобы быстро не вспомнить, что весной 1942 года Гатчина была оккупирована фашистскими войсками. Значит, родной дядя Глазунова, бесспорно, состоял на службе у немцев. А, являясь переводчиком, не мог не присутствовать при допросах и пытках своих соотечественников, тем самым становясь причастным к этим чудовищным преступлениям! Гос-

поди! Какой ужас! И я уже отбрасываю толстенную книгу «Россия распятая» и обращаюсь к статье Станислава Куняева, в которой читаю: «Борис Федорович Глазунов в 1945 году был выдан союзниками нашему СМЕРШу, получил всего лишь десять лет (по горячим следам расстреливали на месте!), в лагерях работал по специальности на инженерно-технических работах и, вопреки всем ужасам ГУЛАГа, о которых пишет его племянник, отсидел свой срок весьма вольготно...»

Но и этим до конца не удовлетворив свое любопытство — ведь дело касалось многолетних, если не дружеских, то уж точно близких отношений, снова открыл глазуновский том «Россия распятая» и в главе «Письма Ермолая в Америку» из первоисточника узнал, как же вольготно отбывал свой срок Борис Федорович: «Вдруг сообщили, что Борис задержан. Он обвиняется, мягко говоря, в антипатриотичном поведении...», и далее: «В 1945 году поступила первая весть от Бори, осужденного и находящегося в заключении в районе средней Волги... В скором времени Борис был переведен в лагерь на севере Европейской России, где и находился до минуты освобождения... Разумеется, встал вопрос о систематической помощи. Миша, как наиболее «богатый», выделил пятьсот рублей в месяц.хлопоты с упаковкой и отправкой продуктов (дважды в месяц) взяла на себя Антонина... За все десять лет не могу припомнить ни одной задержки в отправке

продуктов... В лагере Боря использовался на инженерно-технических работах. Поосмотревшись и попривыкнув, он начал заниматься, возможно вначале в порядке хобби, математикой, в частности решением так называемой «великой теоремы» Пьера Ферма». На этом месте мне вдруг захотелось еще раз, теперь, унявши сердечное колотье, более внимательней и вдумчивей перечитать страшную главу «Голод» из книги Глазунова: «Каждый умирал страшно и мучительно. Отец — с протяжными нестерпимо громкими криками, от которых леденела кровь и поднимались дыбом волосы. Он лежал лицом кверху на кровати, в пальто и в зимней шапке, надвинутой на лоб. «А-а-а!» — кричал он на высокой ноте не переставая... Через пятнадцать минут отец замолк и, не приходя в себя, умер — после «голодного психоза», как определил доктор, сам еле державшийся на ногах от слабости.

— Бабушка! Бабушка! Ты спишь? — говорил я, боясь своего голоса в темной пещере комнаты. Закрывая рукой пламя коптилки от сквозняка открытой двери, я старался разглядеть бабушку. Мне показалось, что из-под полузакрытых век она пристально посмотрела на меня. Холодея от ужаса, больше всего боясь тишины, я с усилием подошел к постели и положил руку на ее лоб. Он был холоден, как гранит на морозе. Я не понимаю, как очутился рядом с матерью, лежащей в старом зимнем пальто под одеялом. Стуча зубами, прошептал:

— Она умерла!

— Ей теперь легче, чем нам, мой маленький, — сказала тихим шепотом мать, — от смерти не уйти, мы все умрем — не бойся!»

Неужели Илья Сергеевич, рисуя словами дикую картину голода, и в самом деле не понимал, что в том сорок втором, самом трудном году легендарной блокады, его родной дядя Борис, верно, как хорошо натасканная на людей собака, служа тем, кто, что там ни говори, но является прямым виновником смерти ленинградцев, в том числе и многих оставшихся в блокадном Ленинграде глазуновских родных? Уверен, что прекрасно понимал! Но тогда зачем он пытался в своей книге не только плаксиво оправдать дядю Мишу, по сути являвшегося одним из, пусть косвенных, но явных убийц своих близких, но и сделать из него чуть ли не героя — ярого борца с советской властью! Вот только забыл или просто не знал, как же явить миру его «справедливую» борьбу. Скорее всего, она свила себе гнездо в воспаленном мозгу самого Ильи Сергеевича!.. Если это действительно так, то невольно возникает вопрос: «А не передавал ли мой дорогой друг через родного дядю свое отношение к советской власти? Запросто, ведь у него были причины не любить ее, хотя бы за то, что после окончания академии был сослан в глубинку простым преподавателем черчения. Но таких, как он, в то суровое время было десятки тысяч человек! И далеко не каждый, помнящий или знающий историю самодержавия,

олицетворял советскую власть с родным отечеством! И выходит, что надо было не огород городить, а честно написать о судьбе дорогого ему дяди — да и ладно. Как говорится, в семье — не без урода.

Из-за ненависти к советской власти стать самым настоящим, подлым предателем своей матери-родины — это не заслуга, это — вечный позор! Династии и времена меняются, а Родина остается жить в веках — и ничто не может оправдать ее предательства! Рассуждать иначе — совершать грех неискупимый! Ах, Илья Сергеевич! Илья Сергеевич! — лучше бы за грехи своего дяди, а после, прямо скажем, неудачной попытки показать его чуть ли не героем, между прочим, за преступления по законам военного времени менее чем расстрела не заслуживающего, став грешником и сам, ходил бы ежедневно в храм Божий и там, слезно молясь, просил Господа простить и своего дядю, и себя самого, — словно овцу заблудшую!

Может, по аналогии с дядей Мишей можно сказать, что Илья Сергеевич, в самом деле, всю свою долгую жизнь ошибочно считал и всех так называемых прибалтийских «лесных братьев» национальными героями, яркими борцами за освобождение от советского «ига», как и Степана Бандеру, положившего свою жизнь якобы за освобождение великой самостоятельной Украины от все той же «поганой» советской власти, а на самом деле ничем иным, как карателем собственного народа не являющимся?!

«Учитель, воспитай ученика, иначе он убьет тебя уродством!» — однажды прочитал я двустихие наизусть Илье Сергеевичу в одну из наших вечерних дружественных встреч в «Русском посольстве».

— Иван Иванович, интересно, а чьи это строки?

— Мои, из стихотворения «Учитель», — не без гордости ответил я.

— А вы молодец, очень верно сказали! И, думаю, будете не против, если я возьму их в качестве эпиграфа к своей новой книге мемуаров?

— Ну, конечно же! Более того — посчитаю себя очень польщенным столь высокой оценкой моего скромного поэтического труда!

Не знаю, воспользовался ли Илья Сергеевич моими стихами, работая над новой книгой, но в ту встречу я их наизусть прочитал неспроста, поскольку всегда следую очень известным двум изречениям: первое — «Не боги горшки обжигают», а второе — «Терпение и труд все перетрут». Действительно, зачем изобретать тот же велосипед, если уже почти два века назад он изобретен. Эти два изречения я привел для того, чтобы лишний раз подчеркнуть — во-первых, каждый творческий человек не должен топтаться на месте, а день за днем, шаг за шагом идти вперед к достижению своей главной цели — бессмертию! Во-вторых, чтобы, идя к этой заветной, высокой цели, он при любой, даже самой большой неудаче,

увы, неизбежной на пути каждого из нас, не падал духом, а собрав всю недюженную волю в мощный кулак, накопив железного терпения, решительно стиснув до скрежета зубы, двигался дальше и дальше, тем более, если рядом с ним находится настоящий учитель. В отношении великих художников — да и не только их! — главной мыслью моего стихотворения является, что все они, мои дорогие современники, сполна отмеченные милостью Божьей, должны непременно не только создать эпохальные произведения, такие, как «Боярыня Морозова» Василия Сурикова, «Последний день Помпеи» Карла Брюллова, «Девятый вал» Ивана Айвазовского, но весь накопленный за многие, многие годы непрерывного учительства творческий опыт и доведенное до высокого уровня мастерство, которому, как знающие люди говорят, предела нет и быть не может, — вдохновенно передать своим талантливым ученикам. Быть великим учителем порой сложнее, чем быть великим художником, поскольку кроме художественного таланта надо еще иметь и талант педагогический!

Христос, несмотря на свою молодость — каких-то тридцать три года, — может быть, как никто, понимал, насколько важно иметь своих последователей, чтобы не прерывалась та великая связь между прошлым и настоящим, которую я бы назвал верой в Создателя! И пусть один из его учеников, по имени Иуда, предал своего учителя, в чем, осознав весь ужас содеянного им злодеяния, раскаялся,

но оставшиеся верными одиннадцать учеников со временем не только сами стали терпеливыми к людским недостаткам учителями великого учения Христа, но и обзавелись своими учениками, жаждавшими, как в пустынный зной хотя бы глотка спасительной воды, глубоких познаний мира человеческого и его устройства. До тех пор, пока эта преемственность не прервется, мы все, сегодня живущие и создающие прекрасное, можем надеяться на всеобщее спасение!

То же самое и с художниками, неважно — кисти или слова!

Став студентом Ленинградского института ваяния и живописи, Глазунов со своим от природы глубоким умом, широким кругозором сразу же окунулся в изучение программы преподавания в бывшей Императорской академии, и, изучив, не мог не сравнить ее с той, советской, по которой учился сам. И, конечно же, пришел к верному выводу, что советская программа по многим показателям, в первую очередь тем, что отягчена политическим подходом в творчестве, проигрывает императорской. И как человек глубокого государственного мышления, не лишенный здорового честолюбия и горячо любящий не только живопись, но, в первую очередь, свое отечество, ну просто не мог не воспылать мечтой о создании своей академии, по подобию императорской, конечно, с учетом современных реалий преподавания. Как говорится, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!

На мой взгляд, единственным минусом в системе обучения студентов в царское время было то, что выпускников заставляли против их воли писать дипломные работы на строго заданную руководством тему. Однако, справедливо говоря, это с лихвой компенсировалось тем, что, справившись с ней на «отлично», дипломник приобретал полное право на получение не только большой или малой золотых медалей, но и от «Общества поощрения художников» за государственный счет отправлялся на несколько лет оттачивать свое мастерство за границей, где живопись получила наибольшее развитие — в такие крупные европейские страны, как Италия, Испания, Франция и даже маленькая Голландия! Единственное, что от них требовалось — это раз в год посылать в Общество одну или две живописные работы и, конечно, отчеты об использовании казенных денег. В качестве одного, может, самого яркого примера деятельности «Общества поощрения художников» стоит привести заграничную художественную деятельность великого художника-титана Карла Брюллова.

19 сентября 1821 года еще совсем молодой талантливый художник с успехом окончил Академию художеств — получил большую золотую медаль. И уже в 1822 году был отправлен в Рим на художественную многолетнюю стажировку. По дороге он, с целью более детального знакомства со всеми школами и направлениями в развитии живописи, побывал в Риге, Мемеле, Кенигсберге,

Берлине, Дрездене, Мантуе и Болонье. Путешествие до конечной остановки — Рима — затянулось почти на год. Но это продолжительное время он даром не тратил — знакомился с местными достопримечательностями, экспозициями музеев и картинных галерей, вникал в творчество современных художников. Прибыв в Рим, Карл Брюллов поселился в районе нынешней улицы Систина, неподалеку от Квиринальского дворца. В качестве первого отчетного произведения на родину им была отправлена замечательная картина «Итальянское утро», написанная с натуры. Но прежде, выставленная на одной местной выставке, она своей неповторимой красотой буквально покорила итальянскую публику. В Петербурге заслужила одобрение «Общества поощрения художников» и самого императора Александра I, которому картина была преподнесена Обществом в дар. Кроме этой картины художник сделал копию из классических произведений итальянской живописи. Его взыскательный выбор пал на знаменитое полотно «Афинская школа» Рафаэля. И эта великолепная работа была с восторгом принята современниками, в первую очередь весьма знаменитыми! Например, Стендаль в «Прогулках по Риму» написал о ней так: «Яркие краски русской копии послужили нам прекрасным комментарием, отлично поясняющим текст старинного автора». Русское посольство оценило картину в огромную сумму — 10 000 рублей! Государь оказался много щедрее —

и приказал доплатить еще пять тысяч. Также художнику по велению Его величества был щедро пожалован орден Владимира 4-й степени. Впервые в истории Академии ее талантливый ученик был удостоен столь важной царской награды.

В 1827 году, в знаменитом салоне Зинаиды Волконской, Карл Брюллов познакомился с графиней Юлией Павловной Самойловой, очень красивой молодой женщиной, ставшей на долгие годы музой художника. Летом того же года графиня с удовольствием путешествовала с Брюлловым по живописной, залитой ярким золотым солнцем Италии. Они осматривали древние руины города Помпеи, разрушенного и почти напрочь засыпанного горячим пеплом и магмой, извергавшихся в огромном количестве из вулкана Везувия. Там, под впечатлением от увиденных своими глазами следов трагедии, разыгравшейся в далеком прошлом, и зародился замысел знаменитой и прославившей автора картины «Последний день Помпеи».

Прежде чем приступить к ее написанию, Брюллов собрал все необходимые материалы. Он тщательно изучил обычаи древней Италии, произвел детальное, углубленное исследование разрушенного извержением древнего города. Одним из основных источников послужили письма Плиния Младшего к Тациту, содержащие подробности невиданной природной катастрофы. Изображая захватывающую драматическую картину гибели города и его населения, Брюллов

включил в композицию многие эпизоды, разыгравшиеся не только в Помпее, но и в близлежащих местах. «Художник, — писал он, — помещающий на саженой холстине Помпею и Везувий, отстоящий на пять миль от оногo, вправе перетащить и из-за 80 миль на улицы Помпеи сцены, происшедшие совершенно в другом месте». Есть на полотне и легко узнаваемые любителями классической русской живописи портретные изображения. Так, себя художник смело изобразил в левой части картины с ящиком кистей и красок. Трижды написано на полотне и красивое лицо графини Юлии Самойловой, но во время общего безумия, охватившего горожан, с полными отчаяния большими глазами! Напряженная, кропотливая работа над монументальным произведением продолжалась с небольшими перерывами, необходимыми для отдыха, и таким образом писалась в течение долгих творческих поисков и сюжетных решений трех лет. «Однако дописав «Помпею», — вспоминает один из близких друзей художника, — Брюллов в душе остался недоволен. По его расчету фигуры должны были выходить из холста, а в картине они не имели того рельефа, который он страстно хотел им придать... Наконец ему показалось, что свет от грозовой молнии на мостовой слишком слаб. Он осветил камни около ног воина, — и воин выскочил из картины. Тогда он осветил всю мостовую и увидел, что картина окончена». Началось ее триумфальное шествие по многим

большим городам Италии, где люди хорошо знали цену живописному искусству.

По свидетельству многих очевидцев «успех картины «Гибель Помпеи» был, можно сказать, единственный, какой когда-либо встречался в жизни и в творчестве больших художников. Это одно из самых великих произведений вызвало в у итальянского народа безграничный энтузиазм. Правители городов, где картина выставлялась, устраивали художнику торжественные приемы; поэты посвящали ему вдохновенно, а порой и вообще восторженные стихотворения, его буквально на руках носили по улицам с музыкой, цветами и факелами... Везде его принимали с почетом как истинного гения, всеми до конца понятого и сполна оцененного. Вальтер Скотт, приехавший в Рим и посетивший мастерскую художника, называл его произведение «не картиной, а целой эпопеей».

Вернувшись из заграничной командировки, художник получал высокое звание академика и, если руководство считало необходимым, то и мог успешно занять место преподавателя в родной академии. А если не желал, то художник получал возможность заботиться о своем настоящем и будущем самостоятельно: мог жить где угодно, писать только то, что ему страстно хотелось! К примеру, великий Александр Иванов, работая над своим самым значительным судьбоносным произведением «Явление Христа народу», почти всю свою творческую жизнь провел в

Италии. А гениальный Василий Верещагин, создавая свои знаменитые картинные циклы, за границей — в Болгарии, Индии, Соединенных Штатах Америки и других далеких и близких странах — в общей сложности провел почти десять лет! А вот, скажем, неповторимый пейзажист Исаак Левитан вне России вообще не мыслил своего гениального творчества!

При советской же власти каждый выпускник любого высшего учебного заведения, в том числе и художественного, должен был в обязательном порядке по распределению три года отработать там, куда его пожелало отправить руководство института. Но, и отработав по распределению установленный срок, он не становился свободным в выборе своего творческого пути, поскольку, чтобы зарабатывать на жизнь, должен был через творческие профессиональные организации — членом которой надо было еще стать — получать государственные заказы, прославляющие успехи социалистического строительства в поле, на заводах и фабриках, в науке — в общем, везде, где проходили производственные процессы... Вот и возникло такое явление в искусстве, получившее название соцреализм, в котором, к сожалению, неприкрытой лжи было намного больше, чем правды. Иными словами, творческие личности: и художники, и писатели, и музыканты, и артисты — были на положении, мало чем отличавшемся от положения крепостного в далеком восемнадцатом веке. □

Окончание следует.

Их по праву считали красивейшей и самой знаменитой парой советского кинематографа 60-70-х годов. Они, Элем Климов и Лариса Шепитько, сняли легендарные фильмы, принесшие им мировую славу. Лариса — «Восхождение». Элем — «Агонию», «Иди и смотри», «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен»... Их судьбы, их картины — яркие свидетельства того сложного и противоречивого времени, в которое они жили. Лариса трагически погибла в 1979-м. Элем ушел из жизни в 2003-м. О брате и его жене, об их судьбах нам рассказал сценарист Герман Климов, брат и соавтор Элема.

НЕЖНАЯ БРОНЯ И ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ

— Герман Германович, что вы знаете о своих корнях? Климовы — они откуда и какого роду-племени?

— Наша тетушка, сестра отца, Германа Степановича, рассказывала, что изначально мы из Мурома. Из крестьян. Была у семьи большая

изба, крепкое хозяйство. Но уже наш с Элемом дедушка, Степан Сергеевич, изменил крестьянскому делу — стал речником. Сначала был капитаном какого-то судна на Волге, в Царицыне, потом служил начальником лоцманской станции в Финляндии на Финском заливе — до 1918 года. А когда всех русских оттуда «попросили», дед с семьей вернулся в Царицын, где стал капитаном красной флотилии. Сохранилась фотография тех времен: маленький отец стоит в матроске. Он был единственным ребенком в семье. Правда, семья оставалась семьей недолго. Отец ушел, а вскоре умерла и мама. Папа в 13 лет остался сиротой.

— Отец ваш — Герман, вы — Герман, брат — Элем. Наверное, не случайны такие имена?

— Почему так отца называли, не знаю. Возможно, в Финляндии, где он родился, это имя было популярно. А Элем — есть такой герой у Джека Лондона в его романе «День пламенеет». Элем Харниш. Маме он очень нравился. Элем — это от французского elle aime, «она любит». А «харниш» — по-немецки «броня», «латы». Такое нежное французское слово и — «броня». Имя, наверное, можно перевести как «нежная броня». Ну, точно подходит Элему! Его характер. Он был такой... веселый, легкий, но до определенной границы. В молодости девушки прохода ему не давали, но он их всегда, скажем так, остужал, останавливал, держал на расстоянии. Нежная броня!

А меня называли Германом, потому что отец надеялся, что я осуществлю его мечту. Он в юности хотел поступить в художественный институт, выучиться на архитектора. Но его не отпустили с работы. Отец с 14 лет трудился на Сталинградской ГРЭС, которая снабжала весь город электричеством. Он был превосходным чертежником. А первые его заработки были за кроссворды, которые он составлял, рисовал и посылал в газеты. У меня до сих пор кое-какие из его кроссвордов сохранились. У отца был еще один удивительный дар: он на маленьком клочке бумаги каллиграфическим почерком мог записать целый рассказ или нарисовать целую картинку. Буквы или детали рисунка можно разглядеть только при помощи лупы. Из этих его работ я тоже кое-что храню.

— Брат старше вас на 7 лет. Часто дети с такой разницей в возрасте не ладят между собой. Старший ревнует родителей к младшему. У вас такое было?

— Это не про нас. В детстве брат меня спасал во всех ситуациях. И потом, когда мы подросли, всегда опекал, всегда был за меня. Даже когда я был неправ, он все равно был за меня. А однажды я его спас. Это произошло в эвакуации в Свердловске. Мы с мамой и бабушкой покинули Сталинград, когда его уже всю бомбили. Ехали через Волгу, она вся горела, было очень страшно. Я этого по малолетству не помню — брат рассказывал. Ехали, а не плыли, по-

Элем Климов

тому что — в вагоне. Его закатывали на такой железнодорожный паром, на котором были установлены рельсы, а на той стороне вагон уже прицепляли к паровозу. Добирались до Свердловска два месяца, потому что шли военные эшелоны, и мы их пропускали. А в Свердловске местные дети почему-то очень не любили эвакуированных. Брат рассказывал: как они его только не донимали! И довели до того, что он им пригрозил — мол, я сейчас брату пожалуюсь, он придет и вас всех отметелит. И хулиганье отстало. А брату, мне, то есть, тогда полтора года было.

Вот таким образом я, можно сказать, спас Элема.

— Первые воспоминания о брате связаны с эвакуацией?

— Да. Вообще первые мои воспоминания — они оттуда. Мы жили под Свердловском в местечке, которое называется Коптяки. Как раз там, где захоронили расстрелянную царскую семью. Когда все это открылось, мама говорила: «Да мы же по этому мостику, что рядом с могилой, каждый день ходили!» Я помню, там озеро большое было, а на нем — огромный такой валун. И вот картин-

Лариса Шепитько

ка осталась в памяти: на валуне сидит наша бабушка, и по щекам ее катятся слезы. Я подхожу: «Бабуся, не плачь! Скоро война кончится, булочки будем кушать!» А там было очень голодно. Нам выделили небольшой пятючок земли, бабушка с мамой пни какие-то выкорчевывали, чтобы можно было посадить морковь... А отец тогда еще оставался в Сталинграде, потому что к моменту эвакуации он был уже главным инженером на СталГРЭСе. Кстати, никакого технического вуза он не оканчивал, самоучка. У него зрение было минус семь, поэтому в армию

он не годился. Отец оставался в городе с группой подрывников, в чью задачу входило взорвать СталГРЭС, если немцы подойдут к станции. А она находилась на окраине. Немцы не бомбили СталГРЭС, рассчитывая, что будут с электричеством, когда захватят Сталинград. Город был уже практически весь уничтожен. Отец должен был организовать взрыв. Он рассказывал: там были какие-то трубы, по которым они с подрывниками то таскали взрывчатку, то уносили ее обратно, когда ситуация менялась. Он тогда весь поседел, а ведь совсем еще молодой человек.

После того как наши взяли немцев под Сталинградом в кольцо, отца перевели в Свердловск. Элем рассказывал, что они с мамой приехали к нему на свидание из Коптяков, и отец повел их в театр на «Конька-Горбунка». С ним была сумка, а в ней буханка черного хлеба, которую он привез в подарок семье, и сумку с этой буханкой заставили сдать в гардероб. Элем вспоминал: «Я этого «Конька-Горбунка, можно сказать, не видел, потому что весь спектакль боялся, что свистнут эту сумку». Не свистнули.

— После Свердловска вы вернулись в Сталинград?

— Да. Барак на СталГРЭСе, в котором мы жили до войны, сохранился. В нем и поселились. Напротив — сараи. Рядом — небольшой огородик... Мне было четыре года, и мы с мальчишками бегали, собирали патроны, они валялись повсюду, потом бежали на Мамаев курган. А он был весь обмотан колючей проволокой, потому что его еще не разминировали, а мы — туда! Но Бог хранил... Хотя тогда многие мальчишки, играя с боеприпасами, калечились и даже погибали.

— Вот вы сказали, что в юности девушки не давали Элему прохода. Был так хорош собой?

— Ну, он всегда был красавцем. К тому же Элем в Сталинграде слыл стилиягой. Ходил в туфлях на подошве, которая в те времена называлась «манной кашей», и с коком на голове. А эти пестрые галстуки с обезьянами! Некоторые даже сохранились. Но потом, в Москве, все это стилиажничество куда-то ушло... Мы с Элемом учились в одной школе. И брат был там знаменитостью! Капитан команды по волейболу, капитан команды по баскетболу, он и бегал отлично, и в большой теннис играл. Тогда еще никто в него не играл. Помню, захожу в спортзал, а там брат — взлетает над сеткой за мячом! Кроме того, он и учился прекрасно. Я, конечно, им очень гордился.

— В спорте вы его, кажется, переплюнули?

— В спорте — да. В легкой атлетике. Я был чемпионом СССР в пятиборье. Ездил как десятиборец на первенство Европы, потом перешел на прыжки в длину, был практически чемпионом страны. После спорта окончил Высшие сценарные курсы. Писал и пишу сценарии документальных и игровых фильмов. Был соавтором брата на нескольких его картинах.

— Почему Элем поступил в Московский авиационный институт? Хотел быть инженером?

— Просто это было модно тогда. Школу Элем окончил с серебряной

медалью. К тому же спортсмен. Поэтому в 52-м году он отправился в Москву и легко поступил. А вскоре карьера отца, поскольку он очень хорошо проявил себя в годы войны, пошла в гору, и мы все переехали в столицу. Отец потом до конца жизни работал на крупных партийных должностях. Семье дали квартиру на Кутузовском проспекте. Туда через несколько лет Элем привел и Ларису. Мы жили какое-то время все вместе в этой квартире, и бабушка с нами, она до 94 лет дожила. Дружно жили. Родственники приезжали. Однажды было столько народу, что мне пришлось на сундуке спать. Был у нас такой сундук деревенский.

— И почему инженер передумал быть инженером и стал режиссером?

— Элем, учась в МАИ, участвовал в студенческой самодеятельности,

писал тексты для студенческого театра и ставил скетчи. Его заметили, начали приглашать на телевидение. Кстати, Элем был одним из первых ведущих КВН. Вел программу со Светланой Жильцовой. И он уже тогда понял, что МАИ — это не его. Но диплом получил и после института работал по специальности, был вертолетчиком. Работал у Миля, знаменитого конструктора вертолетов, в конструкторском бюро. А потом все бросил и поступил во ВГИК.

— При каких обстоятельствах он познакомил вас с будущей женой?

— Элем мне всех своих девушек показывал. Совета спрашивал. И когда он впервые привел в наш дом Ла-

рису... Помню, сижу я в своей комнате, слышу: Элем пришел и о чем-то разговаривает с папой и мамой. Потом кому-то говорит: «Иди сюда». Тут и я вышел посмотреть, что происходит в коридоре. И она входит. Лариса. Помню, была в какой-то темной одежде, и на шее — красный шарф. Потом, когда брат проводил ее, спрашивает у меня: «Ну как?» Я: «Все, на этом заканчивай свои поиски». Лариса была очень красивая. Царственная. В ней сразу чувствовалась такая, знаете... победительность.

— В общении она тоже была царицей?

— Смотря с кем. Но вообще в Ларисе вот эта уверенность, победительность всегда присутствовала.

Когда она появлялась в компании, все как-то невольно подтягивались. Ее в шутку называли «железная леди». Особенно девушки, которые ревновали. В Элема же многие были влюблены.

— Элем и Лариса — они были разными или похожими?

— Разными абсолютно. Внешне какая-то схожесть была — оба высокие, стройные, победительные. Разница в чем? Элем обладал огромным чувством юмора и самоиронии. У Ларисы этого не было. Она тоже шутила, но у нее юмор был такой... жестковатый. Тем не менее, она легко поддерживала любые разговоры. И был еще такой момент. Поскольку Лариса на съемках своего дипломного фильма «Зной» подхватила желтуху, и это подорвало ее здоровье, пить спиртное ей было нельзя. Когда в родительской квартире, где они начинали семейную жизнь, или потом в их собственной квартире собиралась компания, Лариса выступала хозяйкой, и я наблюдал: она сидела за столом и, не выпивая, будто пьянела вместе со всеми. Но все-таки заводилой, душой таких встреч всегда был Элем.

— Как могли быть вместе два таких сильных таланта?

— В бытовом отношении никаких противоречий у них не было. А что касается творчества, то они были, скажем так, разножанровыми режиссерами. Хотя и помогали друг другу в работе. Элем помогал Ларисе со «Зноем», когда она заболела той са-

мой желтухой. Помогал с монтажом и с диалогами. Помогал снимать финал картины «Ты и я». В «Восхождении» Элем смонтировал начальный бой. Киновед Валера Фомин пишет в своей книге «Пересечение параллельных-2», что Лариса, увидев работу Элема, была в ужасе: «Что за Голливуд ты тут устроил?!» А потом оказалось — все сделано как надо. Она оставила всю сцену. А Лариса ему помогала, не помню, по какой причине, может, Элем заболел, снимать некоторые сцены «Агонии».

— Да, я читала воспоминания Алексея Петренко, исполнителя роли Григория Распутина, что ему трудно работалось с Шепитько, что он очень ждал, когда вернется Элем...

— Да, потому что Лариса как снимала: от сих — до сих, тебе дано задание — и будь любезен. То есть никакого воздуха не давала исполнителю. А Элем определял общее направление, и актер мог дальше «гулять». Лариса же работала жестко.

— После триумфа «Восхождения», после того как фильм в 1976 году получил «Серебряного медведя» Берлинского кинофестиваля, Лариса стала мировой знаменитостью и много ездила по Европе и Америке. А у Элема, наоборот, были сплошные неудачи: первый вариант «Иди и смотри» был закрыт, «Агонию» не пустили на экран... Правда, что в это время они чуть не раз-

велись? Что Элем ушел из семьи и жил в мастерской у Виктора Мерещко?

— Правда. Это была серьезная история. Помню, Лариса мне позвонила — они тогда жили у Киевского вокзала: «Гера, где Элем?!» — «Не знаю». — «Он ушел из дома. Наверное, пошел топиться. Беги на Москву-реку, ищи его!» — «Лариса, с чего ты это взяла?!» — «Нет, я чувствую, он ушел, он так хлопнул дверью!» После «Восхождения» Лариса буквально летала на крыльях. А Элем в это время был весь в язвах: у него на нервной почве мгновенно появлялись какие-то язвы и возникали другие проблемы со здоровьем, он даже ходил с палочкой. Он все переживал внутри — такой интроверт. Да, очень у него был тогда тяжелый период. А Лариса ничего не замечала. Элем страдал, а она не обращала внимания. Знаете, Элем вообще не любил устраивать скандалы, выплескивать эмоции. В том числе на съемочной площадке. Есть режиссеры, типа Эльдара Рязанова, которые на площадке взрываются. Элем никогда не кричал, когда работал. Все держал в себе. Я лишь один случай помню, когда выдержка ему изменила. Это было на съемках «Похождения зубного врача». Снималась вечерняя сцена. А на это отпущен очень узкий промежуток времени, между днем и вечером. Это всего около получаса, потом уже ничего не видно. В общем, надо успеть. Вокруг съемочной площадки — ограждение. Полно зевак. Все при-

готовились. И только началась съемка, какой-то пьяный вываливается из-за ограждения: а че вы тут делаете? Элем кричит: «Стоп!» Мужика выволакивают за ограждение. Съемка начинается второй раз — он снова вываливается. И когда это случилось в третий раз, Элем взял его и швырнул прямо в забор. Пьянчужка пролетел между прутьями — и застрял! Так там и болтался. Все онемели! Но дубль все-таки, наконец, сняли.

— Как Элем и Лариса помирились? Кто был инициатором?

— Элем. Лариса не знала, где Элем жил. Он ей позвонил, и они встретились в метро на Белорусской. Там обнялись — и помирились. Но около двух месяцев этот «развод» длился.

— Когда случилась та ужасная автокатастрофа, в которой погибли Лариса и еще четверо членов ее съемочной группы, как Элем справлялся с горем?

— Это был ужас! Помню, я поехал в железнодорожную кассу, что находилась на улице Грановского. В Киев собирался ехать. У меня сценарий был в работе на киностудии Довженко. Около кассы стоял телефон. Он вдруг зазвонил — меня подзывают к телефону, говорят: что-то случилось с Ларисой, поездку откладывай и приезжай на Мосфильм. А Элем... Они с Ларисой только получили квартиру на Фрунзенской набережной. Еще не переехали, Элем там занимался ремонтом. Оттуда он и прилетел на Мосфильм. Вижу: выходит брат от

Сизова, директора студии. С ужасным лицом. Представляешь, говорит, мне Николай Трофимович выразил соболезнование и через несколько фраз предложил продолжить картину Ларисы. Она тогда начала снимать фильм по повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой». Помню, мы с Мосфильма приехали с Элемом домой к родителям, на следующий день привезли маму Ларисы с дачи. Потом начались похоронные ужасы. Антону, их с Ларисой сыну, ему тогда 6 лет было, решили не говорить правду, сказали, что Лариса заболела и лежит в больнице. Сказали лишь где-то через полгода. Его вырастила

бабушка, мать Ларисы, она жила с ним и Элемом до совершеннолетия Антона... А что творилось в те страшные дни в душе Элема, мне даже страшно представить. Он Ларису очень любил. И больше так и не женился. Замены не было. Он мне говорил: «Герман, кто может Ларису заменить? Никто».

— Элем и Лариса называли себя мистиками. И с ними действительно происходили мистические вещи. Элем рассказывал, что увидел во сне ту автокатастрофу, и именно в то время, когда она случилась. А Ла-

***рису верила, что жила раньше.
Откуда в них это?***

— Лариса и Наташа Рязанцева (Наталия Рязанцева — сценарист, кинодраматург. — Прим.) рассказывали, что в студенчестве они увлекались спиритическими сеансами. Я сам помню, как Лариса прибежала вот с такими глазами и говорила, что общалась — с тем, с тем... Художники вообще склонны к подобным вещам. Им всегда хочется как-то раздвинуть рамки привычного и понятного. Без этого им скучно. И Элем был таким же. Если бы вы почитали наши сценарии, особенно «Мастера и Маргариту», вы бы поняли.

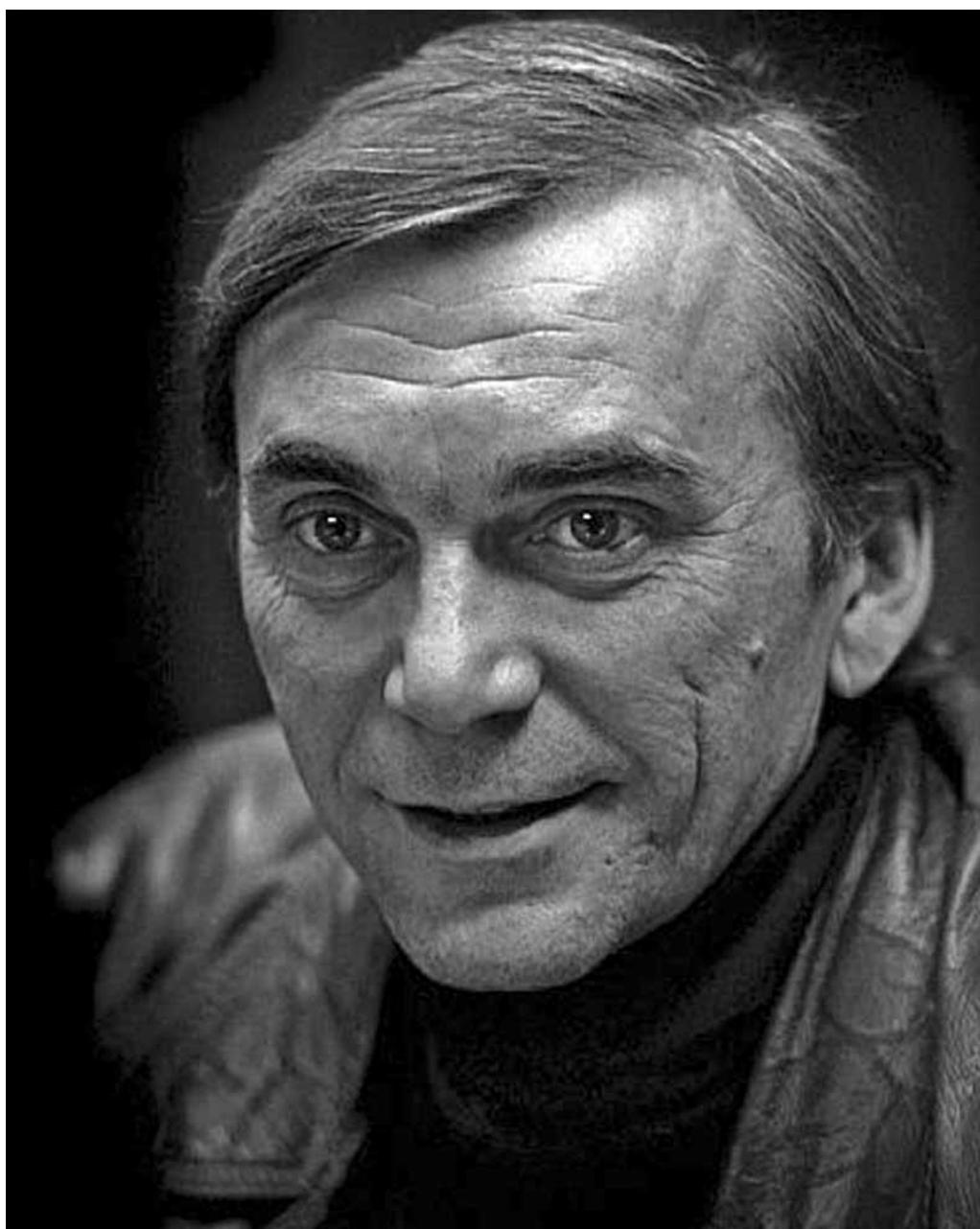
А что касается переселения душ и других жизней... Элем мне рассказывал, что они были с Ларисой в Германии в каком-то замке на приеме, и Ларисе сразу стало казаться, что она в этом замке когда-то жила. Она даже предугадывала, что они увидят в следующей комнате, когда туда зайдут. А на стенах там были развешаны портреты владельцев этого замка. И Элем с Ларисой остановились в изумлении перед одним из них, потому что на нем была изображена Лариса. Женщина в старинном платье с лицом Ларисы. Один в один.

***— Элем в годы перестройки
был выбран первым секретарем***

рем Союза кинематографистов. И это не принесло ему ничего, кроме разочарований. И «Мастера и Маргариту» он не сумел снять, потому что не нашел денег. Давали иностранцы, но требовали переделать сценарий на голливудский манер. Климов не согласился... Если бы Лариса осталась жива, смогла бы она в то вре-

мя сохранить себя как художника?

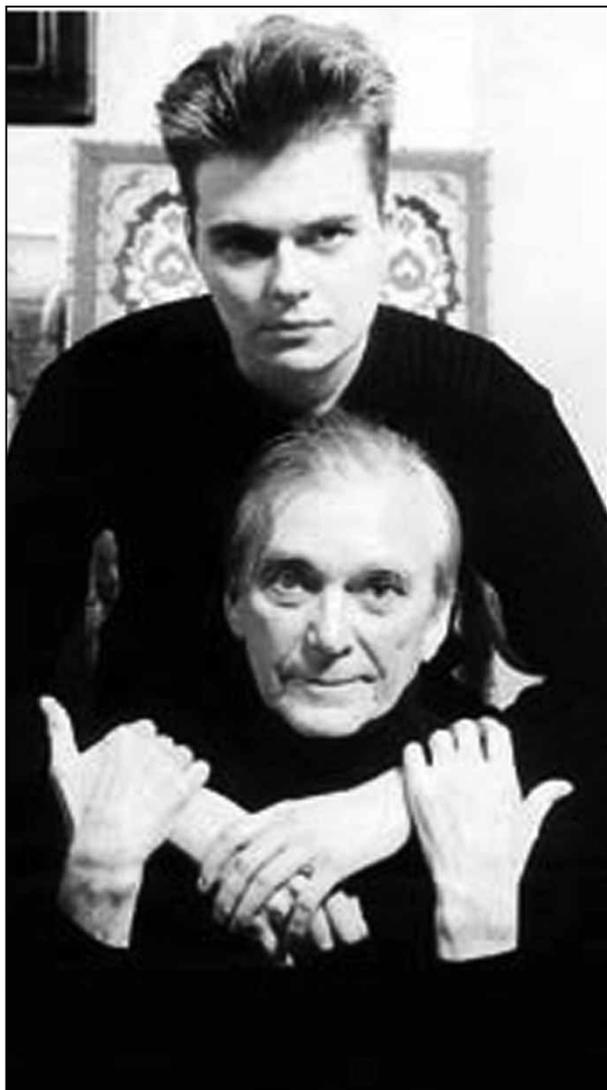
— Думаю, да. То, что она была бы очень заметной фигурой сегодня, не вызывает сомнений. Она и в 80 лет была бы молода и полна сил. Между прочим, когда мы с Элемом делали фильм «Лариса», мы разложили все ее фотографии на столе, и я ему говорю: «Посмотри, Лариса с годами становилась все красивее».

Другие бы к сорока годам обабились или еще как-то погасли, а она, наоборот, — расцветала. Потому что духовной жизнью жила. И это давало ей ... уже не красоту, а прекрасность. Лариса не постарела бы. И Элем бы жил до сих пор, если бы она была рядом.

— Вы на многих съемках были вместе с братом?

— Когда он снимал «Добро пожаловать» и «Похождения зубного врача», я еще спортом занимался. Безвылазно находился то на сбо-

рах, то на соревнованиях. А на остальных фильмах — на «Агонии», на «Прощании», на «Иди и смотри» — был с ним от начала до конца. Я же там и как соавтор сценария выступал.

— Кроме «Мастера и Маргариты» есть еще написанные вами в соавторстве сценарии, которые Элем не смог и не успел осуществить?

— Был сценарий «Вымыслы» по мотивам русского фольклора и «Преображение» — это XVIII век, Екатерина, Потемкин... Смешной и одновременно очень страшный сценарий. Элем, понимая, что не имеет возможности снять, предлагал его Милошу Форману, нашему другу. Милош сказал: «Ребята, это вы вправе так критиковать свою страну, а я не могу это делать».

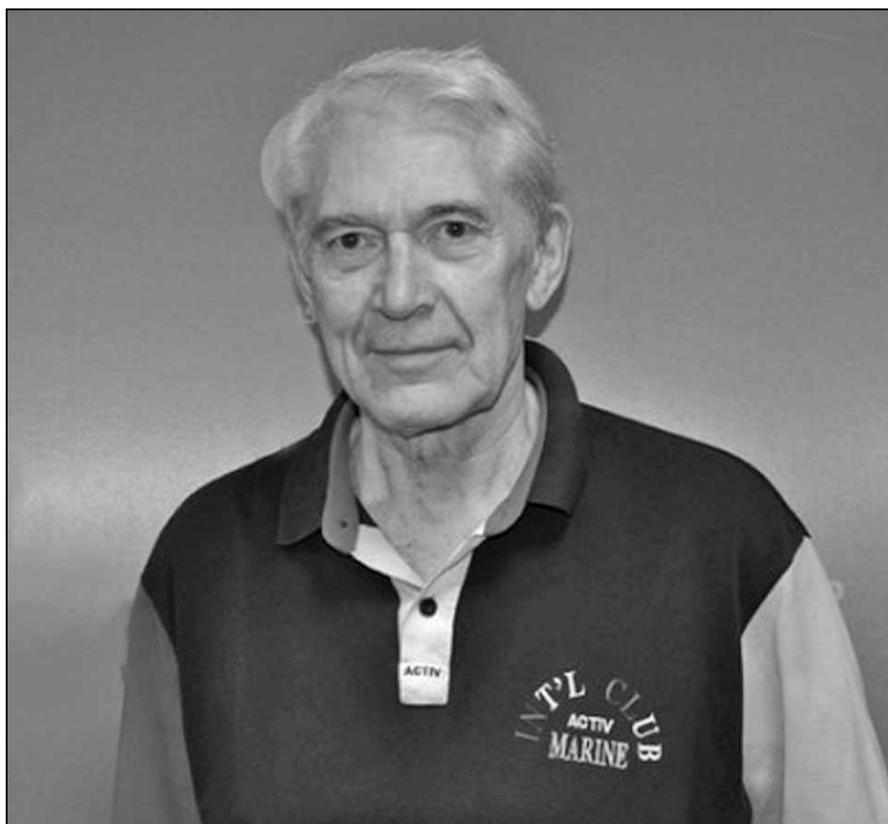
— Элем был человеком принципов или мог менять свои убеждения?

— Жизнь заставляет пересматривать даже самые крепкие твои убеждения. Но Элем был очень принципиальный человек. И Лариса тоже. Но в каких-то бытовых вещах она была склонна к компромиссам. Но не в творчестве! Тут они оба были максималисты и перфекционисты.

— У вас ведь был общий круг друзей?

— Да. Но этих людей нет уже. Остался только Леша Родионов, опе-

Слева:
**Элем
Климов
с сыном
Антоном**

**Герман
Климов**

ратор. Витя Петров, художник, умер недавно, Леша Петренко умер. Евстигнеева нет, Ии Савиной, Беллы Ахмадулиной. Вознесенского нет. Визбора нет. Это были ближайшие друзья. Знаете, мы жили по-другому — не как нынешние молодые. Нам было важно встречаться, чувствовать друг друга, разговаривать, делиться... Мы часто собирались в ресторане Союза кинематографистов. Там познакомились и подружился с Валерой Приемыховым, с Колей Бурляевым... Мы искали друг друга и в творческом смысле. Мы воспаменяли друг друга. А нынешние молодые существуют каждый сам по себе, в своих маленьких студиях. И это видно по экрану. Дар дружества стал выветриваться. И это грустно.

— Брат приходит к вам во сне?

— Безостановочно. Причем мы с ним всегда оказываемся в каких-то невероятных ситуациях. Пару раз снились такие длинные-длинные сны, и в них я вроде знаю, что Элема нет, но — вот же он! И так все реалистично, что просто веришь, что брат рядом. И с Ларисой тоже были сны. Мне иногда снятся целые потрясающие сценарии, какие-то стихи. А просыпаешься — и вспомнить не можешь. Вот что это такое? Не случайно Лев Толстой держал на прикроватном столике записную книжку. А Элем часто говорил, что человека разгадают тогда, когда разгадают его сны. Наверное, так оно и есть... □

Беседовала **Марина Бойкова**

СЕЗОН МОХИТО

Мы договорились встретиться сегодня в метро в шесть. Я опоздала на пару минут, но извиняться не пришлось — меня, как оказалось, никто и не ждал. Спустя десяток пропущенных поездов я уже не рассчитывала на то, что эта встреча вообще состоится. Бесконечность ожидания, мелькание толпы и шум поездов усиливали безнадежность затеянного мероприятия. Я даже перестала смотреть на часы, но уйти все равно не решалась, каждый раз ставя своему терпению новые рубежи — жду три поезда и уйду. Потом еще три. И еще...

— Простите, вы — Ольга?

Передо мной неожиданно материализовался высокий принц с огромной розой в руках. Мама-миа!!! Какие у него были глаза! Как вишни, о которых мечтала моя мама, повесив себе на шею участок в садовом товариществе.

— Да, — выпалила я неожиданно для себя самой, поскольку никакой Ольгой я не была и вряд ли когда буду.

— Тогда, добрый вечер! Это вам! — Он вручил мне розу. — В честь перехода из виртуальности в реальную жизнь. — И повел к выходу.

Я не очень-то поняла, что это значит, но под влиянием таких спелых вишен заранее была согласна на все — мне тысячу лет никто не дарил цветов, да и пора было отсюда сматываться, пока не приехала моя подруга Танька, которую я прождала здесь почти час, согревая задом мраморную колонну. Не дай бог, сейчас явится, и криками «Маню-ня-я!!!» с другого конца платформы испортит мне всю сказку. Танька, конечно, обидится, что я ушла. Ну, ничего, сама виновата — не будет опаздывать!

Вечер обещал быть романтическим. Я вдыхала аромат розы, украденной у какой-то несчастной Ольги. Чужой принц, чье имя мне еще предстояло выяснить, любезно спросил, как я смотрю на то, чтобы заглянуть в «Шоколадницу» и открыть сезон мохито. Мне, как вы понимаете, было все равно. Заполучив хоть на один вечер такие глаза, я была согласна открывать даже гей-парад и в тот момент боялась только одного — что принц исчезнет так же внезапно, как и появился. Со своей розой и вишнями.

Я скромно заказала кофе и чизкейк, которого не могла себе раньше позволить из-за небольшого заработка, и, улыбнувшись принцу, удалилась в туалет под предлогом мытья рук — мой телефон уже несколько минут нервно вибрировал в сумке: вероятно, Танька наконец-то приехала и теперь требовала от меня объяснений. Закрывшись в дальней кабинке, я смогла ответить на ее звонок.

— Маню-ня-я!!! — кричала Танька сквозь шум поездов. — Ты где? Я тебя не вижу!

Танька вечно опаздывала, но не допускала мысли, что я могу уйти.

— У меня свидание, — не без гордости ответила я подруге.

— Какое свидание?! — опешила от такого неожиданного поворота Танька. — Мы ж с тобой договорились!

— Приходить надо вовремя...

Тут связь оборвалась, и я вернулась к столику. Официант принес кофе и зажег свечу. Я была на седьмом небе от счастья. Разговор о погоде плавно перетек в разговоры о работе. Тут в моей сумке снова ожил телефон. Пришлось мне опять идти в туалет.

— Как его зовут? — Танька вышла из метро на улицу и хотела знать все подробности сейчас же.

— Не знаю, — честно призналась я.

— Как? — Таньке показалось, что она ослышалась.

— Не знаю, — повторила я.

— В смысле? — продолжила удивляться Танька.

— Он меня с кем-то спутал. Подошел в метро, спросил, Ольга я или нет, — быстро зашептала я, прикрыв рукой телефон.

— Ну, — Танька не собиралась прекращать допроса, не выяснив всех деталей.

— Что, «ну»? Я сказала, что Ольга...

И тут до подруги наконец-то дошло:

— Мань, ты что, с дуба рухнула?! Как ты теперь будешь выкручиваться?

— Как-нибудь, — беспечно отмахнулась я и вернулась к своему принцу.

Кофе мой давно остыл, но мне, околдованной взглядом спелых вишен, его вкус казался божественным. Принц возобновил разговор о работе. Как

я поняла из его вопросов, я, то есть та самая Ольга, работала где-то бухгалтером. О своей работе он говорил многозначительными намеками, а я лишними вопросами боялась себя раньше времени разоблачить. Неожиданно он спросил о моих планах на отпуск. Я решила ограничить свои аппетиты видом белых ночей. Он подхватил мою идею с радостью и предложил поехать в Питер на его машине. Я практически сошла с ума от совпадения наших желаний, но его вишни как-то вдруг увяли. Оказалось, его машина на ремонте, и ему не хватает пятидесяти тысяч, чтобы осуществить нашу мечту.

— Разве это стоит того, чтобы отказываться от белых ночей? — заговорил во мне бухгалтер.

В моем представлении заначка в пятьдесят тысяч для бухгалтера — не деньги, поэтому, даже не подумав, где я их возьму при моей-то зарплате, я тут же предложила принцу свою финансовую помощь. Принц заявил, что как честный человек не может этого допустить, но после недолгих уговоров сдался, заметив, что слово женщины для него — закон, и что он обязательно вернет. Я опять извинилась и отлучилась в туалет, рискуя зарекомендовать свой желудочно-кишечный тракт не с лучшей стороны, и снова набрала Танькин номер.

— Тань, в долг дашь? — спросила я подругу без всяких вступлений.

Мы часто перехватывали друг у друга тысячу-две до зарплаты, поэтому, и не предполагая масштабы сегодняшнего бедствия, Танька обещала мне помочь. Но я знала, что много у нее нет, и судорожно прикидывала в уме: остаток зарплаты, отпускные, на Таньку можно рассчитывать в пределах пятерки... Черт, опять придется стрелять у родителей... Любая женщина меня в этом порыве поймет: когда тебе хорошо за тридцать и ты безнадежно одинока, в такой ситуации и море по колено.

Принц галантно проводил меня до метро, и мы договорились встретиться завтра вечером в этом же кафе. Я летела в свою Капотню, боясь спугнуть птицу счастья. Закрыв глаза, вспоминала принца, вишни, свечи и чизкейк. Наверное, у меня был идиотский вид, потому что всякий раз, когда я ловила свое отражение в окне поезда, на моем лице была улыбка клоуна.

Полночи мы проговорили с Танькой по телефону. Она, как близкая подруга предъявила права на все подробности моего сегодняшнего randevu.

— Ты что, так ему и не сказала, что ты не Ольга? — удивлялась Танька, не предполагая во мне столь авантюрной глубины.

— А ты думаешь, было б лучше, если бы я ему сразу призналась, что живу в «малогобаритке» с родителями и вообще, работаю не бухгалтером, а лаборантом в поликлинике и за двадцать тысяч рэ в месяц ковыряюсь в чужих фекалиях?! Да он бы тут же от меня сбежал! Нет уж, пусть заглочет по-

глубже, а там посмотрим, — трещала я в свое оправдание. — Такие, Танька, принцы попадаются раз в жизни, особенно в нашем возрасте!

На следующий день, собрав по крохам пятьдесят тысяч, я поехала на свидание. Принц уже был на месте. Правда, в этот раз без розы. Он нежно чмокнул меня в щеку, и я сразу растаяла, забыв обидеться на отсутствие цветов. Я сразу же протянула ему конверт с деньгами, помня, что отдавать деньги поздно вечером — плохая примета. Мы договорились заказать мохито, до которого вчера дело так и не дошло. Я, по своей медицинской привычке, пошла перед едой мыть руки, а когда вернулась, обнаружила наш столик пустым. Мой принц исчез. Разумеется, с конвертом... И тут только до меня дошло, что я не знаю ни номера его телефона, ни где он работает, ни даже как его зовут. Сказка кончилась. Выходит, что я вчера, сама того не предполагая, спасла какую-то Ольгу, украв у нее в метро розу и принца с глазами, как спелые вишни. Нет, все-таки, когда тебе хорошо за тридцать, и ты безнадежно одинока, пора уметь вовремя включать голову. Я села на лавочку, позвонила Таньке и разревелась.

Танька примчалась с несвойственной ей скоростью.

— Я задницей чувствовала, что эти «вишни» выйдут тебе боком! — заголосила она чуть ли не от метро, и на нас стали оборачиваться. — И где только была твоя голова?!

— Сама виновата! — утирала я распухший нос.

— Здрасьте-приехали! Я-то тут при чем?!

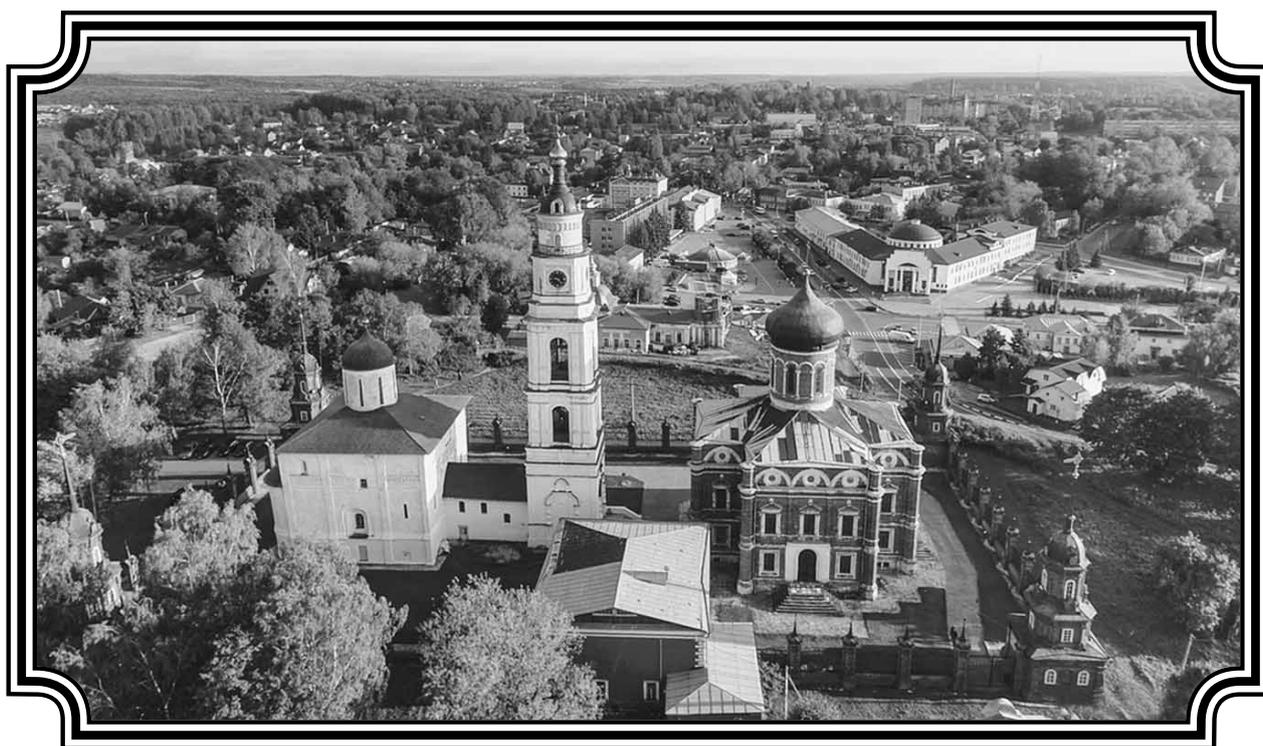
— Не надо было опаздывать! Пришла бы вовремя, и ничего бы не случилось. Господи! Какие же мы все-таки бабы дуры!!!

— Да, Манюнь, — согласилась Танька. — Только не потому, что дуры, а потому что — бабы! □

Дмитрий Зелов

ВОЛОКОЛАМСК

Самый древний город
Подмосковья

На пути из варяг в греки

К западу от столицы, всего в ста километрах от Москвы, есть уютный провинциальный городок. Он совсем не велик, даже в наши дни его население составляет чуть меньше 20 ты-

сяч жителей. Зато он на целую дюжину лет старше Москвы и к тому же древнейший город Московской области, чем по праву может гордиться. Это — Волоколамск.

Уже в самом названии городка, основанного, по преданию, самим ве-

ликим князем Ярославом Мудрым на исходе своей жизни — в 1054 году (то бишь значительно раньше официально принятой даты основания города — 1135 год), чувствуется поступь времени. Много веков назад именно в этих местах древнерусские купцы и воины переволакивали старинные челны по суше (при помощи деревянных бревен-катков) из реки Ламы, притока Шоши, впадающей в Волгу в ее верховьях, в реку Волошню, приток Рузы, которая впадала уже в Москва-реку. Так на месте древнего волока, что был на знаменитом пути из варяг в греки, и возник город, получивший первоначально имя Волок Ламский. Вдохновленный этой историей, замечательный

Для современного уха загадочно и само название реки, давшей имя городу. Нет, конечно, никакой связи с животным из перуанских Анд или буддийским монахом-отшельником здесь не прослеживается. Река, как и многие другие гидронимы, несет в себе память о тех далеких временах, когда на этих местах еще до прихода сюда славян жили балты. Вот на их-то, ныне в большинстве своем не существующих языках, слово *lama* и обозначало «узкую длинную речную долину», а также протекающую по ней реку.

Сквозь века

Вскоре после своего основания чрезвычайно выгодно расположен-

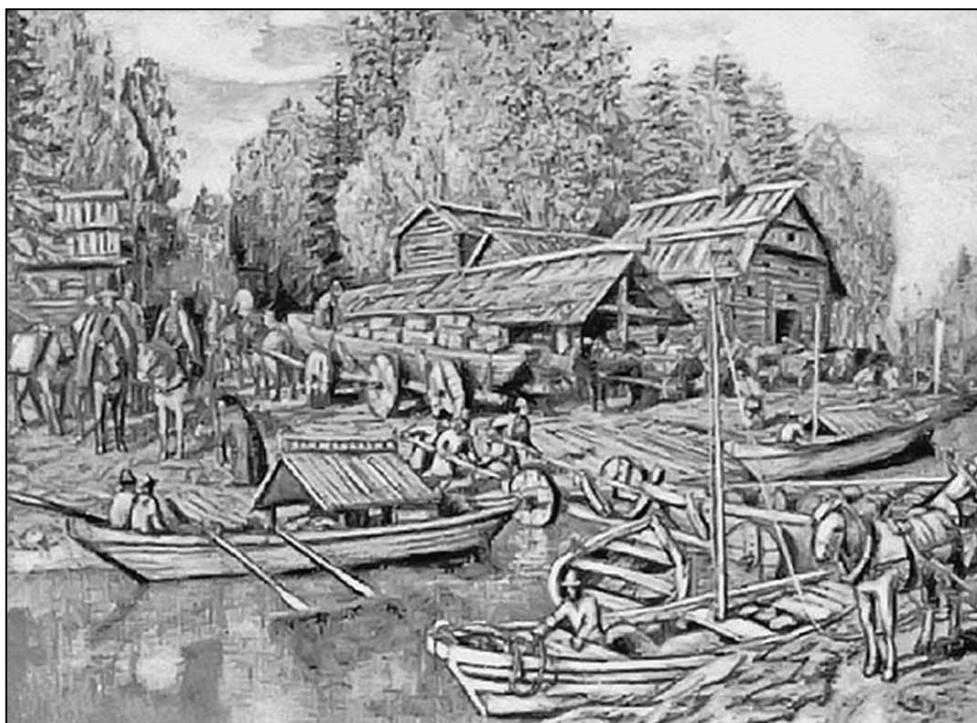

художник, а также знаток живописей старой Москвы Аполлинарий Васнецов создал величественное полотно, посвященное тем далеким временам. Кстати, в привычное нам сегодня название Волоколамск имя города трансформировалось довольно поздно, лишь на исходе средневековья, к восемнадцатому столетию.

ный на средокрестии торговых путей Волок Ламский стал предметом невероятно долгоиграющего, многовекового спора между новгородцами и владимирцами. Кстати, Москва в те годы была маленькой пограничной крепостью на окраине Владимиро-Суздальского княжества и пока не играла сколь-нибудь значимой роли в большой политике. Полтора века

спустя, на исходе XIII столетия, когда будущая столица Русского государства начала медленно, но верно собирать вокруг себя разоренные после монголо-татарского нашествия хана Батыея, а еще больше собственным внутренним междуусобием русские земли-княжества, Волоколамск находился в «смешанном владении» Москвы и Господина Великого Новгорода. Конечно, такое удивительное

и был даже центром удельного Волоцкого княжества (1456–1513). И хотя особой полнотой самостоятельности это маленькое княжество не обладало, держась в фарватере все более усиливавшейся Москвы, но зато именно на этот период приходится средневековый расцвет Волоколамска. Центр города активно застраивался, при кремле появлялись слободы кузнецов, пушкарей, кожевников и многих

*А.М. Васнецов.
«Волок
Ламский»*

Слева:
*Волоколамск.
Старинная
открытка*

и крайне редко встречающееся в истории явление не могло продолжаться долго: уже в 1322 году ставленник князя Ивана Калиты боярин Родин Несторович сумел изгнать новгородцев из Волока Ламского, присоединив к Московскому княжеству бывшую «новгородскую» часть города.

В истории города были периоды, когда он входил и в состав Великого княжества Литовского (1398–1410),

других ремесленников. Город активно украшался златоглавыми церквями, а защищало его аж целых пять монастырей. Что просто удивительно, если вспомнить, что, по современным меркам, средневековый Волок на Ламе был просто-таки крошечным.

С той поры, несмотря на все последующие многочисленные кульбиты и зигзаги истории, которые довелось пережить городу и его жите-

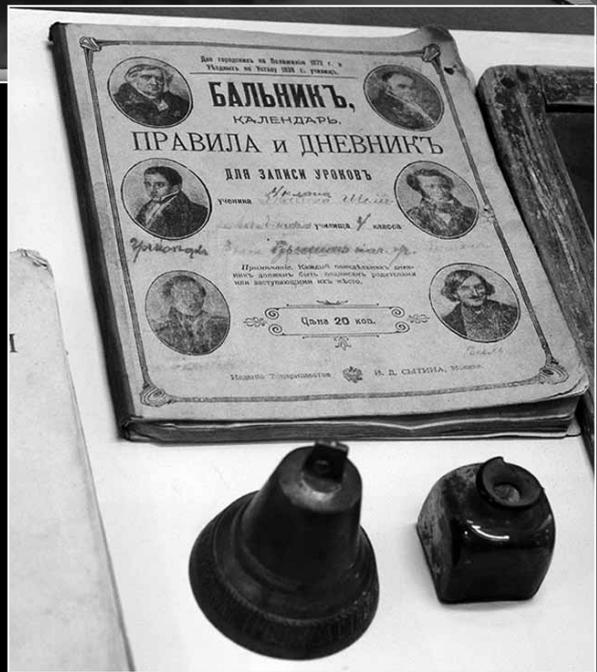
лям, до нас дошел белоснежный каменный Воскресенский собор (1480), разместившийся в самом сердце Волоколамского кремля. В середине позапрошлого столетия рядом с ним выстроили Никольский собор, посвященный памяти погибших русских воинов, защищавших Отчизну в годы Крымской войны. И хотя архитектурно-художественные вкусы в ту эпоху были уже совсем другими, не-

здание присутственных мест, в котором размещалось тогда городское управление. А примечательно оно тем, что было возведено по проекту знаменитого зодчего Осипа Бове, восстанавливавшего после наполеоновского нашествия (от разорения которого немало претерпели в начале позапрошлого столетия и волоколамцы) пострадавшую от пожара российскую столицу.

жели на исходе XV столетия, но (удивительное дело!) зодчим удалось гармонично разместить по соседству два храма. А четверть века спустя умудриться втиснуть между двумя соборами и колокольню, с высоты которой весь город с его малоэтажной застройкой был виден как на ладони. На территории волоколамского городища находится и выстроенное ровно два века назад

Как и положено древнему кремлю, кремль а Волоколамске расположен на высоком, доминирующем над городом холме. Вот только холм этот в значительной мере... насыпной, то есть искусственный. Разумно опасаясь нападения многочисленных непрошенных гостей, древние жители окружили сердце своего города древо-земляным валом шести-метровой (!) высоты. Как такое могло

*Экспозиция Историко-краеведческого
музея Волоколамского кремля*

произойти в те стародавние времена, а главное, сохраниться практически без изменений в ландшафте до наших дней — это тайна, покрытая мраком времени, и одна из загадок Волоколамска.

Вероятно, именно название города натолкнуло знаменитый писательский тандем Ильи Ильфа и Евгения Петрова на создание цикла новелл «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска». Однако в них содержался столь острый и яркий гротеск на тогдашнюю советскую действительность, что по цензурным соображениям работа талантливых советских авторов так и осталось незавершенной. А повторно была опубликована лишь во времена оттепели, в 60-х годах прошлого века.

Музейное наследие

В Волоколамском кремле замечательный Историко-краеведческий музей с тремя филиалами: в Дубосеково, на месте сражения легендарных 28 панфиловцев, в усадьбе Ярополец, помнящей блистательного поэта Александра Пушкина и его красавицу-жену Наталью Гончарову, а также в Осташево, усадебный комплекс которого, с его таинственно-загадочными псевдогоthicескими башенками, оставил яркий след в истории русской культуры XVIII — начала XX веков.

Непосредственно в самом Волоколамске музей расположился в здании бывшего Никольского собора. Среди экспонатов есть много занятных вещиц. Тут и бивень «хоботистого чудища» мамонта, который, судя

по прикрепленным к нему железным пластинам, использовался в обиходе, и детали крестьянского быта, среди которых выделяется сделанная безвестным местным «Кулибиным» незатейливая, но вполне себе даже очень функциональная деревянная соковыжималка, и невеста как дошедший до наших дней и выставленный в витрине эрзац-валенки, который во время лютой зимы 1941 года надевали на обувь фашистские захватчики во время двухмесячной оккупации города, и целый ряд других.

Уютные улочки города не раз становились фоном для вездесущих киношников, исколесивших в поисках подходящей по сюжету природы не одну сотню километров. Кстати, многие кадры своего дебютного фильма «Из Лебяжьего сообщают» (1960 г.) знаменитый впоследствии советский мэтр кино Василий Шукшин снимал именно здесь, в Волоколамске. А если быть более конкретным, то в здании на улице Соборной, д.6/1, которое занимает сейчас городская библиотека.

...На протяжении истории многочисленные враги неоднократно сжигали и разоряли город на Ламе буквально дотла. Но всякий раз, подобно сказочной птице Феникс, он оживал и расцветал вновь. Уже в наше время, в 2010 году, Волоколамску по праву было присвоено почетное звание «Город воинской славы». А шесть лет назад Банком России была выпущена памятная 10-рублевая монета с изображением города.

Хочется надеяться и верить, что Волоколамск ждет светлое будущее. И в этом нет никакой иронии. Ибо именно в таких камерно-уютных городах, с сохранившейся компактной одно-двухэтажной застройкой городских кварталов, с их неизменными цветками герани на подслеповатых от времени старых деревянных окнах, на подоконниках которых дремлют свернувшиеся в клубок кошки, так приятно оказаться в погожий выходной денек после бешеного ритма огромных мегаполисов с их вечной сутолокой и погоней за призрачным счастьем... □

Изделие оказалось на удивление легким. Марк без посторонней помощи доволком контейнер до грузового люка, поставил на подъемник и махнул водителю: поднимай, мол. И рывком запрыгнул в кузов.

Снаружи фургон выглядел заслуженным ветераном, даже слоган «Еда всегда рядом, только позвони» чуть выцвел от солнца. На бампер нацепили какую-то побрякушку из тех, что вешают суеверные шоферюги, а поперек заднего крыла красовалась надпись по грязи: «Помой меня!»

И хорошо, наверное, что ширма прячет внутренности фургона от любопытных взглядов. Иначе контраст стерильной, набитой странной «машинерией» испытательной камеры с обшарпанными боками грузовичка вызовет массу неудобных вопросов.

Богдан обернулся на шорох, устало махнул Марку:

— Разрешение получено?

— Да. Едем в парк Славы.

— Ох, ты... — Богдан от удивления даже присвистнул. — А мощности хватит?

Олеська с утра встала не с той ноги. Сама она называла такое состояние «наступила на ежа», но мне временами казалось, что она его не только раздавила, но освежевала, проглотила и сейчас примеривается, что бы еще сгрызть. Мою шею, например...

— Почему вчера брюки в стиралку не закинул? Да еще оставил на полу! А если Мышка найдет и устроит там гнездо?

Спору нет, малая любит ковырять все вещи, до которых способна дотянуться, но я вчера пришел едва не за полночь и раздевался уже в полусне, на автомате. Хорошо, что не развесил одежду на люстре, или еще в каком-нибудь немыслимом месте. А Мышка уже благостно спала в манеже, ей до моих джинсов — никакого интереса.

— Сегодня никому даже не звони!

— Но мы с парнями...

— Переживут твои друганы одно воскресенье без тебя. Мышка в четырех стенах сидит целыми днями, поедем развеяться.

Понимай так: пока ты болтаешься неизвестно где, я тут с ребенком пропадаю. Хочу праздника и развлечений — и вообще: мужик ты или так, чучело в штанах?

Что тут скажешь? Ворчит-не ворчит, а своя, родная. Люблю ее, а для Мышки так и вовсе готов в лепешку расшибиться. Когда Олеся ушла в декрет, пришлось взять на себя больше работы. А как же — кредит за квартиру с нас никто не снимал. Госпомощь по второму ребенку нам бы не помешала, но после тяжелейших первых родов, когда Мышка появилась вопреки всем прогнозам врачей, я боялся даже заговаривать об этом.

— Хорошо, твой верный оруженосец готов к путешествиям, благородная леди. Куда хочешь поехать?

— Я еще не придумала.

Ну да — ты мужик, ты решай. А я еще подумаю: соглашаться или покапризничать...

— Помнишь, вчера реклама была по Прайм-ТВ? Парк Славы открыли после реконструкции. Цветные фонтаны обещают, аттракционы и бесплатное мороженое.

— Да какая там реконструкция! Сначала одни идиоты три месяца жгут покрышки и гадят вокруг своего лагеря, а еще один потом под расчистку выписывает половину городского бюджета!

Ого! Не знал, что моя жена интересуется политикой. Обычно, когда я включаю новости, она морщится, словно от зубной боли, и уходит в другую комнату. Особенно, когда слышит красивые байки про нашего мэра. До декрета Олесья работа в городской администрации, так что на фамилию Головня у нее некоторая идиосинкразия.

— ...а Мышке сейчас в самый раз мороженое! С ее-то горлом.

Ага, поуготоваривай меня, а я поломаюсь.

— Поехали, Лисичка. За город сейчас не резон выбираться — сама знаешь, что творится в пригородах. А в парке — чисто, спокойно, кругом

охрана в три кольца. Мэр же обещал, что больше никаких революций не допустит...

— ...у тебя есть другие варианты? Иди на прием к Головне, он выслушает. Ему сейчас кровь из носа надо, чтобы никаких больше протестов. А то с площади Независимости по шапке настучат.

— Слушай, все это вообще не наше дело, — устало отмахнулся Богдан. — Экспериментальный аппарат, действие основного излучателя нестабильно, мы не сможем гарантировать даже самоподдерживающийся эффект. Надо еще как минимум полгода испытаний.

— А мы чем занимаемся, дорогой мой? — Марк азартно настраивал верньеры, но графики активности плясали, то и дело уходя от нормали, так что приходилось все начинать с начала. — Следующий этап вслед за испытательным стендом — эксперимент в полевых условиях. Мы же не атомную бомбу сделали, в конце концов. Невада и Семипалатинск нам не нужны, можно хоть на собственной кухне проверять.

— Но что с калибровкой? Мы ведь не знаем, сколько там будет людей, их эмоциональный рисунок, общий настрой, возбудимость и внушаемость каждого... Все наспех, все в последние минуты.

Марк загнал все-таки график в нужный коридор и удовлетворенно откинулся на неудобном алюминиевом стульчике. Эйфория от хорошо сделанной работы, мандраж перед испытательным пуском, интерес к проекту, который в последние месяцы шел с самого верха... Год назад лаборатория сидела на голодном пайке, а после «революции недовольных» он вообще думал уйти в патрульные или даже на подпольные айти-фермы. Там хоть денег платили.

— Потому и наспех, Багдад, — большие дяди дают нам деньги, но хотят результат немедленно. Думаешь, просто так вчера полдня по всем каналам верещали про открытие парка? Рабочее поле для нас готово, начинаем. Или ты снова хочешь лабораторных мышей по клеткам распихивать?

Моисей, наверняка, не потратил столько усилий, чтобы убедить евреев двинуть через безводную пустыню, сколько я уговаривал Олеску на променады в парк. Мышка успела немного поспать, повопить, добраться до мамкиной груди и теперь приветливо гугукала, удовлетворенная, что видит нас обоих. Чтобы не испугать малышку, мы старались не повышать голос, но попробуйте уговорить женщину шепотом! Впрочем, дочка мне как раз и помогла, после кормления Олеся немного оттаяла, да и коляску я обещал везти сам. Для усиления эффекта я вспомнил студенческое прозвище жены, когда она покрасила хной кончики волос. Лисичка моя.

И куда ей деваться, скажите на милость, если атака ведется по всем правилам?

До парка Славы от нашего дома всего пару кварталов, но после всех перекрытий центра пришлось топтать в обход. Дорого встали городу горящие покрышки «народного гнева», на покраску закопченных стен, ремонт магазинов и замену остановок уйдет не один годовой бюджет. Пока же черные фасады стыдливо прятались за фальшивыми ширмами веселенького розового цвета. Нарисованные окна слепо и ненатурально пялились с брезентовой ткани, и казалось, что вместо дома стоит покрашенный в морге мертвец.

Тьфу, что за глупости лезут в голову выходным утром! Если не соврал прогноз, то денек обещал много солнца. Коляска весело пощелкивала погремушками на спицах, Мышка пускала пузыри — и даже Олеся вроде забыла о том, что должна быть всем недовольна. То и дело теребила меня с очередным вопросом, напевала что-то под нос и даже иногда пританцовывала, будто школьница на выпускном вечере. Красивая у меня жена, ребята.

— Слушай, а ведь, правда, здорово!

По сравнению с той загаженной помойкой, в которую превратили дорожки и газоны протестанты, парк Славы и в самом деле выглядел нарядным. С перебором, не без того, как ученик на уроке независимости: отмытый до блеска, причесанный, прилизанный, едва только не покрашенный маминой помадой. Не человек, образ, витрина семейной гордости и негласного соревнования с другими родителями.

Дерн положили новый, и под осень он даже переигрывал с изумрудной зеленью травы. А на клумбах плескалось целое море цветов самых разных оттенков, так что вазы вдоль аллей больше напоминали палитру сумасшедшего художника, решившего разом смешать все краски.

Народ, конечно, подтянулся после вчерашнего репортажа. Не одни мы решились выбраться из безопасного квартирному заключению — в парке было на удивление многолюдно. Вездесущие велосипедисты и роллеры выписывали традиционные кренделя, скейты грохотали по бордюрам, жертвуя подшипниками ради красивого трюка. На лавочках щурились пенсионеры. Заметив очередного мускулистого бегуна, что рассекал обнаженным торсом плотный воздух, Олесья ехидно напомнила:

— Ты вроде хотел в зал записаться? Ну и когда?

Ох уж, эти кубики на прессе! Женские журналы, наконец, убедили читательниц в бодипозитиве и переключились на сильную половину. Как сделать из вашего спутника настоящего ламберсексуала и мачо — перегар, табак, щетина? Нет, теперь только барбершоп, фитнес, веганская еда и мужская косметика.

На внешнем мониторе показалась ажурная арка — символ городского парка, но фургон не остановился у главного входа, свернул в боковой проулок и покатился вдоль недавно покрашенной ограды.

Окошко в перегородке открылось, охранник рядом с водителем коротко бросил в салон:

— Машина на месте.

— Есть «добро» на запуск? — спросил Богдан.

— Пока нет. Ждем докладов наблюдателей.

Марк покосился в сторону напарника, пожал плечами и включил звук общего канала.

— ... Я «четвертый», занял позицию на парковке...

— ... Внимание, «седьмой»! Смените дислокацию!

— ... «Седьмой» принял.

— ... Я «второй», двигаюсь вдоль центральной аллеи...

Последний голос прозвучал немного сдавленно, запыхавшись. Похоже, агенту пришлось изображать бегуна. Ну да, с их могучими фигурами и подготовкой мало кто поверит, что эти здоровяки зашли в парк поесть бесплатного мороженого и полюбоваться на фонтаны.

— Внимание, общий! Всем приготовиться! Получен сигнал «осенняя гроза». Повторяю: получен сигнал «осенняя гроза».

Богдан сжался, будто в ожидании удара. Затравленно посмотрел на Марка и несмело улыбнулся. В окошке снова показался охранник.

— «Добро» получено. Начинаем.

Мороженое и в самом деле раздавали бесплатно. Обычный пломбир в цветастых стаканчиках и фруктовый лед в прозрачной упаковке. Самое эротичное изделие, на мой взгляд — нельзя спокойно смотреть, как его облизывает девушка. Особенно если она твоя жена, а вчера ты так умотался на работе, что не было сил даже обнять ее.

— Прекрати так смотреть, а то я покраснею! — щелкнула меня по носу Олеська.

Ну, конечно, а для чего же тогда я принес ей именно апельсиновый айспоп?

Мышка тянула ручки к моему пломбиру, я дал ей лизнуть разочек, и она, разумеется, вся перемазалась. Белые капли на носу смотрелись особенно смешно, но Олесе почему-то не понравилось.

— Ну, и что ты устроил, на кого она теперь похожа! Тебя, конечно, не волнует, что я ее полчаса готовила к прогулке!

Нет, она точно ежа проглотила. Мышка всегда испачкается, сколько ее не умой, и что теперь: совсем ребенка не кормить? Сейчас еще и про диатез вспомнит.

— Хочешь, чтобы у нее опять диатез вылез? Кто его знает, что они кладут в это мороженое!

Сказать по правде, я начал закипать. Понимаю, у женщин бывают такие дни, когда абсолютно все раздражает, надо относиться к этому спокойно. Но сегодня, по-моему, уже перебор. Семейный психолог, помню, советовал сдерживаться и терпеть.

Я и так терпел все утро.

— Слушай, жена, а когда будет такой день, что я не окажусь виноватым? Ты просила развеяться, мы пошли. Ты просила развлечений — вот они. Дай уж и Мышке оторваться, она тоже человек, а не выставка твоих достижений!

Сказал — и понял, что постыдно сорвался. Глаза Олеськи стали вдруг большими и влажными: вот-вот заплачет. Она склонилась над Мышкой и принялась стирать платком липкую сладость. Доча радостно гугукала, но мне почему-то явственно слышалось, как всхлипывает старшая из моих женщин.

Какое-то время мы оба молчали, коляска катилась по дорожке, весело щелкая погремучками, а очищенная Мышка беспокойно ерзала на сиденье и тянулась ручками ко всему, что казалось ей интересным.

С фонтанами нам не повезло — когда мы подошли к гранитной балюстраде пруда, представление уже закончилось, и взбудораженные зрители потянулись к площадке аттракционов. Расписание на интерактивной тумбе обещало повтор инсталляции только через час.

— Долго ждать, — наигранно ровно сказала Олеся. — Покатили домой.

Надо было соглашаться, конечно. Но демон противоречия уже вцепился в меня крохотными коготками, да и зря, что ли, я все утро представлял Мышкины восторги, когда она увидит сказочное фонтанное шоу?

— Да ладно, час подождем, недолго ведь. Кто говорил, что ребенку надо на воздух? Смотри, как ей здесь нравится!

Мышка и вправду выглядела необычно оживленной. То и дело подпрыгивала, дергала за подвешенные к ручкам коляски кожаные хвостики «от сглаза», куда-то порывалась, словно ей не давало покоя шило в одном месте. Возбужденно болтала что-то на своем непонятном языке, только вот почти не смеялась. Потому, наверное, я и хотел дождаться фонтанов.

Марк слушал, как гудит за спиной генератор, выводя прибор на пик мощности. Разовый тестовый пуск прошел хорошо, интенсивность излучения на 20 процентов превысила расчетное. Теперь — согласно программе испытаний — пора было переходить к созданию постоянного подающего поля.

— Там же люди, Марк... — вдруг сдавленно произнес напарник.

— Да и мы не звери. Не понимаю, о чем ты?

— Люди пришли отдохнуть в парк, расслабиться, некоторые вон с детьми... — Богдан нервно дернул головой в сторону обзорных мониторов. — А мы их...

— Что «мы»? Не убиваем, не бросаем дымовые бомбы, не жжем покрышки под носом. Ты забыл, что это испытание нелетальных средств. Сам же писал в докладной: не-ле-таль-ных, — повторил по слогам Марк, будто учитель нерадивому ученику. — Время революций закончилось, и лучше, если государство сможет подавить очаг выступления в самом начале, иначе повторится все то, что было тут полгода назад. Ты этого хочешь?

— Нет, но...

— Никаких «но», дружище. Либо мы сдаем установку, либо следующий вал недовольных прокатится не рядом, а прямо по нам с тобой. По твоим близняшкам. По Марике и ее старенькой маме. Ты этого хочешь?

Богдан втянул голову в плечи и ничего не ответил.

— Вот и я думаю, что не хочешь. Мы ни в кого не стреляем, не жжем, даже не поливаем из брандспойтов на морозе и не распыляем слезоточивый газ. Только эмоциональный всплеск... и эффект толпы. Нам надо доказать, что излучение одинаково хорошо работает в полевой обстановке на неподготовленных людей. Как ты верно заметил: там — они. Простые люди, которых мы должны защитить. И давай без рефлексий, пожалуйста. Если думаешь, что мне это нравится, значит, ты очень плохо меня знаешь.

На первой выбранной скамейке ощутимо пекло, поэтому я перекатил коляску в тень и усадил туда же Олеську. Она более-менее успокоилась — по крайней мере, мы болтали уже двадцать минут и ухитрились ни разу не поругаться.

Но первым его заметила именно она.

Жена ткнула меня в бок, и я, замерев посреди какой-то очередной шутки, недоуменно покосился на нее. Олеся молча показала рукой вдоль аллеи.

Из глубины парка шел, да что там — практически бежал, едва касаясь палкой гравия, седой и сухонький старичок. При каждом шаге он едва не спотыкался, оглядывался испуганно и снова двигался вперед. Когда он промчался мимо нас, я заметил расстегнутый ворот с вырванными пуговицами, будто ему не хватало воздуха, и он со всех сил дернул тонкую застиранную ткань. Я хотел, было, помочь, даже привстал со скамейки, но Олеська удержала меня за рукав:

— Не надо, не вмешивайся.

Вот уж не знаю, во что можно вмешаться, когда видишь, как отчего-то бежит пожилой человек. Может, задремал на лавочке, и ночной кошмар снова догнал его во сне?

Парочка на противоположной скамье тоже о чем-то спорила. Потом мужчина встал и пошел прочь, не оглядываясь, а женщина плотнее укуталась в легкую прогулочную накидку. Приглядевшись, я понял, что ее бьет крупная дрожь.

Прошагал совсем юный паренек, лет пятнадцати, не больше. Он тоже ежился, словно от промозглого зимнего холода, и на ходу рассказывал кому-то в телефон, что замерз, как цуцик, и лучше посидит дома за «хорошей игрушкой», чем снова попрется на улицу стучать зубами.

Не знаю, с чего вдруг он собрался мерзнуть. Лично мне было жарко.

Я оглянулся на Олеську и только теперь с удивлением заметил, что она тоже дрожит. Но не как женщина напротив, а наоборот — мелко, едва заметно, но я-то свою жену знаю!

— Тебе холодно, Лисичка?

— Не знаю... Как-то странно себя чувствую.

— Держи! — Я стащил жилетку и накинул ее на плечи жены.

Но одежда не провисела и нескольких секунд. Вдруг громко, навзрыд, зашлась плачем Мышка, и Олеся бросилась к ней, забыв про все на свете.

Я подобрал упавшую джинсовку и с недоумением обнаружил, что у меня, оказывается, трясутся руки. Что еще за ерунда! Нет, отмечая пятницу в баре, мы, конечно, ржем про алкогольный тремор, но не всерьез же! Десяток «дринков» вряд ли сделает из простого офисного сидельца запойного пьяницу!

Две девчонки торопливо процокали каблучками по боковой дорожке. Одна вдруг покачнулась, нагнулась, сбросила туфли и дальше почти побежала босиком.

— Внимание, «второй»! Доложите обстановку.

— Фиксирую хаотичное, но уверенное движение к выходу из парка. Большая часть посетителей по-прежнему остаются на своих местах, но дети, молодые люди и старики уже потянулись к выходу.

— Здесь «четвертый». На стоянке замечено несколько конфликтов — люди пытаются выехать поскорее, задевают соседей. Один даже едва не снес шлагбаум: так торопился, что забыл оплатить парковку.

После первых же докладов Богдан словно застыл перед пультом. Побелевшие пальцы держались за верньеры точной настройки, но не шевелились.

— Внимание, фургон! Полную мощность разрешаю. Удивите нас, парни!

Марк ухватил напарника за ворот и столкнул со стула. Тот неловко сполз на пол и безучастно смотрел, как график резко полез вверх, за красную линию, а где-то за спиной зашелся в пиковой нагрузке генератор...

— Пойдем... пойдем, скорее... — Олеська уже не просила, не требовала, она просто шептала одни и те же слова, как молитву. Мы шли в общей толпе, впереди маячили чужие спины, по обочинам пробирались велосипедисты, и над всем этим людским морем висел неумолчный гул, как будто тысячи пчел разом собрались на медоносное пастбище.

Я не слышал их слов, точнее, не слушал специально, но время от времени обрывки разговоров настигали меня, как автонастройка старого лампового радиоприемника. Девушка, что почти бежала рядом, приговаривала без остановки: «холодно-холодно-холодно», но на ее лице блестели крупные капли пота. Невысокий дядька с лысиной бормотал какие-то проклятия и еще, что он больше сюда «никогда, ни одной ногой, да пусть они его хоть всем отделом уговаривают!»

А девчонка лет четырнадцати со смешными африканскими косичками, гордая и неприступная с виду, страшно гримасничала накрашенным лицом и приговаривала что-то вроде: «мамочка, мама, я не хочу, нет, мама...»

На повороте к центральной аллее Олеська вдруг потянула меня на траву.
— Сумочку... я забыла...

Она задыхалась, будто только что пробежала марафон. Слова давались ей с трудом, и я понимал далеко не каждое. Но уловил, в конце концов, что, когда мы уходили с облюбованной скамейки, Олеся забыла висящую на спинке сумочку с документами.

Пришлось выкатить коляску подальше от людского потока — Мышка ревела в три ручья, но мы на это махнули рукой. Лишь бы только какой-нибудь чайлдфри в ярости не перевернул коляску.

Я почти силой воткнул пластиковые ручки с висюльками в мокрые Олеськины ладони.

— Стой здесь. Никуда не двигайтесь и ждите меня, я быстро. Поняла?

Она подняла на меня глаза, и я только сейчас заметил, какие они большие. Черт, толку с нее немного, похоже, она просто обезумела от страха. Бедная моя девочка...

Пришлось встряхнуть ее за плечи:

— Поняла?!

Олеська промычала что-то нечленораздельное, но у меня уже не было времени разбираться. Я поставил их к дереву и рванул против людского потока.

То и дело меня задевали плечами, сталкивали в сторону колесами велосипедов, едва не опрокинули на спину, когда я попытался прорваться в образовавшийся просвет. В итоге я плюнул на запреты, перешагнул через заградительный бордюр и побежал по траве, сокращая путь. Даже если и попаду в объективы камер, пусть пришлют штраф — ничего, не разорюсь.

А еще я заклинал себя не оглядываться. Быстренько сбегаю и вернусь, вряд ли Олеся без меня успеет влипнуть в крупные неприятности. Главное — бежать. Не останавливаться. И тогда я все успею, абсолютно все...

Сумочка висела там, где мы ее забыли, а вот у дальней ножки нашей скамьи сидел, обхватив руками колени, паренек лет десяти и даже не плакал, а тихонько выл, как попавший в западню волчонок. Я сорвал ремешок, зацепился за кованую завитушку, дернул и сломал крепление — а он все так же выл и выл с абсолютно сухим лицом.

Я сделал из порванного ремня петлю, накинул на запястье и нагнулся над ним. Но он меня не видел. Похоже, он вообще ничего вокруг не видел, лишь продолжал монотонно голосить. На несколько мгновений я застыл, не зная, что с ним делать. Не тащить же пацана с собой!

— Ян! Янек! Вот ты где! Боже мой, я тебя обыскалась!

Миловидная, хотя и несколько растрепанная женщина за тридцать бежала к нам по тропинке между клумбами, но мальчишка даже не шелкнулся при звуках ее голоса. Не знаю, шевельнулись ли у меня волосы на затылке, но, пробираясь обратно через примятую уже траву к нашему дереву, я мельком подумал, что так, наверное, сходят с ума.

Я успел вовремя — Олеська уже порывалась куда-то катить коляску и дернула ее пару раз, намереваясь попасть в прорехи посреди людского моря. В первый раз ткнулась в чью-то ногу и отступила, а когда я оказался рядом, рванула снова.

Раздраженный помехой крепыш в зауженном пальто пнул ведущее колесо. Мышка заревела, жена от неожиданности выпустила ручки — и сбита с дороги передняя ось наехала на шершавый кирпич бордюра. Разумеется, она не выдержала и треснула.

Благодарение всем небесным силам — я уже был рядом. От рывка мог не выдержать поясной ремень, и тогда Мышка полетела бы точно под ноги пробирающейся к выходам толпы. Но я успел подхватить дочку на руки и устоять на ногах, несмотря на ощутимые толчки и крепкий ботинок, что едва не пнул меня в висок, когда я наклонился над коляской.

— Внимание, общий! Всем отходить! Повторяю: срочно всем отходить! «Седьмой», «четвертый», доложите обстановку.

- Здесь «седьмой». Охрана парка сбежала, турникеты в спешке оставили заблокированными. Тут начинается серьезная давка. Прошу помощи...
- Уходить, «седьмой»! Внимание, «четвертый»! Доложите обстановку!
- «Четвертый»!
- «Четвертый», на связь!

Марк безучастно сидел на жестком алюминиевом стуле, положив на колени расцарапанные ладони с сорванными ногтями, которыми он выцарапал из гнезда кнопку аварийной блокировки. На обзорных мониторах мелькали новостные блоки центральных каналов. Тревожные голоса ведущих перебивали друг друга.

— В хаотично возникшей давке пострадали несколько десятков человек, многие серьезно. На данный момент сообщается о десяти погибших. Еще семнадцать пострадавших до сих пор находятся в реанимации. Мэр Головня приехал на место трагедии и приказал развернуть кризисный штаб...

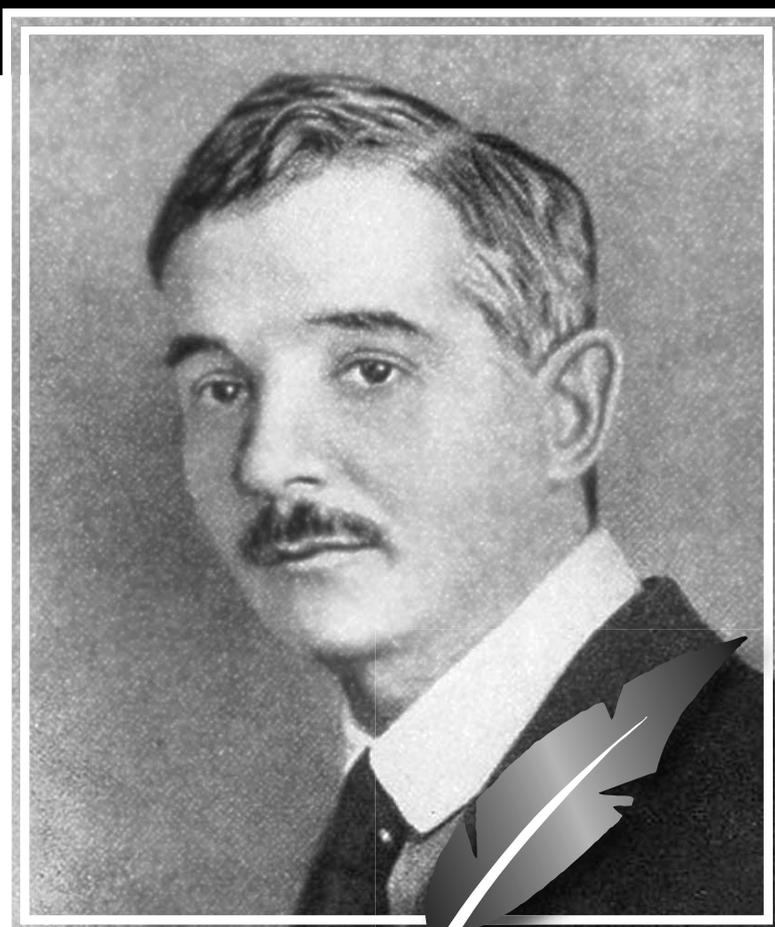
Камера показала красное лицо чиновника, несколько растерянных полицейских из оцепления, вереницу машин «Скорой помощи». Потом в кадре мелькнули сломанные зонтики, изорванная в клочья одежда, опрокинутая и растоптанная коляска. Вдруг объектив качнулся в сторону, показав на мгновение прикрытые простынями тела. Странно плоские тела и пятна крови на покрывалах, напоминающие пятна Роршаха из психологического теста. Потом объектив закрыла властная ладонь, и репортаж оборвался.

Богдан встал напротив друга и резко схватил его за грудки. Тот не сопротивлялся. Маленький и тщедушный инженер вдруг рывком сдернул с сиденья почти двухметрового Марка, притянул к себе и прошипел:

— Нелетальное, да? Ты вот этого хотел?! Скажи: этого?

Но напарник продолжал молчать, лишь едва заметно шевельнул губами. Богдан знал, что он хотел сказать. Цитата. Та самая цитата, которая не давала покоя и ему самому: «даже когда нет прямого поражающего действия, нелетальное, по сути, оружие может привести к бóльшим жертвам, чем традиционные боеприпасы». □

«Посильна беда со смехом»

Прожив чуть более полувека, этот писатель, поэт, журналист успел оставить по себе — на родине и в зарубежье — яркий немеркнувший след. Дети знают его как автора множества увлекательных «стишков и рассказиков», придумавшего столь любимого маленькими читателями фокстерьера Микки. Взрослые же ценят Сашу Черного не только за произведения, которые возвращают нас в лучезарную страну детства, но и за едкую, отточенную, словно бритва, сатиру.

«Саша Черный — один. И в этом заключается прелесть его оригинальной личности... Среди современных поэтов Саша Черный стоит совершенно особняком... Изумительно разнообразно творчество этого замечательного поэта... Узость, мелочность, скука и подлость обывательщины отражаются у Саши Черного чудесными, сжатыми, незабываемыми штрихами, роднящими его только с Чеховым... И так же, как Чехов, Саша Черный необычайно мил, прост, весел, трогателен и бесконечно увлекателен, когда он пишет для детей или о детях».

Так сказал об этом ярком, но полупозабывтом сегодня поэте-сатирике предреволюционной поры Александр Куприн. И прибавил: «Читатель с чутким ухом, прочитавши или услышавши любые его четыре строчки, непременно радостно воскликнет: «Ах, боже мой! Да ведь это Саша Черный!»

Сдержанный, молчаливый человек с печальными темными глазами и светлой детской улыбкой придавал мало значения литературному успеху, умел изящно-лаконично писать стихи и короткие рассказы, одинаково увлекательные и для детей, и для взрослых, везде и всегда оставаясь, прежде всего, тонким мечтательным лириком.

Можно наугад раскрыть любую его страницу и очароваться высоким мастерством и художественной правдой, теплотой красок и прелестью содержания. Все персонажи произведений С. Черного — абсолютно живые: и дети, и цветы, и забавные зверушки. И слон, и таракан, и даже крокодил. А как хороши у него вечерние песенки!.. Или «Несерьезные рассказы».

Помимо детей, с особой любовью он писал о солдатах. В рассказе «Диспут» лежащие в госпитале фронтовики делятся впечатлениями о гоголевском «Вие», причем автором подслушаны и безошибочно переданы солдатские интонации и солдатский язык, говорят ли герои о пустяках, либо о главном. В другом рассказе «Замиратель» лихой ефрейтор всерьез выкладывает товарищам проект поимки самого императора Вильгельма при помощи петли, спущенной с аэроплана.

Редчайший литературный дар искрящегося юмора оставался отличительным свойством творчества Саши Черного и в трудные годы эмиграции. Написанные им за границей вещи заставляют нас все так же беззаботно смеяться, не уступая в этом смысле блестящим юморескам позднего А. Аверченко, Тэффи, Дон-Аминадо. И только в отдельных рассказах, таких, как «Полная выкладка», сквозь пьяное приключение на читателя вдруг дохнет зловещая судьба. Дохнет и — пройдет мимо...

Александр Менделевич Гликберг, которого мир узнал под псевдонимом Саша Черный, родился 1 октября 1880 года в Одессе, на знаменитой Ришельевской улице. Детство будущего сатирика было безрадостным. Отец, агент фармацевтической компании, находился в постоянных разъездах. Мать, болезненная и истеричная женщина, пятерыми детьми практически не занималась. Зато жаловалась на них мужу, скорому на наказания. Так что его приездов дети боялись и отца не любили.

В 1887 году в России была введена позорная «процентная норма» (перекочевавшая, увы, и в СССР), по которой евреи не имели права составлять более десяти процентов учащихся гимназий и вузов. Фармацевт Гликберг нашел выход — крестил детей, и девяти лет от роду Саша поступил в казенную гимназию. Учеба, кроме алгебры, давалась ему легко, но атмосфера в гимназии была гнетущей, и в 15 лет он сбежал не только оттуда, но и из дома. Сестра отца перевезла племянника в Петербург и устроила в гимназию на полный пансион. Алгебру Саша не смог освоить и там и вскоре благополучно вылетел из гимназии. Материальной помощи ему родители не оказывали и фактически обрекли сына на нищенское существование. Одно время он даже попрошайничал на улице и с тех пор на всю жизнь сохранил в душе затаенную грусть, над которой в привычной манере сам же иронизировал в зрелые годы: «*Как*

молью, изъеден я сплином. \Посыпьте меня нафталином...»

Судьба улыбнулась бедному юноше в лице начинающего журналиста А. Яблонского, ставшего затем его ближайшим другом. Тот опубликовал о нем трогательную статью, и она попала на глаза житомирскому благотворителю К. Роше. Он забрал Александра Гликберга в Житомир и определил в гимназию. Но и ее будущему писателю не суждено было окончить из-за ссоры с директором. Мало того, после отчисления из гимназии он получил «волчий билет», лишивший его права на поступление в любые аналогичные учебные заведения.

На тот момент Александру уже исполнилось двадцать. И молодой бунтарь неожиданно решил заменить опостылевшую гимназию... службой в армии. Два года — вольноопределяющимся, еще год — на таможне в Новоселицах, у границы с Австро-Венгрией. Бесценный жизненный опыт, богатые впечатления. Они легли в основу первого литературного произведения писателя «Дневник резонера», напечатанного в 1904 году в газете «Волынский вестник». А вскоре Александр вошел в штат редакции как фельетонист. К сожалению, газета затем прекратила свое существование, и начинающий фельетонист отправился в северную столицу империи.

Русская литература знает немало символических псевдонимов: Максим Горький, Демьян Бедный, Ски-

талец, Эмиль Кроткий... Псевдоним «Саша Черный» родом из детства. Так маленького bruneta Сашу прозвала родня, чтобы отличить от другого Саши Гликберга, блондина.

Первое стихотворение, подписанное псевдонимом «Саша Черный», вышло в 1905 году и произвело на читающую публику эффект разорвавшейся бомбы. Под, казалось бы, неприязнительным названием «Чепуха» скрывалась хлесткая сатира на депутатов Государственной думы, министров и даже царя. После такого выступления журнал «Зритель» тут же закрыли, а новоиспеченный автор продолжал завоевывать широкую популярность в сатирических журналах «Молот», «Альманах», «Маски». По словам К. Чуковского, «получив свежий номер журнала, читатель,

прежде всего, искал в нем стихи Саши Черного».

В эти годы поэт уже почувствовал, что именовать себя в печати «Сашей» не вполне приличествует его возрасту, репутации и поредевшей шевелюре. Однако перемена уменьшительного литературного имени на «Александр» не звучала и потому не прижилась, хотя сам писатель, чуравшийся фамильярности и амикошества, очень переживал, что «каждый встречный-поперечный... окликал меня «Саша». Псевдоним-то этот, как он объяснял приятелю, был придуман им в «сумасшедшем 905-м году. В недолговечном журнальчике... я опубликовал стихотворение... Подпись «Саша» была под ним, как нельзя, кстати, а стихотворение имело громкий успех. Так и пошло».

«Пошло» все круче и круче, обращая парадоксальный, всепроникающий взгляд поэта от коридоров власти к обывательской толпе, к той псевдоинтеллигенции, что и по сей день мнит себя «солью земли».

*Где события нашей жизни,
Кроме насморка и блох?
Мы давно живем, как слизни,
В нищете случайных крох.
Спим и хнычем. В виде спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищем бога, ищем черта,
Потеряв самих себя.*

Не правда ли, весьма актуально? Особенно на фоне тонких поэтических издевок Черного над расхожими лирическими штампами и клише.

*«Весна, весна! — пою, как бард, —
Несите зимний хлам в ломбард»...
Деревья ждут... Гниет вода,
И пьяных больше, чем всегда!..
Весенний ветер за дверьми...
В кого б влюбиться, черт возьми?*

Не оставляет поэт без внимания и «проклятые» вопросы пола, которые, с легкой руки журнальных борзописцев и пристяжных беллетристов, вошли в моду предреволюционной порой начала девятисотых и будоражили воображение неискушенных читателей.

*«Проклятые» вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.
Пришла проблема пола,
Румяная фефела,
И ржет навеселе.*

Вообще-то, начиная с первого, 1906 года, сборника сатирических стихов Саши Черного, за недопустимую политическую направленность арестовывали не только тиражи его книг, но подбирались и к нему самому. Он избежал ареста, уехав в Германию, где посещал лекции в прославленном на весь мир Гейдельбергском университете. В Петербург вернулся в 1908-м, под крыло Аверченко, который три года систематически печатал произведения дерзкого молодого автора в своем журнале «Сатирикон», публиковавшем лучших юмористов того времени.

На дворе стоял уже Серебряный век, и талант Саши Черного расцвел тогда в полную силу. Он по праву занял свое место в ряду самобытных писателей этого уникального периода отечественной культуры. Литературная известность его росла. «Сатиры и лирика» (так назывался один из поэтических сборников С. Черного) активно издавались, стихи шли нарасхват в «Современнике», «Солнце России» и других ведущих журналах. Доходили они даже до «Одесских новостей»... Критика тоже не скупилась на похвалы.

Примечательно, что когда эгофутуриста Маяковского, гремевшего с эстрадных трибун и журнальных страниц, спросили, кого он сейчас читает, тот, криво усмехнувшись, ответил: «Сашу Черного». И способен был, по свидетельству очевидцев, подолгу на память декламировать его «сатиры». Стихи. С. Черно-

го знала наизусть вся читающая Россия. А сам Александр Менделевич и в зените славы оставался все таким же стеснительным и мечтательным.

Женился он еще в пору работы в Службе сборов Варшавской железной дороги в 1905 году. Избранницей поэта оказалась его начальница, Мария Васильева. Она была старше Александра на десять лет. Но столь существенная разница в возрасте не помешала им завести тесную дружбу, переросшую потом в прочный брак. Мария Ивановна стала для нервного, страдающего депрес-

После начала Первой мировой войны Александра Менделевича направили санитаром в петербургский военный госпиталь, затем — в полевой лазарет. Во время войны поэт стихов не писал, страдая от приступов тяжелой депрессии, зато успешно взялся за рассказы для детей. «Кавказский пленник», «Домик в саду», «Дневник Фокса Микки», «Детский остров» и другие его прозаические сборники открывают перед малышами целый мир, добрый и удивительный.

Одним из секретов волшебства Саши Черного как детского писате-

Н

а дворе стоял Серебряный век, и талант Саши Черного расцвел в полную силу. Литературная известность его росла, поэтические сборники шли нарасхват, критика тоже не скупилась на похвалы. Его стихи знала наизусть вся читающая Россия. А сам Александр Менделевич и в зените славы оставался все таким же стеснительным и мечтательным

сией мужа надежным тылом, окружила его любовью и заботой, избавила от бытовых проблем. В мире и согласии прожили они всю жизнь. Детей у них не было.

В 1912 году Саша Черный уехал с женой на Капри и свел там близкое знакомство с Максимом Горьким. Очевидно, не без горьковского влияния он попробовал тогда же писать прозу. И открыл в себе яркого самобытного прозаика.

ля было искусство перевоплощения. Он легко мог вообразить себя бабочкой, случайно залетевшей в комнату и теперь бьющейся о стекло окна. Или — белкой, высматривающей что-то в траве, пчелой, усевшейся на цветок...

Трогательная симпатия к маленьким читателям и в то же время редкое умение встать с ними на одну ногу и вести задушевный серьезный разговор — отличительные черты

прозы Черного. Дети у него по большей части герои рассказов, а не только читатели. Потрясающей искренностью, подчас даже душевной болью проникнуты также детские стихи и «Сатиры для детей». Вот, например, отрывок из стихотворения «Рай»:

*По лиловым дорожкам гуляют
газели
И апостол Фома с бородою
по грудь...
Ангелята к апостолу вдруг
подлетели:
«Что ты, дедушка, бродишь?
Расскажи что-нибудь!
Как шалил и играл ты, когда был
ребенком?
Расскажи... Мы тебе испечем
пирожок...»*

*Улыбнулся апостол: «Что ж сядем
в сторонке
Под тенистой смоковницей
в тесный кружок.
В поле я у ручья забирался под
мостик,
Рыбок горстью ловил, сразу штук
по семи».
Ангелята спросили: «За хвостик?»
«За хвостик».
Ангелята вздохнули: «Хорошо
быть детьми»...*

Своим детским стихам поэт придавал разную направленность. Скажем, «Галчата» — легки и воздушны. «Апельсин» — окрашен лиризмом с оттенком иронии. А «Гиена» выглядит шуточной миниатюрой,

но с выводом, который взывает уже к взрослому сознанию юных читателей.

...Шумного общества он чурался и в России, и в эмиграции. Изредка появлялся в Париже на традиционных новогодних писательских балах русских эмигрантов, молчаливый, безрадостный, словно явившийся по принуждению, в одном и том же бесцветном не отутюженном костюме, и сидел, не двигаясь, в каком-нибудь углу позади барной стойки, за которой суетилась его погрузневшая супруга, старавшаяся распродать побольше разной снеди...

С советской властью Саша Черный разошелся бесповоротно и в 1920 году эмигрировал. Жил в Литве, Берлине, Риме. А в 24-м обосновался в Париже и спустя несколько лет приобрел участок земли на юге Франции, где построил небольшой дом. Туда к нему приезжали погостить русские писатели, художники, музыканты. Незадолго до смерти, в апреле 1932 года, он был посвящен в масонство в русской парижской ложе «Свободная Россия».

Некоторое время после отъезда из советской России новые книги у него еще продолжали выходить и приносить ощутимый доход. Однако постепенно творчество этого оригинальнейшего прозаика и поэта все больше скудело.

Дело было не только и не столько в том, что его подавляла атмосфера огромного шумного города — он

как раз любил сутолоку Больших бульваров, прогулки по Булонскому лесу, нашел даже общий язык с французской детворой. Дело было в том, что Саша Черный потерял в эмиграции точку опоры, не находил своему литературному таланту достойного применения. Все его бывшее столь разнообразное творчество сводилось теперь к жалящим бытовым зарисовкам, обличающим пошлость, мещанство, обывательщину и косвенно проповедовавшим антиэстетизм. И все это, увы, было больше не к месту, утратило злободневность. Он превратился всего лишь в зоркого, но пассивного наблюдателя чужой жизни.

Чужбина обескровила его дарование, усталый поэт утратил способность быть ядовитым сатириком. Он переиздал, значительно переработав, две старых книги своих сатир и выпустил третий поэтический сборник — «Жажда» (то есть жажда вернуться на родину), со знаменательным циклом «Чужое солнце». В нем есть такие пронзительные строки, посвященные неизвестному другу:

*Мы с тобой два знатных
иностранца
В серых куртках, в стоптанных
туфлях,
Карусель кружится в ритме танца,
И девчонки ввысь летят
в ладьях...
Вдосталь хлеба, смеха и румянца,
Только мы — полынь в чужих
полях...*

«Полынь в чужих полях...» С таким глубоко пессимистическим мироощущением этот бескомпромиссный человек вел свое эмигрантское существование. И изжить подобное мироощущение не хотел. Ему казалось, что он и впрямь всюду и везде чужой, «как Брахмапутра» (его собственное выражение). Спасался он от тоски, обращаясь к детской лите-

следним пристанищем писателя стал домик в местечке Ла Фавьер департамента Вар, напоминавшем ему щедрым южным солнцем родную Одессу. Однако и здесь жизнь Александра Менделевича не очень-то сложилась, а позже и вообще трагически оборвалась.

5 августа 1932 года, возвращаясь с рыбалки, он услышал крики: «По-

0

Одним из секретов волшебства Саши Черного как детского писателя было искусство перевоплощения. Он легко мог вообразить себя бабочкой, бьющейся о стекло окна, белкой или пчелой, усевшейся на цветок... У него было редкое умение встать с маленькими читателями на одну ногу и вести с ними задушевный серьезный разговор

ратуре, такой честной и безыскусной. Радующей и детей, и взрослых. Книга «Детский остров» стала его последним бесспорным достижением за рубежом.

Под конец жизни Саша Черный окончательно перешел на прозу и выпустил «Солдатские сказки», написанные стилизованной окопной речью, которую тшедушный, узкоплечий автор, стойкий доброволец на Первой мировой, вынес из тех фронтовых лет.

Незадолго до смерти осуществилась его давняя заветная мечта — покинуть опостылевший город и осесть на собственном клочке земли. По-

жар! Пожар!» — и ринулся к своему загоревшемуся дому. Огонь вскоре потушили, но пережитое писателем волнение оказалось слишком сильным. Не приходя в сознание, он через несколько часов скончался от сердечного приступа.

Похоронили Сашу Черного на местном кладбище. Но и тут прах покойного преследовала неудача. Во время оккупации Франции гитлеровскими войсками немцы начали возводить в тех краях прибрежные укрепления и могилу писателя срыли.

Только сравнительно недавно бывшие друзья и почитатели его таланта водрузили мемориальную

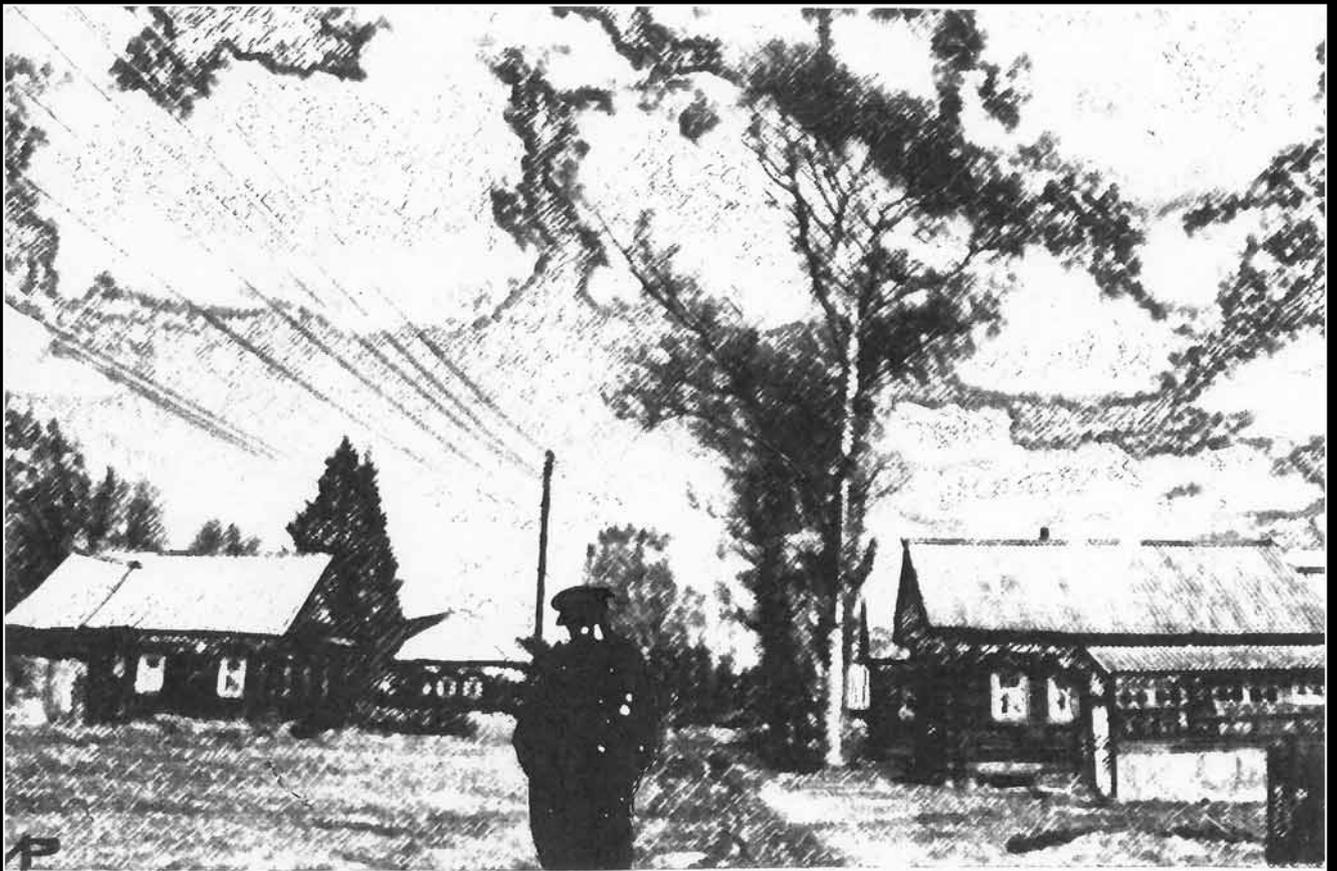

плиту на том месте, где он предположительно похоронен. Вдова поэта, Мария Ивановна, умерла в глубокой, бедной старости в 1961 году.

Память людская порой прихотлива и непредсказуема. Символическая плита, заменившая исчезнувшую могилу, да посмертные издания «Солдатских сказок» и «Белки-мореплательницы» — вот, вроде бы, и все, что напоминает во Франции о нашедшем там приют русском прозаике и поэте. Ан, нет, имя Саши Черного, как раньше, так и ныне всплывает на французском языке в литературных антологиях и

исследованиях, теле- и радиопередачах, детских спектаклях...

На родине, благодаря стараниям Корнея Чуковского, однотомники этого замечательного мастера увидели свет в начале 60-х годов в Большой и Малой сериях уникальной «Библиотеки поэта», где вот уже более восьми десятилетий издаются для широкого читателя классические произведения нашего литературного наследия. Пока это все. Еще ждут своего часа переиздания детских стихов и прозы Саши Черного, которые непременно будут востребованы подрастающими поколениями. □

КУРЬБУ УЛАХА

Пролог

МАРТ

«Как мрачно, тоскливо кругом», — мычал он вполголоса. А дальше-то? Забыл. У-у, у-у-у, у-у-у... «А прошлое кажется сном, томит...»

Туманным серым утром, лишь только первое дыхание печных труб смешалось с рябым рассветом, 55-летний председатель совхоза «Первомайский» Иван Никанорович Стрешнев включил в своем стылом кабинете сразу два спиральных обогревателя. Нагибаться грузному председателю мешал чудовищных размеров овчинный тулуп, в каких рыбаки-любители обычно отправляются на подледный лов.

Стрешнев рыбалкой не увлекался, но центральное отопление в правлении колхоза не работало, подвела котельная, а довоенные печки уж давным-давно разобрали. И посему весь малочисленный конторский люд сидел по кабинетам в шубах и пальто. Прожорливые калориферы стояли только в председательском кабинете да в комнатухе главбуха Осипа Никитича: умел считать копейку Иван Никанорович. Вот и согревались остальные, как могли. Кто чаем, кто притопами да прихлопами. За исключением самого верного, «народного» способа: Стрешнев напрочь запретил своим служащим употреблять водку на рабочем месте, да и не на рабочем — тоже. Иван Никанорович любил поздними вечерами обходить «дозором» жилища конторских работников, исподволь высматривал, не увлекаются ли они бытовым «распитием спиртного». И отучил-таки своих служащих

от укоренившейся традиции махнуть стопочку-другую перед горячим борщом.

— Пришел марток, надевай трое порток, — пробормотал Стрешнев, посмотрел на портрет президента, висевший на стене. — Холодно, Владимир Владимыч? Хо-о-лодно...

Он полез в стол за французским словарем (вот ведь сподобил Господь на склоне лет учить чужой язык!), в который раз увидел привычные глазу толстые пачки денег. Они валялись здесь вместе со скрепками, кнопками, авто-ручками... Потому как дензнаки эти ни на что не годились: рубли, трешки, пятерки и десятки были выпущены еще при советской власти и на каждой замусоленной купюре мелко обозначалась дата: «1961». Всего — восемь с лишним тысяч рублей. Огромные, по советским временам, деньги.

Эти сбережения, вырученные от многолетней продажи самогона, начатой после смерти мужа-кормильца еще чуть ли не при Хрущеве, до последнего дня жизни прятала старуха Федосьевна. Так и не обменяла их в при-снопамятном девяносто втором, не к ночи он будь помянут... Боялась, что привлекут. Федосьевна умерла полтора года назад, аккуратно на Воздвиже-нье, и соседи, торопливо растаскивая из ее дома все, что попадалось под руку, открутили в «красном» углу и киоты с иконами. А там, за образами, и были понапиханы эти завернутые в тряпицу «состояния». Как оно и по-ложено добропорядочным гражданам, сдали дензнаки властям — то бишь, ему, председателю Стрешневу.

Родни у бирючихи Федосьевны не было, и ее добротный, еще дореволю-ционный дом с богатым хозяйством Иван Никанорович отдал молодоже-нам — Сергею и Марине Волковым. Эти восторженные чужаки окончили педучилище аж в самой Москве, и в июле минувшего года прибыли в По-кровское, в центральную усадьбу совхоза «Первомайский», учить грамоте сельскую ребятню.

— Почему именно к нам, в эту, с позволения сказать, глухомань? — иро-нично спросил Иван Никанорович при первом знакомстве с молодоженами.

Юные романтики, перебивая друг друга, объяснили, что, как только узна-ли, что село полностью называется Покровское-Стрешнево, так тут же при-няли предложение комиссии по распределению выпускников.

— Понимаете, мы почувствовали, что это судьба, — с умилением гово-рила Марина Волкова. — В Москве есть район с точно таким же названи-ем — Покровское-Стрешнево. И представляете, почти все время учебы мы с Сережей снимали там комнату.

— А вы ведь тоже Стрешнев, Иван Никанорович? — дружески спросил его тогда Сергей Волков.

— Я, молодежь, отсюда родом, — отвечал потеплевший к чужакам пред-седатель. — А у нас тут полдеревни Стрешневых. Еще с царских времен.

Поначалу юные учителя, к которым совершенно не подходило солидное слово «супруги», очень даже приглянулись Ивану Никаноровичу. А до чего же красива Марина! Тяжелые каштановые волосы, глубокие синие глаза... И, главное, — веснушки! Нет, не много, как бывает у рыжих, а лишь чуть-чуть, самую малость, возле крохотного носика...

О, Боже, где моя молодость, где мои двадцать-тридцать лет? — тяжело вдохнув, подумал вдовый и бездетный Стрешнев, глядя на нее.

Особенно отчетливо толкнула в председательское сердце смертная тоска, когда он случайно увидел Сергея и Марину сидящими на заветном бревнышке по-над речкой. Сидят, соприкоснувшись головами, и смотрят, как играет на закате сытая рыба, как по сонной воде торкают мелкие круги. О чем говорят? Да ни о чем. Так просто сидят. Сидят и смотрят.

А ведь не положено на бревнышке этом просто так сидеть да на воду глядеть. Испокон веку повелось: коли привел парень девку сюда, на это бревнышко, так, стало быть, у них уже все слажено. А деревенские за версту на цыпочках обходили это бревнышко, если на нем кто-нибудь сидел. И молча, до времени, таила в себе деревня предвкушение праздника, чтоб ненароком не сглазить. Это уж потом, когда сваты степенно, не прячась, прошествуют вдоль деревни к невестиному дому, тогда только пойдут по деревне пересуды. Так уж здесь было принято со времен дедов и прадедов.

Недобро смотрела деревня подслеповатыми, неподвижными глазами старух на учителя и учительку, чужаков, вот так взявших и обсидевших заветное бревнышко. Ну, и чего сидят, ведь живут уже вместе! Молодежь посмеивалась, отмахивалась: ну сидят, ну и что? Вам, бабкам, только бы чужаков костерить... Но только перестали будущие женихи и невесты приходить сюда, как в старину. Кончилось заветное бревнышко. А вот Марина и Сергей про ту невольную свою вину перед деревней ни сном ни духом не ведали. Держали деревенские свою обиду про себя, и тем слаще она была, обида-то.

И тогда накатило на Ивана Никанорыча неотвратимое предчувствие беды... Хотелось что-то объяснить пришлым романтикам, уговорить уехать... Настоять... Но как настоишь, с какого боку — Стрешнев не мог придумать.

Сергея он сразу поставил директором начальной школы, тот еще и математику вел, Марине достались русский язык и чтение. Часто они втроем пили чай в председательском доме, говорили о Москве... Потом завязавшаяся была дружба сошла на «нет», и ох как быстро сошла! Стрешнев снова с безысходностью ощутил себя одним-одинешеньким.

Ну, кто ж мог знать, что молодые учителя окажутся баламутами? И ладно хоть бы с принципами, а то так: ни черту помело, ни богу свечка... А еще детей берутся учить!

Иван Никанорыч тупо смотрел на бестолково раскиданные в столе пачки советских денег. В отличие от этих чужаков Волковых он-то знает, о чем

тоскуют колхозники. О прежних временах. О советской власти, с ее исконно русскими порядками на селе. Эта тоска — глубинная, былинная, корни ее уходят в далекие царские и великокняжеские времена. Где-то, уж не помнит, где, любознательный Иван Никанорыч вычитал, что в 1861 году, когда царь по наущению инородцев отменил крепостное право, этот поступок стал для многих крестьян настоящей трагедией — как жить дальше? Крепостные привыкли, что «за все на свете один барин в ответе». И перед Богом за грехи своих крестьян — в том числе. Барин поможет не помереть с голоду в неурожайный год, даст семян из своих житниц. Барин рассудит и накажет, да мало ли что. А тут вдруг, в одночасье, крестьянин остался брошенным на произвол судьбы. А при советской власти за все в ответе был председатель, как прежде — барин. Но и советскую власть ликвидировали... Опять же — инородцы...

Несмелый стук в дверь оторвал председателя от мыслей о прошлом.

— Входи! — сердито рыкнул он.

На пороге чуть покачивался конюх Митрич — пышнобородый дедок в телогрейке, ушанке и явно залитыми глазами. Стрешнев насупился.

— Да ты, я погляжу, с утра уж серку не жуешь, круги выписываешь... — насупился Стрешнев.

Конюх икнул, стащил с головы шапку и тихо проговорил:

— Бяда, Иван Никанорыч...

В бревенчатой конюшне маялся в стойле единственный на всю деревню буланый конь Прошка — держал его Иван Никанорыч для себя, на случай непроездной распутицы, а еще любил он зимой запрячь сани, лихо прокатиться вдоль деревни, по полям да заснеженной речке...

В конюшне ядрено пахло сеном и слежавшимся конским навозом. Прошка бил копытом в невысокую дощатую загородку денника, шумно выдыхал пар из ноздрей, время от времени тихонько ржал, и чудилась в этом ржании укоризна. Пыльная лампочка под потолком чуть подрагивала в такт конскому топоту.

Здесь уже был участковый Филимонов — высокий, тощий и угрюмый лейтенант, страдавший гастритом да изжогой, и по этой причине пользовавшийся уважением Стрешнева, поскольку у из-за означенного гастрита боялся употреблять хмельное. Сельский врач Лукьянов, в телогрейке, надетой поверх грязного, когда-то белого халата, сморкался двумя пальцами, глаза его слезились от простуды.

Конюх Митрич суетливо пропустил в денник Ивана Никанорыча, все тревожно и подавленно молчали.

На ворохе сена лежал молодой мужчина с щегольской бородкой, в расстегнутом драповом пальто, без шапки, в распахнутом пиджаке и мятом

галстук. В правой руке его поблескивала бутылка с жалкими остатками водки. Но он вовсе не был мертвецки пьян. Он был просто мертв. Правый висок покойника являл собой сплошное кровавое месиво.

— Учитель, — зачем-то пояснил страдающий изжогой Филимонов. — Сережка Волков.

— Видать, с ночи лежит, сердешный, — залопотал Митрич. — Оледенел совсем, захряснул.

— Лошадь успокой, — бросил ему Стрешнев, и конюх кинулся грубо осаживать взволнованного Прошку. — Когда ты приучишься конюшню на ночь запирать, а?

— Да ведь заперто с вечера было!

— «Заперто»! — проворчал председатель. — Ты ври да не завирайся. Как же он сюда попал, если было заперто?

— Чо писать-то будем, Иван Никанорыч? — спросил участковый, доставая планшетку и химический карандаш.

Председатель прикидывал что-то в уме.

— В общем, не знаю, как вам, товарищи, а мне все более-менее ясно. Пьяный Волков зашел на конюшню погреться, поваляться на сене. Скорее всего, уснул. И Прошка ненароком лягнул его копытом. Да прямо в висок. Несчастный случай!

— Эт точно! — подтвердил Митрич. — Лошади, они это... водочный дух... в общем, на дух не принимают. От меня вот шарахается. Правда, Прошка?

Конь покосился на него лиловым глазом.

— Он умер не сразу, — произнес доктор Лукьянов.

— Нет, сразу! — огрызнулся Филимонов.

Участковый не ладил с врачом, он тяжело завидовал его не ограниченными никакими запретами возможностям — выпить сколько угодно и когда угодно. Лейтенант Филимонов знать не знал и ведать не ведал, что в результате многолетнего потребления федосьевской самогонки, густо замешанной на птичьем помете, доктор Лукьянов давно уже нажил себе язву, но, попросту говоря, махнул на нее рукой.

— Волков умер сразу! — упрямо повторил участковый. — Посмотри, доктор, у него висок пробит аж до мозгов.

Лукьянов наклонился над дощатой загородкой.

— А ты, мент, смотри сюда, — указал он на кровавый след пятерни, размазанный по шершавой доске. — После удара копытом он еще какое-то время был в сознании, провел рукой по виску, инстинктивно вытер ладонь о загородку. Дебил.

— Кто дебил?

— Ты, Филимонов, — с глумливым состраданием посмотрел на участкового доктор Лукьянов.

— Иван Никанорович, он меня оскорбляет при исполнении! — пожаловался лейтенант.

— Ну, вы, интелех...енция! — рявкнул Стрешнев. — Хорош собачиться! «Сразу, не сразу...» Да какая, на хрен, разница? Короче, никакой уголовщины тут и близко нет. Несчастный случай! Так и оформляйте. Так и районным властям доложим. Понятно, Филимонов?

— Понятно, Иван Никанорович. — Участковый пристально глянул на Стрешнева, потом буркнул: — Вообще-то Волков не пил. Не то, что некоторые, — и выразительно посмотрел на Лукьянова.

— Не пил — значит, зашитый был! Закодированный! — презрительно бросил тот. — А вчера, видать, срок кодировки вышел... Вот он на радостях и развязал. Марина его всю ночь искала.

— Оформляй несчастный случай, ты, Анискин! — прикрикнул на участкового председатель. — Доктор потом подпишет медицинское заключение. А я к Марине пойду. Ума не приложу, как ей сказать...

Иван Никанорович и доктор Лукьянов вышли на морозный воздух.

— Да не мучайтесь вы, Иван Никанорыч, — обратился к председателю сельский врач. — Берите пример с наших мужичков-богоносцев: чужую беду руками разведу...

Он ничуть не боялся председательского гнева или немилости: по укоренившейся веками традиции доктор на селе был фигурой почти что неприкасаемой.

— Ну, ты скажешь, тоже... — метнул на него недобрый взгляд Стрешнев. — Язык у тебя без костей, а совесть свою ты уж давно — того... Пропил.

— Пропил, пропил, — охотно согласился Лукьянов.

Между тем участковый беспардонно выгнал из конюшни Митрича, снова склонился над распростертым Волковым и обиженно прошептал:

— Я не Анискин, я — Филимонов.

Он осмотрел сначала правую, потом левую руку Волкова. На ладонях не было ни малейшего следа крови.

— Волков умер сразу, — подытожил лейтенант. — А окровавленную руку вытер о загородку кто-то другой.

Участковый мучительно соображал. Через несколько минут он вдруг решительно рубанул ребром ладони по воздуху и воскликнул:

— Это не несчастный случай, а самое настоящее убийство!

Затем сел на чурбак, положил на планшетку бумагу и карандаш и, сопя, принялся деловито и обстоятельно излагать в своем рапорте об имевшем место в колхозной конюшне несчастном случае, в результате которого директор начальной школы Волков С.Ф. скончался от удара в висок копытом лошади (коня) по кличке «Прошка».

«БАРАНОВ РОГ»

Старший следователь областной прокуратуры Геннадий Юрьевич Баранов не любил молодого оперуполномоченного областного угро Виталия Кучихина. Вот не любил, и все тут.

Пятидесятилетний «важняк» Баранов привык работать обстоятельно, строго по букве уголовно-процессуального кодекса, памятуя как о придирчивом начальстве, так и о крючкотворах-адвокатах, готовых вцепиться в горло обвинителю из-за малейшей оплошности следствия. Всякий раз по ходу ведения дела Геннадий Юрьевич составлял массу протоколов, собирал кучу показаний, нужных и не очень, благодаря чему дорос сначала до следователя по особо важным делам, а позже и до старшего советника юстиции, что в табели о рангах соответствовало званию полковника. Дальше, как говорится, некуда. Да и незачем. Все житейские блага, которые можно получить в среднерусском областном городе, Баранов уже получил.

Геннадий Юрьевич терпеть не мог всяких сопляков-высочек. Таковым сопляком (и высочкой) он считал недавно начавшего служить в угрозыске капитана Виталия Кучихина. Этот юнец вел себя не по чину дерзко. Перебивал старших, постоянно выдвигал нелепые, но эффектные версии, то и дело ссылался на уголовные процессы из зарубежной и российской практики... В общем, ставил Баранова, неизменно возглавлявшего следственную группу по раскрытию особо тяжких преступлений, в неловкое, прямо-таки дурацкое положение перед областным прокурором Шеиным. И когда Баранову поручали очередное дело, он старательно избегал привлекать в свою бригаду оперативника Кучихина. Разве что по прямому указанию Шеина, который, к вящей досаде Баранова, почему-то считал капитана «перспективным опером со свежим взглядом».

Сегодня Шеин чуть ли не спозаранку вызвал к себе в кабинет Баранова. Стояло тихое июльское утро, предвещавшее жаркий день. Барановский новенький «шевроле» завелся с полуоборота, к чему следователь никак не мог привыкнуть: до этого всю жизнь промучился с отечественными машинами, отчего в кабинет прокурора вошел заметно повеселевшим.

Зато Шеин выглядел озабоченным донельзя. Он был в штатском, в отличие от Баранова, — стало быть, прибыл в прокуратуру в жуткой спешке, словно по тревоге.

— В селе Покровском-Стрешневе убита молодая учительница Марина Волкова, — мрачно сообщил областной прокурор. — Дело по твоей части, Гена. Собирай бригаду и немедленно отправляйся в совхоз «Первомайский».

— Какой-такой совхоз? — опешил Баранов. — Они разве еще есть?

— Есть, есть. Теперь акционерными обществами стали. А председателем там — знаменитый Стрешнев. Герой Социалистического Труда, между прочим.

— Сколько же лет этому Стрешневу? Сто?

— Не сто. Еще нет и шестидесяти. Горбачев молодых выдвигал, вот и дал ему звание Героя, когда Стрешневу и сорока-то не было. Эх, Гена, героев-земляков надо знать... И вот что, Гена! Выезжай прямо сейчас, срочно. На своем «шевроле». Это недалеко, сорок километров всего. Бензин мы тебе оплатим.

— С чего такая спешка, Борис Петрович?

— Ты что, не замечаешь? Труп... Через час-другой жара наступит!

— Я не понял... Труп еще на месте преступления?

— Да, Гена. Мне позвонил домой дежурный, сообщил об убийстве. Молодец, сразу дотумкал, что это тебе не какая-то рядовая бытовуха. Это, брат ты мой... Учительница, молодой специалист из Москвы! И я распорядился, чтобы тело не трогали до вашего приезда.

— А районные сыскари?

— Я позвонил в район, сказал, что беру дело под свой личный контроль. Видишь ли... Эти районщики... Они там закисли, понимаешь ли, вот и захотят, чего доброго, привлечь к себе внимание общественности, радио, телевидения. А ты, Гена, проведешь розыск и следствие по-тихому, квалифицированно, объективно. Кстати... Обязательно возьми с собой молодого Кучихина.

— Кучихина-а? — возмущенно пропел Баранов.

— Да, Кучихина, — жестко отрезал областной прокурор.

— Но почему, Боря? — взмолился Геннадий Юрьевич.

— Почему, почему... Деревня, брат, дело тонкое. А Кучихин все детство провел в деревне. Знает обычаи, знает, как с людьми разговаривать.

— Да он в своих швейцариях даже матом ругаться разучился! — вскипел Баранов. — Эти его в дышло...

Дело в том, что после окончания юридического факультета МГУ Виталий Кучихин как лучший студент был направлен на стажировку в швейцарскую адвокатскую фирму. Но не судьба было молодому выпускнику стать международным правоведом. В Лозанне легкомысленный Кучихин вступил в недозволенную связь со своей клиенткой, об этом узнали... Его лишили швейцарской лицензии адвоката и выставили обратно в Россию. Так Виталий Кучихин, никогда не помышлявший о работе в угрозыске, добровольно отказался от карьеры юриста, от обеспеченной московской жизни и стал опером провинциального УВД. Словно в издевку над МГУ, вручившим ему красный диплом и пославшим в Швейцарию.

— Ну, тогда судмедэкспертом я хочу взять Леню Кудря, — обиженно пробубнил Геннадий Юрьевич.

— Бери, — кивнул Шеин. — Старый конь борозды не испортит.

Леонид Васильевич Кудря был чуть старше Баранова, постоянно жаловался на радикулит, любил пофилософствовать на житейские темы. У них с Геннадием Юрьевичем давно сложились приятельские отношения.

«Уж вдвоем-то с Леной мы этого молодого да раннего Кучихина заткнем за пояс. А то и куда поглубже», — подумал Баранов.

И, опять же мысленно, прибавил: «В Баранов рог согнем».

Геннадий Юрьевич бережно вел свой золотистый «шевроле» по ухабистой проселочной дороге. Кудря блаженно сидел сзади со своим старомодным кожаным саквояжем. Время от времени следователь косо поглядывал на примостившегося рядом с ним оперативника Кучихина. Виталий был в футболке и пузырящихся «бермудах», на коленях он держал фирменный чемоданчик с ноутбуком. Даже в деревню без своего Интернета поехать не может! Хотя... Черт с ним.

Слева, на огромной поляне, показалась пасека. Несколько рядов ульевскворечников, покосившаяся хатка, возле которой притулился старенький «УАЗ», запущенные кусты смородины... Дымился костерок — видимо, пасечник собирался окуривать ульи. Да вот и он сам — коренастый, здоровый дядька лет этак сорока пяти, голый по пояс, смачно рубит поленья.

— Слышь, мужик, до Покровского далеко? — притормозив, спросил у него Баранов.

Пасечник выпрямился, смахнул пот со лба и проговорил:

— Не, начальник, недалече будет.

«Шевроле» снова тронулся.

— Сидел, — многозначительно резюмировал Баранов. — Учтем сей факт.

— Слишком все просто у вас выходит, Геннадий Юрьич, — фыркнул Кучихин.

— А ты что, собрался все усложнять? — вспыхнул Баранов. — Выдвигать свои заумные версии?

— Да что вы оба, ей-богу, — послышался сзади примирительный голос Кудри. — В кои-то веки на природу выбрались, так хорошо... И поясница не болит. Не болит! Вам не понять этого счастья.

А вот и табличка на правой обочине: «Покровское-Стрешнево». Сельпо за ранним временем еще не открылось, но возле магазинчика уже кучковались несколько женщин и потешный мужичок в картузе и рубахе навыпуск. Активнее всех митинговала ядреная, бойкая девица в цветастом ситцевом сарафане. Она была намного моложе остальных, но явно имела

признанный авторитет — во всяком случае, в качестве рупора сельской общности.

— Убийство обсуждают, — зевнул Кучихин.

— Да? — насторожился следователь и тут же остановил «шевроле». — Думаешь? Надо бы их расспросить...

— Ладно, пойду, поговорю с местным населением. — Виталий вышел из машины, так громко хлопнув дверцей, что Баранов досадливо сплюнул ему вслед.

Все женщины замолчали еще раньше, а именно — как только неподалеку от них остановилась незнакомая иномарка. Одна лишь бойкая девица в запале продолжала свою тираду, не обратив внимания, что все смотрят куда-то через ее плечо. Подошедшему поближе к ним Кучихину удалось таки услышать последние фразы увлекательного диалога.

— А видел, дак молчи! — орала сарафанная дива на побитого жизнью мужичка в картузе. — Мы и без тебя знаем, кто ее убил.

— Я и молчу, — слабо отбивался мужичок. — Что я, в милицию, что ль, пойду докладывать?

«Не привыкли здесь еще милицию полицией называть, — вскользь отметил про себя Виталий. — Впрочем, а где привыкли-то? Нигде».

— Убил, и правильно сделал, — надрывалась бойкая девица. — Эта Маринка-москалиха у всей деревни уже вот тут вот. — И она выразительно провела ребром ладони по горлу.

— Доброе утро, граждане и гражданки! — приветствовал всех Кучихин. — Сами мы не местные... Подскажите, где тут у вас контора?

— Здравствуй, здравствуй, — дружно ответили женщины, цепко разглядывая диковинные «бермуды». — Прямо езжай, увидишь дом с флагом.

— У вас, говорят, учительницу убили? — закинул удочку оперативник.

И, прямо скажем, как-то неловко закинул.

— Ты чо дурака-то валяешь? Или нас за дураков держишь? — накинулась на него бойкая девица. — «Говоря-ат...» Ты же из области приехал, убийцу ловить. Вона вас сколько, цельных трое. А ты, видать, у них на побегушках. Они-то, господа, даже из машины своей иностранной не вышли, не поздоровались. Мы для них — быдло деревенское. Тебя, беспортошного, послали!

— Ох, Ленка, умыла ты городского!

— Смотри, посодют тебя! — раздалось со всех сторон.

— Да пусть хоть положат, — с вызовом посмотрела она на Виталия. — Мне-то что? — Отряхнулась и дальше пошла. Мышь копны не боится!

Виталий, помысливший было приударить за бойкой девахой (в интересах следствия, разумеется), тут же дал отбой своим природным поползно-

вениям. Даже его привычная, укоренившаяся распущенность спасовала перед таким откровенным хабальством.

— Все, гражданочки, все, — подняв руки, попятился он к спасительному «шевроле», — больше вопросов не имею...

На него, злорадно ухмыляясь, смотрел с водительского места следователь Геннадий Баранов.

Глава 2

ЯВЛЕНИЕ СКОМОРОХА

Возле конторы стояли замызганная красная «Нива» и лакированный черный «БМВ».

— У Стрешнева гости, — лениво констатировал Виталий.

— А может, это его «БМВ», — возразил Баранов, лишь бы только поспорить с самоуверенным опером.

— Нет, не его, — снисходительно бросил Кучихин. — Стрешнев не такой идиот, чтобы разъезжать перед односельчанами на дорогой машине.

Разумеется, «идиота» Геннадий Юрьевич принял на свой счет, и мысленно поклялся оставить в дураках самого капитана.

Они втроем вошли в сумрачный коридор правления, их никто не встречал. Из-за фанерной двери с табличкой «ПРЕДСЕДАТЕЛЬ» доносился оживленный диалог. Чересчур оживленный, надо сказать... Кучихин тут же приложил палец к губам.

— Подслушивать нехорошо, — попенял ему Баранов. — Я лично не желаю...

— Ой, можно подумать, вы хоть что-то понимаете! — досадливо отмахнулся от следователя Виталий.

Дело в том, что разговор, доносившийся из-за председательской двери, велся на... французском языке. Причем визгливый, чем-то возмущенный собеседник говорил гладко, а его визави — человек с густым, сочным голосом — с трудом подбирал нужные слова и произносил их с чудовищным среднерусским акцентом. Видимо, он все же не выдержал таких мытарств и перешел на родную речь:

— Да говорите же по-русски, мсье Малуа! Вы тут за год так натаскались по-нашему балакать, как мне за всю жизнь вашему басурманскому языку не выучиться!

— А я и по-русски вам скажу, мсье Стрешнев, что вы — ракалья и обманщик!

— Ракалья? Это что за слово такое? — поинтересовался Стрешнев.

— Негодяй! Вот что это! Я выполняю все свои обязательства, а вы?

— Стоп, стоп, мсье Малуа! О каких таких обязательствах вы изволите толковать?

— О взаимных, мсье Стрешнев! Вза-им-ных!

— Тогда позвольте вам пояснить. — Теперь Стрешнев заговорил жестко и даже безжалостно. — Все, что вы делали и делаете, вы делаете исключительно по доброй воле. Из альтруистических, так сказать, побуждений. И никакой суд вам не поможет! Где договор? Договор у вас есть, я вас спрашиваю?

— О, тут вы правы... Я слышал про русский суд. Но кроме суда, кроме письменных договоров есть еще и порядочность! Честь и порядочность, дьявол вас подери!

— Считайте, что у меня вашей буржуйской порядочности нет, — издевательски объявил Стрешнев.

В кабинете послышались быстрые шаги, дверь широко распахнулась, и перед следователем, оперативником и судмедэкспертом возникла какая-то марсианская фигура. Впрочем, нет, не марсианская. Просто худощавый, высокий мужчина лет сорока был безукоризненно одет по моде столетней или даже 150-летней давности.

Черная трость с изящным серебряным набалдашником, белые лайковые перчатки, крахмальная кружевная манишка с рубиновой заколкой, сверкающий цилиндр, безупречная фракная пара, бежевые панталоны, лакированные туфли... Казалось, от этой восковой фигуры из паноптикума так и веет нафталином. Но на самом деле странный сладковатый запах, источаемый посетителем, имел иное происхождение: этот, мягко говоря, чудака был густо напомажен.

При виде посторонних «ряженный» тут же сменил разгневанное выражение лица на презрительное и прошествовал к выходу мимо ошарашенных оперативников.

— Странно, что он приехал на «БМВ», а не в карете, запряженной цугом, — пробормотал судмедэксперт Кудря.

Они, не постучавшись, вошли в кабинет председателя совхоза.

— Здравствуйте, господин Стрешнев, — торжественно начал Баранов. — Иван Никанорович, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — кивнул Стрешнев. — Здравствуйте, товарищи. У нас тут нет господ. Как я понимаю, вы... В общем, меня уже предупредили из области о вашем приезде. Где-то полчаса назад. Шеин звонил. — И поочередно обменялся с прибывшими крепким рукопожатием.

— Ну-с, Иван Никанорович, тогда приступим...

Председатель решительно поднял указательный палец, останавливая Баранова:

— Так, товарищи, давайте сразу определимся. У меня полевые работы в разгаре. Вот сегодня с петухами встал — и сразу за руль своей «Нивы». Я ведь шофера не держу. Не привык, чтобы мне прислуживали.

— Это похвально, — перебил его Кучихин. — Однако давайте без патетики. В вашей деревне убита женщина...

— Стоп, стоп! — точно так же, как «ряженого», осадил Виталия председатель. — Я не помещик, и деревня не моя. Народная. И законы здесь действуют народные, общероссийские. У нас есть человек, мне напрямую не подчиненный, который отвечает за правопорядок. Участковый лейтенант Филимонов. С ним и взаимодействуйте. Он сейчас ожидает вас на месте преступления. А я, если в процессе следствия вам что-то понадобится от нашего правления, помогу чем смогу.

Тирада была исчерпывающей и обескураживающей. Председатель уселся за стол, демонстративно погрузившись в бумаги.

— А вы что, до сих пор совхозом называетесь? — Кучихин попытался хоть как-то сгладить негостеприимный тон хозяина кабинета.

— Официально — нет, — поднял на него глаза Стрешнев. — Сейчас «Первомайский» — закрытое акционерное общество сельских производителей. Но люди по-прежнему называют себя колхозниками, а меня — своим председателем. Вот так и живем. И хорошо живем!

— Понятно... — вздохнул Виталий. — А скажите, Иван Никанорович, что это за француз был тут перед нашим приходом? Если, конечно, это не коммерческая тайна.

— Да какая тайна... — в свою очередь вздохнул Стрешнев. — Француза этого зовут Пьер Малуа.

— Как-как? Валуа?

— Нет, до Валуа ему далековато, — криво усмехнулся Иван Никанорович. — Он Малуа. Так что никакой это не принц крови. И вообще, он, по моему, слегка того... — и выразительно покрутил растопыренной пятерней у виска.

— Это мы сразу поняли, — кивнул Кудря.

— В общем, дело обстоит так. — Стрешнев припечатал ладонь к столу и заговорил бодро, словно обрадовался возможности рассказать о диковинном французе. — Этот Малуа, выражаясь современным языком, наш инвестор. Надеюсь, вы понимаете, как важно в наше время привлекать иностранные инвестиции в сельское хозяйство?

При этом он почему-то в упор посмотрел на Баранова. «Положительно, сегодня весь мир будто сговорился считать меня последним дураком», — с досадой подумал Геннадий Юрьевич и, скривив лицо, ответил:

— Понимаем, понимаем.

— Вот и хорошо, что понимаете, — похвалил его Иван Никанорович. — Хотя для меня это неожиданность. Ну, в смысле, тот факт, что вы хоть что-то соображаете. Я имею в виду, в деревенской жизни.

Баранов побледнел, а Кудря аж рот разинул, но Стрешнев продолжал как ни в чем не бывало:

— Этот француз, Пьер Малуа, — лионский промышленник. У него своя ткацкая фабрика. Конкуренция убийственная. И тут он прослышал, что в России можно по легкому разбогатеть, если вложить денежки в производство минеральной воды, шипучки, всяких там «святых источников»... А у нас в Покровском водица испокон веков славится, прямо живая вода, да и только! Просто мечта для жуликов — разливай себе по пластиковым бутылкам да продавай по всей России-матушке. Ну, реклама нужна, конечно. В общем, прибыл он к нам год назад, остановился в гостинице «Париж» у вас в городе. И предложил мне построить в Покровском цех по розливу воды, назвать ее хочет «Стрешневская». У нас тут почти все — Стрешневы, вы знаете?

— Ну-ну, Иван Никанорович, продолжайте, — мягко сказал Кучихин.

— Н-да... Малуа обещал рабочие места, высокую зарплату тем, кто пожелает трудиться в его цехе. И, разумеется, отчисление части прибыли в совхозный бюджет.

— По-моему, вполне деловое предложение, — зачем-то вставил Кудря.

— Деловое, — охотно согласился Стрешнев. — Только... Понимаете, у нас не любят чужаков.

— Это мы почувствовали, — невесело усмехнулся Виталий.

— А тем более — иностранцев, да еще ряженных под старинных аристократов, — презрительно мотнул головой председатель. — Год назад на сходке люди так и говорили: не хотим никакого цеха, пусть едет, откуда приехал. Особенно молодые учителя Сергей и Марина Волковы были против.

— Марина Волкова? Это которую убили сегодня ночью? — прищурился Баранов.

— Она самая. Так вот, учителя Волковы стали говорить людям, что скважина нарушит экологию, что-то там испортит в грунтовых водах, и через пару-тройку лет воды в источниках вообще не будет, а Малуа за это время разбогатеет и уедет в свою Францию. И деревня с носом останется.

— Что ж, правильно говорили Волковы, — пожал плечами Кучихин. — Таких случаев — пруд пруди.

— Ну, не знаю, может быть, — нахмурился Стрешнев. — Мне этот Малуа тоже ведь не кум, не сват и не брат. И деньги его французские мне не нужны. Но я обязан думать о сельских людях, об их обустроенной жизни. Вот и решил таким образом: пусть для начала этот Малуа, коли он действительно хочет тут надолго поселиться, сделает для деревни какие-то добрые дела.

За это его и люди уважать станут, и он всем докажет, что не только нажиться на нашей воде приехал, а в самом деле хочет еще и пользу принести.

— И что? — спросил Виталий.

— А то. Вы к нам в деревню через речку ехали, через мост? Так вот, этот новый мост взамен сгнившего построил на свои деньги Малуа.

— Хороший мост, — подтвердил Баранов.

— Хороший, лет на сто хватит, — кивнул Стрешнев. — Тогда старые люди пришли ко мне и говорят: пусть этот Малуа, раз он такой богатый, отстроит заново Покровскую церковь. Ее при Хрущеве разрушили. Я еще помню ее, идешь, бывало, мальчонкой из леса с грибами, устанешь... А церковка своим куполочком сияет, издалека ее видать... И так весело станет, что ноги сами идут. Теперь некрасиво стало без церкви. Скучно. Словно душу у села нашего отняли. И то сказать — какое теперь это село? Был храм — было село, а теперь, без храма — деревня... Н-да... Вот и говорят старые люди: если Малуа прежний Покровский храм восстановит, тогда, мол, так и быть, пускай свой цех водяной открывает. А иконы мы свои, из дома, в церковь принесем.

— А Малуа?

— Малуа согласился. Он даже сказал, что сам в новую церковь ходить станет.

— Но он же француз, католик! — Глаза Виталия хищно блеснули. — Значит, он решил отказаться от католической веры и принять православие?

— Опять же, не знаю, — прижал руки к груди Стрешнев. — Не разбираюсь я в этом. Будет церковь — буду ходить молиться, как предки мои, а уж что там с Малуа — это его дело.

— Что-то не видели мы никакой церкви. Даже стройки не видели, — заметил Кудря.

— Правильно, — кивнул Иван Никанорович. — Нет стройки. А все из-за этих Волковых, царство им небесное. Теперь вот обоих не стало, и Сергея, и Марины. Они как предчувствовали. Приехали год назад работать учителями, и говорят: тут нам судьба. И вон оно как вышло-то...

— Да что вышло-то? — чуть ли не хором возопили оперативники.

— А то. В самом начале марта Сергея конь в конюшне лягнул. Прямо в висок. Несчастный случай. Тут, на старом кладбище, и схоронили.

— Так-так, — крякнул Баранов. — Оба молодых учителя, супруги, погибли неестественной смертью. У них были враги?

— Да полдеревни, если не больше. А друзей у них вообще не было, — хмуро ответил Стрешнев.

— Потому что чужаки? — спросил Кучихин.

— Потому что баламуты! — разозлился председатель. — Сергей вообще с самого начала повел себя, как первый парень на деревне...

— Первый парень на деревне: как на сходку, так пороть, — выдал старинную сельскую поговорку Виталий.

Стрешнев удивленно и с оттенком одобрения посмотрел на него:

— Ну, примерно так. В общем, взбаламутили они деревню. Говорили, что никакая церковь не нужна, надо первым делом школу новую строить! Тут они, конечно, правы. Нынешняя школа — просто барак, а не школа.

— А что народ?

— Народ разделился. Большинство церковь хотели, чуть не побили Серегу-то... Но некоторых Волковы все-таки сагитировали за школу новую. Ну, ладно. Я и говорю этому французу Малуа: давай строй и церковь, и школу, на этом с тобой и поладим. А он начал требования предъявлять. «Так, говорит, конца и края не будет. Я, говорит, не миллиардер, а всего лишь миллионер». И требует у меня взамен за добрые дела акции совхозные, земельные да имущественные в собственность передать. Хотя бы пятьдесят процентов плюс одну.

— Понятно, контрольный пакет, — поспешил вернуть Геннадий Юрьевич и искоса глянул на Кучихина: оценил ли молодой вертопрах его, барановские, познания в финансово-экономической сфере? Нет, не оценил, чертов бабник, потому что металлическим голосом тут же отвесил:

— Все это совершенно естественно со стороны Малуа. Неестественно другое. Почему Пьер Малуа потребовал акции у вас, Иван Никанорович? А? Ведь по закону об акционировании сельских предприятий, акции должны быть разделены между всеми, так сказать, пропорционально... А Малуа обращается к вам, как к единоличному их владельцу!

Стрешнев встал, шумно втянул в себя воздух. Подошел к сейфу, повернул ключ и, достав увесистую стопку сиреневых бумаг, шлепнул ее на стол:

— Вот они, акции. Все до единой.

— Позвольте, а каким же образом... — начал, было, Баранов.

— Вы хотите сказать, каким таким образом они оказались у меня? — перебил его Стрешнев. — Не знаю, поймете ли вы... Когда мы отпечатали акции и раздали их на общем собрании, люди через несколько дней стали сами сдавать их мне. Говорят, зачем нам эти бумажки, Иван Никанорыч? Мы в этом ничего не понимаем. Да не ровен час, еще переругаемся из-за них — ведь кто-то больше получил на семью, кто-то меньше. Да еще вдруг они пропадут, или сгорят, или украдет кто... Поймите, мне люди верят, я тут, почитай, три десятка лет председателем, и никогда никого несправедливо не обидел! Истинный крест! Вам не понять... Вот это и есть свободное, по зову сердца, волеизъявление народа. Это у вас там, в городах, во время выборов можно людям голову так заморочить, что они за кого угодно проголосуют. Хоть за черта лысого. А у нас в деревне всяк на виду. И если люди в кого-то верят, так это от всей души.

— Ну, и где оно, это свободное волеизъявление? — панибратски подмигнул председателю Кучихин.

— Вот оно, — вынул из сейфа еще одну кипу бумаг Стрешнев.

Это были законным образом оформленные и нотариально скрепленные заявления двух с лишним сотен колхозников о том, что они безвозмездно передают гражданину Стрешневу Ивану Никаноровичу право единолично распоряжаться их паями в земельной и имущественной собственности ЗАО Совхоз «Первомайский». Все права, вплоть до передачи акций в третьи руки.

— А вы говорите, что вы не помещик, — усмехнулся Кучихин. — Оказывается, помещик! Вся земля, все, что на ней растет, что на ней построено, принадлежит вам со всеми потрохами!

— Это лишь пустые юридические формулировки, — ткнул пальцем в отказные заявления граждан Иван Никанорович. — А на самом деле у нас все народное, общее! И ни одна акция, никогда и ни при каких обстоятельствах, не уйдет налево ни за какие деньги. Мне наши лучшие люди так и говорили: «Ты, Иван Никанорович, собери эти акции и на себя переформи. Мы все подпишем и других вразумим. А то всякие пьяницы или сквалыги начнут эти акции за бесценок богатеям продавать, а те понастроят тут коттеджей, и житья нам не будет: начнутся разврат да похабщина, мужики и бабы станут на городских богачей работать. А ты, Иван Никанорыч, этого вовек не допустишь». Эх, не понять вам чистую душу коренных сельских людей... Исконных!

— Так, это все лирика, — встряхнулся Баранов, до сего момента заморожено слушавший Стрешнева, и посмотрел на часы. — Спасибо, Иван Никанорович, вы нам очень помогли. Мы уже с вами полчаса проговорили. Нам пора на место преступления.

— Да, пожалуйста... — устало опустил в свое кресло Стрешнев. — Дом Волковой — прямо по дороге и сразу направо.

В коридоре Геннадий Юрьевич спросил у Виталия:

— Слушай, ты же французский знаешь, о чем на самом деле говорили Стрешнев и Малуа? Ну, когда ты подслушивал за дверью?

— О том и говорили. О церкви, о школе, об акциях. Не врет председатель.

Глава 3

А ГДЕ КОРОВА-ТО?

— Твою ма-а-ать! — горестно пропел Баранов и по-бабьи всплеснул руками. Все четыре колеса роскошного золотистого «шевроле» были спущены до ободов. — Прокололи, сволочи! — сокрушался он. — Чтоб я еще раз на своей машине...

Кучихин присел, внимательно глянул.

— Не-а, не прокололи. Что ж вы в старье-то обули такую машину? А? Бережете «родные» баллоны? Вот и добереглись, Геннадий Юрьич. Они аккуратненько так воздух через ниппель выпустили. Уважают чужое богатство, хоть и ненавидят.

— Это нам, братцы, первое предупреждение, — буркнул Баранов. — Так, забираем амуницию и идем пешком. Некогда баллоны качать. Ну, и жарища! А что же днем-то будет?

Тут только трое приезжих розыскников осознали, что деревня будто вымерла: ни человека на улице, да и занавески на всех окнах дружно задернуты наглухо. Тем не менее, на всем недолгом пути до дома, где ночью разыгралась трагедия, они чувствовали, как за ними неотступно наблюдают со всех сторон. Ощущение это было чертовски неприятным.

Долговязая фигура мента маячила возле жиденькой калитки из потемневшего штакетника.

— Здравия желаю... — Он сосчитал звезды на мундире Баранова и продолжил: — ...товарищ полковник! Я — участковый уполномоченный лейтенант Филимонов. Пройдемте в сени, труп там.

Они вчетвером молча вошли в сумрачную прохладу.

«Сени — от слова сень... Тень... Отдохновение», — подумал Кудря и закрыл глаза, чтоб хоть минуту-другую не видеть того, что лежало на полу.

— Леня, давай за работу, — тихо сказал Баранов.

— Никак не могу к этому привыкнуть, — сквозь зубы процедил судмедэксперт.

— Я тоже, — обреченно прошептал Геннадий Юрьевич и, услышав на свистывание Кучихина, подумал с озлоблением: «А этот, похоже, быстренько освоился с людским горем, с мертвечиной. Втянулся. И все ему нипочем».

Марина Волкова в пестром крестьянском платье, задравшемся до бедер, лежала ничком, лицо повернуто набок. На ее затылке зияла длинная, с ладонь, рубленая рана; на пол натекла широкая лужа крови. Видимо, в момент удара Волкова инстинктивно прикрыла голову ладонью, потому что на правой руке не хватало трех пальцев, их окровавленные обрубки разлетелись в стороны. В довершение ужасного натюрморта («мертвой природы!») всюду была рассыпана красная смородина: ведро с ягодами, стоявшее, видимо, на лавке, опрокинулось. Многие ягоды были растоптаны. А на полу, вплоть до крыльца, виднелась цепочка кровавых пятен. Следы убийцы...

Пока Леонид Васильевич производил осмотр трупа, фотографировал и делал свои нехитрые вычисления, Виталий обратил внимание на четыре ветхих деревянных ящика из не струганных планок, стоявших в углу сеней друг на друге. Из верхнего торчали пыльные горлышки

бутылок, заткнутые почерневшими от времени пробками. Ящик был наполовину пуст.

— Самогон? — деловито спросил участкового Виталий.

— Известное дело, — вздохнул Филимонов. — Только вы не подумайте, Марина сивуху не варила. Это от Федосьевны, бывшей хозяйки, ей в наследство осталось. Марина, как в начале марта мужа схоронила, так собиралась уехать отсюда. Горевала очень. А потом детишек пожалела, они любили ее. Своих-то детей у Волковых не было, не обзаводились до времени. Все откладывали, видать. Ну, Марина и решила учебный год до конца довести — и за себя, и за мужа погибшего, Серегу. А там вроде и успокоилась немного, даже корову себе завела, в общем, решила трудом сельским свое горе задавить. Ей Иван Никанорович и дров, и продуктов, и сена для коровы. Все бесплатно. Даже сватался к ней — про то все знают. А что? Мужик он крепкий, то, что бабе надо. В бане парится, так с ним никто из его друзей конторских тягаться не может. Сердце, как у коня! Только не пошла она за него, не захотела жить на всем готовом. А, может, мужа мертвого любить продолжала. Все на кладбище к нему ходила. Мы такой любви, как у них, отродясь на деревне не видали... Завидовали им люто. А как Серега погиб, тут уж, конечно, завидовать перестали. Она все у соседей выспрашивала, как да что. Ну, в смысле по хозяйству. Училась.

Баранов с удивлением увидел, что участковый плачет.

— Вот идет она, бывало, нынешним летом, с ведром-то, молоко из коровника несет. А уж солнышко всходит. Встанет в прогал между яблонями, на солнышко смотрит и улыбается. Вот чего она там высматривает, а? — беспомощно выкрикнул участковый. — Чего она там не видала? Хоть бы ведро на землю поставила, ведь тяжело на весу держать! Люди ей помогали, жалели, несмотря на то, что она вроде чужая. Приносили, кто чего может. До поры...

— И до какой же это поры? — спросил Баранов.

— Известно, до какой, товарищ полковник. Аккурат на сорок дней, перед поминками Серегиными, полезла Марина зачем-то в подпол. Глядь, а там этого самогона — видимо-невидимо, целые ящики, рогожами укрытые. Вот сколько старуха Федосьевна впрок-то нагнала! Денег у Марины не было, ну, и выставила самогонку на поминки для всей деревни. Всех напоила. И еще полным-полно осталось. Хотела вылить, а мужики как увидели, что она такое добро в землю бухает, сбежались, стали просить не трогать. Ну, она со злости рукой махнула, и начала мужикам эту отраву раздавать. А люди у нас совестливые, знают, что у нее в кармане — вошь на аркане, вот и пытались ей деньги за самогонку сами давать. По той же цене, что покойной Федосьевне. А Марина — что? Раз взяла, другой раз взяла... И пошло-поехало. Но только новую самогонку Марина ни разу не гнала. Даже аппарат покойной Федосьевны нашла и сломала.

— И женщины ваши ее возненавидели? За то, что мужиков спаивает? Так? — наседал Баранов.

— Не только женщины, — сморщился участковый. — Ей, Марине-то, почитай, все мужики-выпивохи теперь денег должны были. В долг брали. Ну, а коли должен, как попросишь еще? Неудобно. А самогон у нее есть, это все знали. Вот и костерили ее промеж собой, куркулихой прозвали.

— Та-ак, — с довольным видом потер руки Баранов. — Вот вам, товарищи, и первая версия! Пришел среди ночи выпивший мужик, чтоб «догнаться». Денег нет. Слово за слово, он хватъ топор — да и по голове нашей потерпевшей. На, мол, тебе, куркулиха! А? Как вам?

— Пока возражений нет, — вынужден был согласиться Виталий.

— То-то же. Леня, ну что там у тебя?

— Есть кое-что, — выпрямился Кудря. — Смерть наступила мгновенно, где-то между двенадцатью и часом ночи.

— Ага! — торжествующе воскликнул Баранов. — Как раз водка из сельпо у того мужика закончилась!

— Удар нанесен сзади, убийца — правша высокого роста, — монотонно продолжал Кудря. — Судя по конфигурации раны, орудие убийства — топор с лезвием шириной 23 сантиметра. Большой топор.

— И где же топор, а, участковый? — подмигнул лейтенанту Геннадий Юрьевич. — Давайте, братцы, искать. Не унес же он его с собой. Опасно, вдруг увидят. Топор большой, под рубашкой за пазуху не спрячешь.

Искали везде: в доме, в подполе, где стояли штабеля ящиков с самогом, даже на чердаке... Наконец вышли в сад. Все бесполезно: ни топора, ни свежих следов вспашки.

— Вон сарай большущий. Пошли там посмотрим, — сказал Баранов.

И тут в калитку протиснулась толстенная соседка.

— Стрешнева, тебе чего? — окликнул ее Филимонов.

— А ты не командуй! — сразу перешла в наступление соседка. — Ишь какой! У нас, чтоб командовать, Иван Никанорыч есть!

— Вы хотите сделать заявление? — обратился к ней Баранов.

— Уж называйте, как хотите, а это я ее первая увидела. Утром, часов в пять, уж светло было, слышу, корова у Маринки мычит. Недоенная, видать. Мычит и мычит, мычит и мычит...

— Ты сама-то не мычи, дело говори! — одернул толстуху Филимонов.

— Дело говори... — передразнила его Стрешнева. — Деловой! — фыркнула она и продолжила: — Ну, значит, пошла я к Маринке, в сени захожу, а там — батюшки-светы! Я инда чуть с крыльца не упала. Побежала к этому вот блюстителю нашему...

— Ясно, — прервал соседку Виталий и, подойдя к сараю-коровнику, настежь распахнул тяжеленные ворота.

— А где корова-то? — удивленно протянул Кудря.

Ни коровы, ни злополучного топора в хлеву не было. Там вообще ничего не было. Голо. Ни кормушки для сена, ни специальных вилок для уборки помета... Даже метла исчезла, испарилась, будто ведьма на ней унеслась, прихватив все содержимое коровника.

— Сознавайся, Стрешнева, — велел Филимонов.

— Ой, родненькие, я же как лучше хотела! — запричитала соседка. — К себе я коровушку свела, что ж мучиться животине без хозяйки? Подоила...

— Сначала корову свела, все из хлева перетаскала, а потом уж ко мне прибежала. Так? — сурово пытал ее участковый. — Эх, вы! А еще Марину куркулихой называете! Ну, люди... Не стыдно, баба Дуня?

— Ох, стыдно, Володенька...

— Н-да, — почесал затылок Кучихин. — Через неделю-другую эти «хрестьяне» тут все растащат по бревнышку. Даже вон тот заплесневелый колодезный сруб...

— Оставим корову на вашей совести, гражданка Стрешнева, — примитивно произнес Баранов. — Вы лучше припомните: видели кого-нибудь, кто приходил к Волковой поздно вечером или ночью?

— Никого не видела, как бог свят!

А Виталия вдруг осенило. Он подошел к колодцу с позеленевшим бревном-воротом, вокруг которого была намотана мощная цепь с оцинкованным ведром на крюке, заглянул в непроглядную бездну и крикнул:

— Коллеги! Опустите-ка меня вниз на цепи.

— Я — пас, — покрутил головой Кудря. — У меня поясница.

Виталий взял у него полиэтиленовый пакет, забрался на край сруба, ловко уселся на ведро, зажав цепь между ног. Филимонов и Баранов, кряхтя от натуги, сдерживали железную рукоятку ворота, норовившую закрутиться с бешеной скоростью под тяжестью молодого оперативника. Медленно, круг за кругом, они начали спускать Кучихина вниз. Его догадка была столь очевидной, что даже Баранов не проронил ни слова.

Спустя какое-то время до них долетел веселый бубнеж:

— Щас бы выпить, уколоться и упасть на дно колодца, чтоб забыться! Все! Вира помалу!

Поднимать оперативника наверх оказалось гораздо легче. Вот показалась вихрастая голова, затем рука протянула окровавленный топор, предусмотрительно обернутый полиэтиленом.

— Господи Иисусе! — перекрестилась Стрешнева. — Это ж Маринкин топор! Он самый!

Виталий, дрожа от холода, вылез из скользкого сруба и, унимая дрожь, заверещал:

— Да, коллеги, недаром в древнерусском языке колодец именовался «студенец». Продрог до костей! А знаете ли вы, что со дна колодца даже в солнечный день видны звезды? Честное слово

— Тебе бы только звезды с неба хватать, Кучихин, — ревниво бросил Геннадий Юрьевич.

— А чего это топор совсем сухой? Почему не намок? — подозрительно взглянул на улику судмедэксперт.

— Сруб вконец разъехался, одно бревно в самом низу чуть не поперек торчит, вот топор в него и воткнулся, — беззаботно пояснил Виталий. — Не долетел до воды.

— Да уж, повезло нам, — покачал головой Баранов. — Давай, Леня, колдуй. Ты ж у нас по совместительству еще и криминалист. Ну, отпечатки там, группа крови, резус-фактор... — Он вдруг запнулся и повернул голову.

Через покосившийся штакетник в огород Волковой переваливался сухой, испитой мужик. Плюхнулся, кряхтя поднялся и осоловело захолопал глазами на столпившихся у колодца представителей закона.

— Ты зачем явился? Марш домой! — заорала на него Стрешнева.

— Тогда я пошел... — с расстановкой выговорил мужик.

— А ну, стой! — выкрикнул Баранов и вместе с Виталием кинулся к «нарушителю границы». — Тебя же по-русски спросили: ты зачем сюда явился? А? Отвечай!

При виде синего прокурорского мундира мужик совсем растерялся:

— Я это... Я ничего... У Маринки струмент ладный был, растощут ведь алкаши проклятые

— А, за топором пришел! — схватил его за грудки Баранов. — Очухался, вспомнил про улику! А ну, рассказывай, как ты учительницу зарубил, а топор в колодец выкинул!

Мужик непонимающе посмотрел на него и вдруг обвис на руках следователя.

— Мой это, мой! — проворно подбежала баба Дуня, отняла мужичонку и принялась нещадно лупцевать его. — Не он это, гражданин прокурор! Он спал всю ночь, пьяный! — И легко так, будто вязанку соломы, швырнула благоверного через штакетник на свою «суверенную территорию».

— Есть отпечатки пальцев! — торжественно провозгласил Кудря, и все мгновенно окружили судмедэксперта, водившего кисточкой по деревянной рукоятке топора, посыпанной специальным порошком.

— Отчетливые? — затаив дыхание, с надеждой спросил Баранов.

— Отчетливей не бывает. Тут всего одна группа крупных отпечатков. Видимо, они принадлежат убийце. Не похоже на миниатюрные «пальчики» Марины Волковой. Судя по ее ладоням, она всегда в рукавицах работала, не успели еще загубить руки у девчонки...

Все скорбно замолчали. Тишину нарушил громкий вздох Геннадия Юрьевича:

— Ну, вот и все. Осталось взять отпечатки пальцев у всех взрослых жителей деревни, и убийца наш. Организуй это дело, участковый.

— Не надо ничего организовывать, — еле слышно проговорил лейтенант, понуро глядя в землю. — Мои там отпечатки. На топоре.

Первым сориентировался в неожиданном повороте Баранов.

— Оружие, — коротко приказал он и протянул руку.

Участковый покорно отстегнул кобуру и вложил ее в ладонь следователя.

— Виталий, наручники!

— В вашей машине наручники остались, — растерянно отозвался опер.

— Да погодите вы меня перед всей деревней-то позорить, в наручниках по улице водить! — взмолился Филимонов.

— Говори, слушаю, — сухо кивнул Баранов.

— Короче, совсем рано, еще до вас, я был у Ивана Никанорыча. Ну, сразу после того, как сообщение бабы Дуни проверил, своими глазами убедился. Сказал ему про убийство, а он возьми да брякни: Марину, мол, топором, стало быть, зарубили...

— И что? — не понял Баранов.

— А то, что я-то ему про способ убийства еще ничего доложить не успел! Убили, дескать, Марину, и все. А он сразу про топор... Ну, я, грешным делом, и подумал, что это он ее... Сгоряча...

— А было за что?

— Ну как... Сватался, получил от ворот поворот. Может, обиду затаил, а может, ночью опять свататься приходил, и повторно был послан куда подальше... В общем, вернулся я сюда от Ивана Никанорыча в полном раздразе. Мысли путались. А топор — вот он, рядом с трупом в сених валяется. Весь в крови. Уж не знаю, что со мной сделалось, только схватил я его и выкинул в колодец. Потом уж сообразил, что голой рукой, что «пальчики» мои остались. Ну, ничего, думаю, вода отпечатки смоем, так что нехай найдут. Не знал я про это бревно поганое.

— Что ж ты, лейтенант, решил своего председателя под обвинение в убийстве подвести? — презрительно бросил Баранов.

— Да никого я ни под чего не подвожу! — с надрывом выкрикнул Филимонов. — Как ваш доктор сказал, что убийство случилось между двенадцатью и часом ночи, так я и вздохнул с облегчением. Не мог Иван Никанорыч Марину зарубить!

— Это почему же?

— Да потому, что этой ночью, часов с одиннадцати вечера, я и наш бухгалтер Осип Никитич вместе с Иваном Никаноровичем в его баньке парились! Ну, я вам говорил, как он парится...

— А что ж так поздно-то?

— Полевые работы у него до темна, товарищ полковник. А потом, как он домой вернулся, то и позвал нас с Осипом Никитичем попариться. Чего для одного себя топить? У него венички березовые, дубовые, можжевельные... А чай какой! С травами да с медом.

— И долго вы чай гоняли?

— Пока баню истопили, попарились, то да се... Часов до двух, точно. Потом Иван Никанорыч и говорит: пойду, посплю пару часов, и опять в поле поеду.

— Выходит, у тебя, лейтенант, тоже алиби? Ты ведь в момент убийства в бане веничком хлестался?

— Да ведь Осип Никитич подтвердить может! И сам Иван Никанорыч!

— У вас тут круговая порука! — взревел Баранов. — Вы друг за друга горой стоите! Все что угодно подтвердите и подпишете! — Он внезапно успокоился и тихо проговорил: — А пистолет я тебе, участковый, пока что не верну, уж не обессудь, сам понимаешь. И вот что, — повернулся он к судмедэксперту, — Леня, срисуй-ка у лейтенанта «пальчики». Мало ли, вдруг на топоре не его, может, он кого-то выгораживает. Здесь никому нельзя верить!

Глава 4

УБИЙЦА

— И часто вы, лейтенант Филимонов, прячете улики? Покрываете преступников?

— Не понял, — удивился участковый. — Топор я не вытирал, вы его со всеми следами из колодца достали.

— Учти, лейтенант, есть статья не только за сокрытие улик, но и за попытку сокрытия улик должностным лицом! — пригрозил Баранов.

— Да подождите вы, Геннадий Юрьевич, — досадливо перебил «важняка» Виталий. — Я не про топор. Я про убийство Сергея Волкова в начале марта этого года, которое квалифицировали как несчастный случай на конюшне.

— Дак это и был несчастный случай, — заверил Филимонов.

— Значит, не хочешь все-таки помогать следствию, — вздохнул Кучихин.

— Хочу, хочу! — встрепнулся участковый. — Мне и самому тогда кое-что странным показалось. Так, пустячок... Там, в конюшне, след кровавой пятерни на загородке остался. Решили, что это Волков в последние секунды руку о доску вытер. Но я посмотрел — ладони у него были чистенькие.

— Учтем сей факт, — кивнул Баранов и добавил: — Позже, может быть, мы к нему вернемся, а сейчас, Филимонов, свяжись с областным моргом, пусть забирают труп на вскрытие. Диктую номер...

Участковый принялся звонить по мобильному. Тут только Геннадий Юрьевич заметил, что баба Дуня все еще топчется поодаль, у самой калитки.

— Гражданка Стрешнева! — окликнул он соседку. — Начинаем по новой. Видели вы кого-нибудь вчера вечером или ночью у Волковой?

Стрешнева, чуть не до смерти напуганная едва не свершившимся на ее глазах арестом участкового, с готовностью приблизилась к представителям закона и заговорила таинственным голосом:

— К ней много кто ходит, всех не упомнишь. Вот, как стемнело, пасечник был, Тройно. Опять же не наш, не местный. Как из тюрьмы вышел, в наши края его черт принес. Врать не буду, а только мне кажется, что он тоже глаз на Маринку положил. Мед он ей вчера притащил. Аж цельную пятилитровку. Но когда уходил, Маринка точно еще жива была.

— А во сколько это было?

— Вот убей бог, не посмотрела. А только он на крыльце обернулся и крикнул: пока, мол, Марина, до скорой встречи! Еще, мол, зайду!

— Ну, это и мертвецу крикнуть можно. Специально, чтобы вы услышали, — заметил Баранов. — А еще кто?

— Еще-то? Васька-пастух был. С последним солнышком. Походил-походил возле Маринкиной калитки, да и ушел восвояси. Видать, без денег был. А уж пьяный — ужас до чего. Еле на ногах стоял.

— Лейтенант, веди нас к этому пастуху Василию...

— Василию Стрешневу. Да-да, он тоже Стрешнев, — пояснил участковый. — Только никакая он Ивану Никанорычу не родня. Однофамилец, вот как баба Дуня. Пустой человек этот дядя Вася. Его даже коровы не уважают.

Они шли по вымершей улице, зорко поглядывая по сторонам. Знали — смотрят, смотрят на них во все глаза сквозь каждую занавеску! И хоть бы кто вышел, пусть даже ради любопытства...

С очередной остановкой в руке, чуть покачиваясь, взирал на четверых мужчин, бредущих под палящим солнцем, и доктор Лукьянов.

— И ходят, и ходят, и хороводы водят, — бормотал сельский врач. — И невдомек им, что убийца-то — вот он, рукой подать...

Когда поравнялись с покрытой дранкой избой, Виталий заметил, что занавеска в окне колыхнулась.

— В доме кто-то есть, за нами смотрит, — сообщил Кучихин. — Зайдем?

— Может, показалось вам, товарищ капитан, — несмело предположил Филимонов.

— И мне показалось, да? — возразил Кудря. — Я тоже видел какое-то шевеление.

— Заглянем, пожалуй, — решил Баранов.

На свою беду решил...

Во дворе отчаянно лаяла собака, гремя цепью, мужчины поднялись на крыльцо, и Филимонов оглушительно заколотил в дверь. Им никто и не соби-
рался открывать.

— Дома хозяйева, — заметил Виталий. — Дверь изнутри на засов заперта.

Шорох раздвигаемых кустов заставил всех обернуться. Какой-то маль-
чишка, перемахнув через соседский забор, улепетывал со всех ног.

— Из окна слинял, — зачем-то пояснил участковый и тут же выпучил глаза
от страха, увидев, что прямо на них несется огромная беспородная собака.

Кудря, позабыв о пояснице, пулей метнулся к калитке, за ним, ничего не
соображая, понесся Виталий. А пес, игнорируя участкового, прямехонько
устремился к следователю Баранову и с ходу вцепился зубами в дорогое
сукно его форменных брюк.

— Фу, фу, Шарок! — бестолково выкрикнул Филимонов.

Баранов, сцепив зубы, подобно рычащему Шарку, инстинктивно пятил-
ся к калитке, волоча тяжеленную собаку за собой. Наконец штанина с тре-
ском лопнула, и Шарок, унося в пасти клочок синей материи, с довольным
видом посеменил в свою будку.

Вывалились на пыльную дорогу, отдышались.

— Это пацан кобеля спустил, — проговорил участковый.

— Нет, ты мне скажи, лейтенант! — истерично выкрикнул «важняк». — Вот
ты, ты тоже в мундире! Почему он на твои копеечные брюки не накинулся?

— Как же, — снисходительно усмехнулся Филимонов, — накинется он...
Еще чего... Я же свой, а вы — чужой.

— А вы так ничего и не поняли, Геннадий Юрьевич? — пристально по-
смотрел в глаза Баранову Кучихин. — Вся деревня знает, кто убил Марину
Волкову! От мала до велика! Но нам никто убийцу не сдаст! Это только так
кажется, что тут сплошь одни сплетники. А копни поглубже — в камень
упрешься! Деревня умеет хранить свои секреты. Верно, участковый?

— Какой ты умный, Кучихин! — взорвался следователь. — Куда нам
до тебя!

— Может, покушать хотите? Время к полудню, а вы не евши, — ни с того
ни с сего, предложил Филимонов. — Да и брюки заодно у меня переодене-
те... Пастух все равно далеко, со стадом. К вечеру только придет.

— Сыт я! По горло сыт вашим гостеприимством! — воскликнул Баранов.

— А то покушали бы, передохнули, — нудно тянул свое участковый.

— Нечего нам тут рассиживаться, веди к пастуху!

Пастушья изба притулилась на самом краю деревни. Покосившаяся дверь
в хату была полуоткрыта.

— Дядь Вась! — крикнул участковый.

— Пошли, пошли, — подтолкнул его Геннадий Юрьевич и решительно
ступил за порог, вслед за ним — остальные.

Пастух Стрешнев длинно вытянулся на лавке и признаков жизни не подавал.

— Дядь Вась, — тронул его за плечо Филимонов.

— А? Что? Володька, кто это?

В горле пастуха клекотало и хрипело. Он с трудом поднял себя из лежащего положения и принял сидячее.

— Ты чего не со стадом, дядь Вась?

— Болею, Володька, — жалобно ответил пастух. — Малого послал...

— Малого? Это Костька-пацан, что ли? Подпасок твой?

— Костька-малой, он с коровами.

Виталий вдруг звонко шлепнул кулаком о ладонь и воскликнул:

— Малой! Малой! Акции! Наследство! Ключи, Геннадий Юрьич! От машины!

Оторопевший Баранов тут же бросил ему брелок с фигурным ключом, и Кучихин выбежал из хаты. Геннадий Юрьевич задумчиво посмотрел ему вслед и нараспев проговорил:

— Сошел с ума-а... А что? Тут это недолго. Садитесь к столу, гражданин Стрешнев. Протокол составлять будем.

— А вот и волковская самогонка, — склонившись над лавкой, произнес Кудря.

Возле нее лежала на боку пустая пыльная бутылка, зачем-то заткнутая почерневшей от времени пробкой, второй такой же «пузырь» еще «держался» стоя — на дне мутно поблескивали остатки сивухи.

Геннадий Юрьевич брезгливо поднял из-под стола рваный ботинок, осмотрел подошву. Опытным глазом он сразу различил несколько сморщенных смородиновых ягод и кровавую блямбу на мыске. Впрочем, тут и опытного глаза-то не требовалось.

— Вот, смотри! — ткнул он в нос пастуху его ботинок. — Ты думаешь, мы просто так, в гости к тебе пришли? О сенокосе поболтать? Ты натоптал ягод и испачкался кровью в доме убитой тобой Марины Волковой!

— Опохмелиться бы, — брякнул пастух без должного уважения к улике.

— Все! Отпохмелился уже! — Баранов припечатал ботинок к столу. — Пиши явку с повинной! Пиши, Стрешнев, или до конца дней сидеть будешь! Сдохнешь на зоне!

— Пиши, дядь Вась, — поддакнул Филимонов. — Люди издалека приехали... Не емши...

— Да как же писать-та-а? — навзрыд заголосил пастух. — Руки трясутся...

Кудря положил перед дядей Васей лист бумаги и ручку.

— Пиши, дурак! — тряс податливое тело Баранов. — Я тебе как лучше хочу! Завтра, после экспертизы, поздно будет!

— Налей ему, Гена, — посочувствовал пастуху Кудря. — А то ведь, не ровен час, помрет еще.

Дядя Вася звучно допил самогон прямо из горла, утерся и гулко стукнул себя кулаком в грудь:

— Чем в таз, лучше — в нас!

После чего заговорил уже степенно, рассудительно:

— Я выпимши был, помню неважнецки. Пошел я к ей, к Маринке-та, как совсем уж ночь. Второй раз пошел. В первый-то раз несолоно хлебавши домой воротился. Думал, перетерплю, ан нет. Так это, значит, свет у ней в сенях горел. А уже за полночь. Думаю, может, пожалеет, даст бутылку-та. Ну что ей одна бутылка? У нее их тыщи! Куркулиха... А дальше? Не припомню. Помню только, лежит она в сенях вот так вот. — Стрешнев скосил голову набок и раззявил беззубый рот. — Я постоял, решил, что мерещится мне. Ну, «белка» пришла. Это со мной бывает. Енту «белку» озорную только сивухой отогнать можно, иначе никак. Ну, я хватъ две бутылки из ящика, и побег...

— «Белку» отгонять? А ты помнишь, как ты учительницу топором по голове хряснул? — грозно спросил Баранов.

— Не помню... Судите... Выпимши был.

— Так и запишем. Совершил убийство на бытовой почве в состоянии алкогольного опьянения...

Словно утверждая незыблемость выводов следствия, Геннадий Юрьевич вернул участковому Филимонову пистолет. Словно наградное оружие вручил.

Глава 5

КНЯЗЬ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ МАЛОЙ

— Пьер Малуа — это Петр Малой! — торжественно провозгласил Кучихин, вваливаясь с ноутбуком в пастушью избу.

За окном тарахтел двигатель «шевроле». Виталий начал писать пальцем на пыльной поверхности стола:

— По-французски фамилия Малуа пишется так: Maloi. У них был премьер-министр Пьер Береговуа, а это просто-напросто Петька Береговой. Из наших эмигрантов.

— Что ты гонишь, Кучихин? — досадливо сморщился Баранов. — Какие, на хрен, эмигранты?

— Надо же, Петька Береговой, — задумчиво проговорил Кудря. — Французский премьер...

— А теперь смотрите, что я в Интернете разыскал. — Виталий раскрыл ноутбук, потыкал пальцами в клавиши. — Вот, читайте! «Малые —

ударение на «ы», Геннадий Юрьич, — князя, известны с пятнадцатого века как младшая династическая ветвь удельных князей Собакиных (Собака)...

При слове «собака» Баранова передернуло. Виталий меж тем продолжал:

— «При Иване Грозном впали в немилость... Лишились большинства своих вотчин... При Петре Первом окончательно сошли с политической арены Российской Империи...» А вот: «Последнее крупное родовое поместье Малых, село Покровское, было продано графу Андрею Стрешневу в 1860 году. Стрешневы никогда не бывали в Покровском, все дела вел управляющий...» Ну, дальше не интересно.

— Вот почему здесь полдеревни Стрешневых, — вставил Кудря.

— Объясню, — продолжал Кучихин. — В 60-х годах девятнадцатого века крестьянам стали выдавать паспорта, и, соответственно, присваивать фамилии. Графский управляющий взял да и вписал барскую фамилию в паспорта почитай всех покровских крестьян. Так, кстати, было принято в то время повсеместно. Лишь наиболее уважаемые крестьяне получили фамилию по имени отца. Так появились Филимоновы, Лукьяновы... Остальные — Стрешневы.

— Выходит, нас уважали, — гордо произнес Филимонов. — И предков доктора Лукьянова — тоже. Надо бы с ним помириться.

— Вопрос: что делает в этих краях французский подданный, русский князь Петр Малой? А? — хитро посмотрел на Баранова Кучихин. — И чем ему мешали Волковы?

— Н-да... Прямо-таки барин из Парижа! — покачал тот головой.

— Из Лиона, — поправил его Виталий.

— Из Парижа, — встал на сторону давнего приятеля судмедэксперт Кудря. — Он у нас в городе в гостинице «Париж» живет. Помните, председатель говорил?

— Так, — хлопнул себя по коленям Баранов. — Вот сидит убийца Марины Волковой. Пока ты, Кучихин, носился по деревне с вытаращенными глазами, Василий Стрешнев собственноручно написал чистосердечное признание. Улики тоже наличествуют. Оформим как явку с повинной.

— А как же Малуа? — мгновенно скис Кучихин.

— Князя допросим, — милостиво наклонил голову Баранов. — Для порядка. И полной ясности. А теперь — домой. Пастуха забираем.

— С Иваном-то Никаноровичем хоть проститься зайдете? — с обидой спросил участковый.

— А как же! — важно изрек следователь и посмотрел на капитана: — А ты молодец, Кучихин, баллоны у моего «шевроле» накачал... Да как быстро. Я-то думал, ты только из Интернета качать можешь. Извини, ошибался в тебе.

В конторе правления было душно и почти безлюдно.

— Ну что ж, товарищ Стрешнев, убийцу мы задержали, это пастух... ммм... извините, тоже Стрешнев. Василий, — неспешно проговорил Баранов, войдя в кабинет к председателю.

— Поздравляю, — пожал тот плечами.— Вот что значит профессионалы своего дела.

— Иван Никанорович! — встрял в разговор Кучихин. — Говорят, вы каким-то образом еще до прибытия к вам рано утром участкового Филимонова уже точно знали, что Марина Волкова убита топором...

— Говорят, кур доят! — резко оборвал его Стрешнев и неожиданно весело рассмеялся: — Нет, серьезно, а мне нравится этот ваш молодой сотрудник! — И тут же, сразу посерьезнев, продолжил: — Так вот, юноша. Объясню. До сегодняшнего дня во всей нашей округе был только один душегубец. Чужак. Пасечник Тройно. Последний раз он сидел именно за убийство. Зарубил человека топором. И, когда Филимонов рано утром сообщил об убийстве учительницы, в первый момент мне пришел на ум именно этот пасечник. Если не ошибаюсь, это называется ассоциативным мышлением...

«Шевроле» снова ехал проселком, переваливаясь, как гусыня.

— Не тужи, отец, — утешал пастуха Виталий. — Есть правда на свете. От своих первоначальных показаний ты имеешь право отказаться, так как ты их давал под давлением и в состоянии тяжкого похмелья. Я тебя завтра допрошу беспристрастно, когда хоть немного в себя придешь.

— Это если тебя кто-нибудь допустит вести повторный допрос, — сквозь зубы процедил Баранов. — Все, Кучихин, покрасовался, и довольно. А топор ты лихо из колодца выудил. Отмечу в рапорте.

— Между прочим, сегодня футбол, — подал голос Кудря. — Наши играют с «Локомотивом».

— Да? — живо откликнулся Геннадий Юрьевич. — На чьем поле?

— На нашем. Можно еще успеть на стадион.

— Вы только мимо пасеки в спешке не проскочите! — как-то жалобно выпалил Кучихин.

— Заедем, заедем к этому Тройно, — по-барски успокоил его «важнюк». — Все точки над «і», как говорится, должны быть расставлены, протоколы составлены.

Кудря остался в машине караулить пастуха, а Геннадий Юрьевич с Виталием, выйдя из «шевроле», направились к покуривающему пасечнику. Тройно был совершенно голый, только бедра обтянуты полотенцем.

— Здорово, начальники! По мою душу прибыли? Ну-ну. Прознали про мои старые дела, теперь будете мне «лапти шить»?

— Будем, будем, — кивнул Баранов. — Ты нам, Тройно, расскажи, что ты вчера и сегодня ночью делал. Да так расскажи, чтобы мы поверили.

— Значит, все-таки «мокрое» дело шьете. Шить я тоже умею. Иголочку с ниткой принести, начальник? — с издевкой подмигнул пасечник. — У тебя брючки не в порядке.

— Ты не хами, Тройно! — Глаза Баранова стали похожи на две бритвы. — Не забывай, что ты — поднадзорный.

— Да где уж тут забыть... Разве с вами забудешь. В общем, вчера я повез где-то с центнер меда в заготконтору. Сами понимаете, это дело долгое.

— И почему сдал мед?

— По двести пятьдесят рубчиков за кило, — с гордостью произнес Тройно.

— Ничего себе! — отреагировал Кучихин. — Щедр ваш председатель.

— Мой мед — особенный. Про то все знают.

— И Марина Волкова знала? — вкрадчиво спросил Баранов.

— И Марина, — ележно ответил пасечник. — Уже поздно вечером я на радостях зашел к ней, отнес пятилитровую банку меда. В подарок. Она же не может себе позволить мед в магазине покупать. Жалко мне ее стало. Заклевали ее тут совсем, ее и меня.

— А ты ее взял да зарубил... — подхватил Баранов. — За то, что Марина отказала тебе. Ты ведь к ней «клеился»?

— Ну, то что «клеился», это суцая правда, — горестно вздохнул пасечник. — Но Марина не из таковских оказалась. Все равно я, начальник, надежды не терял. А потому мне убивать ее никакого резону не было. Я терпеливый, дождался бы своего часа...

— Послушайте, Тройно, — заговорил Кучихин. — Вот вы говорите, что пасечник вы хороший. Как же вы могли выламывать соты до 14 августа? У вас ведь, пчеловодов, не принято забирать мед до наступления первого, Медового Спаса, иначе пчела обидится. А сейчас даже не самый конец июля.

— Ишь ты! — восхитился Тройно. — Все ты правильно говоришь, начальник. Только ведь я человек не церковный. Понадобились деньги — продал мед. Хочу к зиме успеть новый сруб поставить.

— А ну, повернись спиной, — вдруг скомандовал Кучихин.

Тройно, сплунув, медленно повернулся.

— А говоришь, не церковный, — ласково пристыдил его Виталий.

На заросшей спине Тройно синела огромная татуировка: собор с пятью куполами.

— Так ведь пять ходок, начальник, — подмигнул пасечник.

— Тройно, где та одежда, в которой вы вчера заходили к Марине Волковой?

— Сжег я ее, — ответил тот с вызовом. — Вообще всю свою одежду сжег. Даже трусы. Да вы же видели, когда утром мимо проезжали. Я лучше себе все новое куплю, чем опять зоновскую робу напялю.

— Ты сжег улику! — выкрикнул Баранов.

— Во! Я так и знал! — назидательно поднял палец Тройно. — Уже улика, понимаешь! Выходит, правильно сжег. Молодец! А то вам бы лишь человека посадить. Я ж матерый рецидивист, кого еще сажать-то? Мигом бы мои шмотки на экспертизу отправили. А уж что там ваша экспертиза покажет — заранее сказать можно. И к гадалке не ходи.

— Насчет экспертизы, — подошел к нему Кучихин, держа в руке ботинки Тройно, стоявшие до того на крылечке. — Мы забираем твои шузы.

— А шузы-то зачем? — опешил пасечник.

— А ты посмотри. Видишь, красная смородина раздавленная застряла в ребрах на подошве?

— Шутишь, начальник? У меня вон ее сколько, этой смородины, осыпается уже! Хочешь, рви.

Неожиданно для всех Кучихин и впрямь сорвал с каждого куста по веточке ягод, аккуратно сложил их в пакет.

— Что ж вы не спросите, как это я утром, в такую рань, про убийство Марины узнал? А? — глумливо проговорил Тройно.

— А мы знаем, что ты ответишь, — скучным голосом ответил Кучихин. — Мол, мимо тебя все ездят, а сейчас страда, спозаранку механизаторы на поля вырывают. Я спрошу, кто конкретно тебе про Марину сказал, а ты скажешь, что не помнишь, потому как тебя на зоне по башке стукнули, и у тебя теперь провалы в памяти.

— А ты умный, начальник! Уважаю...

— Ну, что скажете, Геннадий Юрьевич? — допытывался Кучихин у Баранова, когда они снова тронулись по шоссе. — Столь щедрая оплата раннего меда смахивает на аванс за убийство Марины Волковой. Или — запоздалый расчет за убийство ее мужа, Сергея Волкова, в начале марта. В этом случае пасечник никакого дома строить не будет.

— Почему? — без всякого интереса отозвался следователь. — Смотрите: допустим, вчера в заготконторе колхозные власти расплатились с Тройно за убийство директора школы. Как рассчитаться за второй труп, за Марину? Уверен: совхоз выкупит пасеку за огромные деньги и выставит этого Тройно на все четыре стороны. От греха подальше. — Он вдруг поморщился и добавил: — Елки! Пока мы до города доедем, этот наш задержанный по обвинению в убийстве Марины Волковой, сознавшийся пастух Василий Стрешнев, мне всю машину провоняет. Целый день проветривать придется.

Виталий изо всех сил старался держать себя в руках:

— Геннадий Юрьевич! Вы ведь будете настаивать на проведении генетической экспертизы подошвы ботинка пастуха?

— А зачем? — вяло и даже с какой-то издевкой спросил Баранов. — Он ведь не отрицает, что убил учительницу. Правда, Василий?

— Правда, — сдавленно отозвался пастух.

— Во-от, — удовлетворенно резюмировал «важняк». — Теперь объективно. Мотив у него был? Был. Возможность была? Была. Алиби нет. К тому же — правша, и рост подходящий. Мы еще на следственный эксперимент его свозим, и он все-е-е нам покажет. Верно, Леня?

— Совершенно верно, — подтвердил Кудря. — А что касается генетической экспертизы на предмет совпадения генных характеристик ягод с подошвы пастуха и красной смородины на полу потерпевшей Волковой...

— И еще одной такой же сравнительной экспертизы ягод с ботинок пасечника, смородины с его участка и смородины из сени убитой Марины! — выкрикнул Кучихин.

— Вот видишь, сколько экспертиз, — упрекнул, а скорее, даже пристыдил Виталия судебный медик. — Это же месяц ждать, если не больше.

— Ну да! Разумеется! — вспыхнул Виталий. — Потому что наши генные эксперты только и делают, что «левые» деньги заколачивают. Бабки гребут. Денно и ночью. Проводят для частных заказчиков генетические экспертизы на предмет установления отцовства. И ладно бы, честно проводили! А то — если мать дает вознаграждение, то, конечно, результат положительный — плати, рогоносец, алименты. Твой ребенок. Или живи со мной.

— Такие экспертизы нельзя проводить честно и дешево, — рассудительно произнес Баранов. — Если их честно проводить, и если такие экспертизы станут доступны для всех, кто сомневается в своем отцовстве, то у нас половина семей распадется. Да еще и поубивают, черт знает сколько, жен-изменниц. Ты этого хочешь, Кучихин?

— Нет, не этого. Пусть живут и радуются. Я только хочу провести необходимые экспертизы по нашему делу! Сегодня же!

— Ты идеалист, — мягко попенял Виталию Геннадий Юрьевич.

— Ничего подобного! Я эксперту преподнесу вот это. — И Кучихин продемонстрировал запястье с посверкивающими позолотой швейцарскими часами, вызывавшими черную зависть у Баранова.

— Да, ты и впрямь не идеалист, — оценил он жест Виталия. — Ты азартный мужик, Кучихин! Почет мой тебе и уважение! Поедешь с нами на футбол?..

... На следующий день французский подданный Пьер Малуа был вежливо приглашен на допрос в областную прокуратуру. У князя Малого хватило мозгов, чтобы на сей раз одеться соответствующе началу 21 века.

— Нет, это просто фантастика! Это кошмарный сон какой-то! — кипятился потомок древнего рода.

— Успокойтесь, Петр Николаевич, — подал князю стакан воды Баранов.

Пред «ясны очи» его светлости был допущен и Виталий Кучихин — на случай, если в ходе допроса возникнут языковые трудности. Таковых трудностей, впрочем, не оказалось: выяснилось, что князь с детства знает русский язык и лишь имитировал акцент.

Кучихин пребывал в подавленном состоянии: генетическая экспертиза установила, что раздавленные ягоды с подошв ботинок Тройно действительно совпадают с генными характеристиками красной смородины, растущей на его пасеке. Таким образом, даже косвенных улик против пасечника не было никаких. Зато, опять же, благодаря швейцарским часам Виталия, нашла подтверждение основная версия Баранова: на ботинке спившегося пастуха была та же смородина, что рассыпалась по полу в сенях потерпевшей. А кровь на подошве, безусловно, принадлежала убитой Марине Волковой — это уж обычная экспертиза установила, не генетическая. У Виталия Кучихина была одна-единственная, последняя и весьма слабая надежда все-таки докопаться до истины — показания князя Малого.

— Хочу сразу поставить в известность, — отодвинув стакан с водой, заговорил Петр Николаевич, — что в ночь убийства Марины Волковой я с вечера до утра был на банкете в отеле «Париж». Это могут подтвердить сто человек.

— Мы проверим, — кивнул Баранов.

— Что касается начала марта... Ну, той самой ночи, когда в конюшне погиб Сергей Волков, то я действительно был в тот день в Покровском. Но я уехал в половине девятого вечера и уже к девяти был в отеле. Это как-то стыкуется со временем наступления смерти директора школы?

Виталий промолчал, кусая губы. Точных данных на сей счет у следственных органов не имелось. Да и не было вообще никакого следствия, даже вскрытия не проводили! Причина гибели Сергея Волкова почему-то (почему?!) была для всех очевидной и никаких сомнений не вызывала: несчастный случай.

— Петр Николаевич, — деликатно заговорил Кучихин. — Вы здесь не по обвинению в убийствах. Вы всего лишь подозреваетесь в незаконной коммерческой деятельности на территории России, которая могла эти убийства спровоцировать.

— А! Понятно. Тогда слушайте. Мой отец, князь Николай Малой, завещал мне текстильную фабрику в Лионе. Но перед самой смертью, пару лет назад, он взял с меня клятву, что я вернусь в Россию, выкуплю наше родовое поместье Покровское, женюсь на достойной русской женщине, и таким

образом на российской земле возродится наша династия князей Малых. Я приехал, узнал про замечательную покровскую воду, захотел цех по розливу открыть. Ну, чтобы доходы были у моего поместья. Фабрику-то я решил продать.

— Ясно. И этой русской женщиной, вашей будущей супругой, вы избрали Марину Волкову, — подсказал Кучихин.

— Да, — удивился Малой. — Откуда вы знаете?

— Судя по всему, эта молодая женщина достойна была стать даже спутницей жизни Рафаэля или Петрарки, — с горечью проговорил Виталий, — хотя и торговала самогоном... Но никак не супругой ряженого эмигранта! Вы же насквозь фальшивы, хоть и природный князь.

— О да! — подхватил Малой. — Теперь я это понял. Это ради Марины ваш покорный слуга, человек, совершенно не знающий России и русских людей, рядился таким ветхозаветным франтом. Глупый... Думал поразить бедную учительницу своим необычным, сказочным видом! Марина не только не любила меня, но даже ненавидела, хуже того — презирала. Они с Сергеем узнали, что Иван Стрешнев обобрал своих земляков и, пользуясь их безграничным доверием, присвоил себе крестьянские земельные акции. Сергей и Марина решили, что он хочет продать совхоз мне, а сам — уехать во Францию. Я ему, в самом деле, предлагал это, обещал помочь обустроиться хоть в Ницце, хоть в Париже. Он даже увлекся французским языком, сначала — чтобы со мной нормально общаться, а потом вошел во вкус. Ну вот. Стали Сергей и Марина народу правду говорить, что Стрешнев их ограбил, отнял у них кровную землю, поля, реки, леса! А людям эта правда оказалась не нужна. Вот и сгнули оба, и Сергей, и Марина... Я читал, что когда первые народовольцы пошли в народ, в деревню, и стали там агитировать крестьян против царя и господ, то мужики этих интеллигентов, не понимающих Россию, просто убивали.

— Ну, это лирика, — прервал князя следователь Баранов. — А вы хотели выкупить акции?

— Да. Не поверите — по сто тысяч евро за каждую Стрешневу давал! Это больше 20 миллионов евро за все! И что вы думаете? Стрешнев не взял! А ведь по закону ему ничего не мешало! Не понимаю... Ну, зачем ему эти бумажки, скажите на милость? А? Он ведь простой мужик, лапотник. Другое дело — я. Я — князь Малой, исконный барин этой деревни!

Виталий смотрел на князя, испытывая что-то вроде сострадания к этому так ничего и не понявшему человеку.

— Мой вам совет, Петр Николаевич. Возвращайтесь на родину, во Францию. Не приняла вас Россия.

ЭПИЛОГ

— Входи, Осип Никитич!

Кругленький, облысевший к 30-ти годам бухгалтер с довольным видом прошествовал в кабинет Стрешнева.

— Я только что из райцентра, Иван Никанорович.

— Ну и как?

— Порядок. Договорился с транспортниками. С 1 сентября будем детишек на автобусе возить в район, туда и обратно.

— Вот и славно. Школа там средняя, а не начальная, как у нас была. И городок скромный, маленький, не то, что областной центр. Авось там не испортят нашу ребятню. И вот что, Осип Никитич. — Стрешнев грузно поднялся, принялся расхаживать по кабинету. — Урожай в этом году хороший. И договора на поставку молочной продукции мы очень выгодные подписали. Так что... Начинаем, брат, Покровскую церковь заново отстраивать. Сами. Без чужаков.

— Правильно, Иван Никанорович! — подхватил бухгалтер. — Я смотрел, там, в бурьяне-то, фундамент весь целый, вполне пригодный. Может, только укрепить чуть-чуть потребуется.

— А лес для церкви будем в Архангельске покупать, — продолжал председатель. — Хватит уже сводить на корню свой сосновый бор.

— Малуа-то в свою Францию, сказывают, уехал, — хихикнул Осип Никитич.

— Скатертью дорога! — махнул рукой Стрешнев. — Ай-яй-яй, князьенка, шалишь! Он, вишь ты, хотел и древние порядки соблюсти, и капитал приобрести. Дырку в земле бурить. Божий дар за деньги продавать.

— Одно слово — чужак, — осуждающе произнес бухгалтер.

— Эх, Осип Никитич, молод ты, не помнишь! Мои-то родители, царство им небесное, тоже здесь вроде как чужаками были.

— Разве? — опешил бухгалтер. — Не знал...

— А то как же. Перед войной отец с матерью в столице нашей Родины жили. А фамилия-то на Москве известная, на слуху. Стрешневы — не Пупкины какие-нибудь. Тогда за одну фамилию даже простых людей к стенке ставили. А ну как заявятся, скажут: а вы, часом, не из графьев Стрешневых будете? А? И решил отец тут, в Покровском, поселиться, замешаться среди таких же Стрешневых, колхозных крестьян. Отсюда и на фронт ушел. Вернулся Героем Советского Союза, стал председателем колхоза. Все силы свои этой земле отдал, ее людям. Братик мой и сестричка еще в младенчестве умерли, а я уж в сытое время родился, в 58-м. Последыш, поскре-

быш... Тоже вот Героем стал, только не Союза, а Соцтруда. Так-то, Осип Никитич. А князьев да графьев нам тут не надо. Простой русский человек в наше время гораздо больше добра на этой земле сделает. И люди его не за титул любить будут и спасибо говорить.

— Иван Никанорович, а с пасечником-то что делать? — робко напомнил бухгалтер.

— Дай ему за пасеку, сколько попросит, но в разумных пределах, и пусть себе катится на все четыре стороны. Нам в колхозе ТАКИМ убийцам не место.

— Кстати, Иван Никанорович. Через неделю суд будет. Над Васькой-пастухом. Подвели мужика под статью, и довольны...

— Да прекрасно они знают, что не того взяли. Просто им это все — до одного места.

— Так вы на суд-то поедете, Иван Никанорович?

— Поеду! Общественным защитником буду. И даже не столько ради самого дяди Васи, однофамильца моего, а ради участкового Филимонова. Больно уж он убивается, что дядя Вася вместо него сидеть будет.

— Я Филимонова тогда сразу заподозрил... — осторожно проговорил бухгалтер.

— А то! — горько усмехнулся Иван Никанорович. — Помнишь ведь, как он, когда возле бани дрова колол, все на топор поглядывал, да нет-нет, по лезвию пальцем проведет, как во сне. А пока баня топилась, отлучился куда-то. Ну, какие такие дела у участкового посреди ночи? Вернулся же сам не свой. Сидит в парилке, как истукан, не замечает, что уж у него от жара кровь носом идет. И верил ведь, что мы с тобой его не выдадим. Хотел сухим из крови выйти. А потом опомнился, теперь вот сам сдаваться надумал. Пришел ко мне, каялся. Все рассказал. И говорит: забери ты у меня пистолет, за ради Христа, Иван Никанорыч! Не ровен час, застрелюсь, мочи моей больше нет жить на свете! Я говорю: коль не застрелишься, так удавишься. Тебе, говорю, другой крест на роду начертан — всю жизнь оставшуюся на могилах Сергея и Марины плакать, молить Бога, чтобы упокоил их души и простил твою душу грешную. Он и заплакал... Жалко мне его стало. Начал я Филимонова успокаивать, ерунду ему всякую говорить. Он вроде поверил, затих...

— А что говорил-то, Иван Никанорович?

— Да так... Само как-то вышло. Говорю, мол, Сергея и Марину сами люди осудили, а ты ведь — всего лишь слуга народа. Вот такая, дескать, сермяжная правда.

— Это что же получается, Сергея — тоже он, Филимонов?..

— Нет, — отмахнулся Стрешнев. — Там и вправду несчастный случай был, конь в висок лягнул. Но и Филимонов грех на душу взял. Для Божьего суда он — все равно что убийца Сергея Волкова.

— Это как же?

— Эх, Осип Никитич... Любил он ее, Марину-то. Любил до смертной тоски. Люто завидовал Сергею — сперва живому, а потом уже — мертвому. А тогда, в начале марта, как стемнело, пошел Филимонов к дому Волковых, чтобы хоть издавеча на Марину посмотреть. А свет в доме горит, с улицы все видать. Смотрит — а у Марины князенька этот, Малуа, в своем наряде потешном. Сергей-то в школе по своим директорским делам засиделся. Ну, тут словно бес какой-то стал Филимонову нашептывать, что, мол, делать дальше. Побежал он в школу, Сергея за собой притащил: смотри, мол, как твоя жена-раскрасавица с французом приезжим путается! Сергей через окно и увидел, как этот Малуа перед Мариной на коленях стоит, да за ноги ее хватает, а она все отпихивается... Ну, Филимонов-то рассчитывал, что Сергей, как настоящий мужик, этого французешку прибьет, тут-то он, участковый, его и арестует. А Марина, стало быть, свободной станет. Ан, нет! Не учел Филимонов, что Сергей-то — «интеллигент». Молча повернулся и прочь пошел. Филимонов догнал его и к себе привел. Водку достал, а в водку таблетку клофелина кинул. У него от матери покойной тот клофелин остался. Сергей сразу с катушек долой, уснул как убитый. Дом-то у Филимонова — напротив конюшни, туда он Сергея и отволок. Ключ у него был, как и положено участковому. На сено положил, ворота в конюшню запер за собой, чтобы, значит, если Сергей раньше времени очухается, выйти не смог бы, а в руку ему бутылку вложил. Проща, видать, его ночью лягнул — дух водочный коня взбесил. А Митрич-то, как спозаранку конюшню отпер, Сергея увидел, стал ему голову поворачивать, да в крови испачкался. Это он ладонь о загородку вытер.

— А что же Филимонов?

— Филимонов из конюшни к Марине пошел. Француза она уже выставила. Участковый ей и говорит: вот ты меня отвергла, а муж твой любимый сейчас в школе с Ленкой-потаскухой милуется. Он-то, Филимонов, со своей мелкой душонкой, надеялся, что Марина поверит и со зла тут же Сергею отомстить согласится, как это обычно бабы делают. Чем думал человек, не пойму. Точно, спятил. Кинулась она в школу, там нет никого. Всю ночь Сергея по деревне искала. А он мертвый на конюшне лежал.

— Да, дела... — протянул Осип Никитич. — А за что же он Марину-то зарубил, Иван Никанорович?

— После похорон Сергея не мог Филимонов в глаза Марине смотреть. А жить и знать, что есть на свете эти глаза, он тоже не мог. Потому как дороже этих глаз для него ничего на этой грешной земле не было. Умом тронулся человек. А бес, он коли в душу вошел, то просто так не уйдет, если в церковь человек ходить не станет. Вот и подсказал нечистый Фили-

монову, когда он дрова у меня возле бани колот, как покончить разом со своими страданиями.

— Что ж вы, Иван Никанорович, сдаться властям ему не позволяете?

— Тюрьма, Осип Никитич, не место для покаяния. На Руси в прежние времена таких не судили. По любви безумной убил, не из корысти. В монастырь на год отправляли, на покаяние.

Стрешнев быстро подошел к шкафу, достал из-за него какую-то картину и, показывая ее бухгалтеру, пояснил:

— Это, Осип Никитич, мой родной прапрадед. Он тоже убил из-за любви... И суд его отпустил, оставил «на волю Божию». Была раньше такая вот прекрасная судебная формулировка... А по Божьему-то установлению, за грех своего предка его потомки будут отвечать вплоть до четвертого колена. Вот, стало быть, я и есть четвертое колено — праправнук. Других уж не будет. Бездетный я.

Дверь вдруг бесшумно отворилась, и в кабинет заглянул участковый Филимонов. Прокашлявшись, он вплотную подошел к Стрешневу и вежливо произнес:

— Здравствуйте, Иван Никанорович. — Затем обернулся к бухгалтеру, протянул ему какой-то пакет: — Осип Никитич, я тут все написал. Передайте, пожалуйста, это прокурору области.

Неожиданно Филимонов снова повернулся к Стрешневу, и в руке его что-то блеснуло.

— Я вот все думал над вашими словами... Значит, Иван Никанорович, Сергея и Марину люди приговорили? А ведь главный у нас из людей — это вы, Иван Никанорович... — И тут же раздался громкий выстрел.

...Когда Стрешнев умирал, на лице его не было ни боли, ни страха, ни растерянности. Только портрет выпал из мертвых ладоней рухнувшего на пол председателя.

Филимонов задумчиво посмотрел на него, глубоко вздохнул, поднял руку с зажатым в ней пистолетом и, зажмурившись, выстрелил себе в висок.

Осип Никитич долго стоял, как в тумане, затем медленно подошел к картине, пристально вгляделся в нее.

На бронзовой табличке, прикрепленной к золоченой раме, было выгравировано буквами дореволюционного алфавита: «Его Сиятельство Графъ Андрей Петровичъ Стрешневъ, генераль отъ инфантерии». □

Что есть медицина сегодня?

С начала времен до сегодняшних дней люди продолжают спорить — что есть медицина: наука или искусство? Попробуем разобраться в этом.

Итак. В древние века она, несомненно, была искусством. Отголоски этого искусства мы и сегодня встречаем в повседневной традиционной, и не очень, медицине.

Рефлексотерапия, массаж, мануальная терапия, биологические активные добавки (в виде корешков, отваров, настоек, которыми пользовались «колдуны», «знахари» и «лекари» всех времен и народов) широко известны и применялись в лечении довольно многих заболеваний.

Цирюльники «отворяли кровь», повивальные бабки, шепча непонятные слова, ловко выворачивали младенцев из лона матери, знахари и лекари (тоже большие любители «заговоров и отворотов»), воздействуя на биологически активные точки иголками, заостренными палочками, да и просто пальцами, вправляли грыжи, лечили ущемления нервов, избавляли от недугов. Любой ребенок знает, что был такой сказочный Дуремар, который лечил всех пиявками, и что «лук — от семи недугов».

С ростом технического прогресса развивалась и медицина.

Появление первых вакцин, первых синтезированных из нескольких компонентов лекарств (аптекари особенно были уважаемы в прежние времена), а главное, появление углубленных знаний в анатомии, физиологии, гистологии и других дисциплинах, здорово продвинуло медицину как

науку. Физика, химия, математика, геометрия — стали неотъемлемыми ее частями.

Почему, спросите вы? Возьмем хотя бы физику. Она, во всех ее проявлениях, используется в аппаратах физиотерапии, в лазерных и радиоволновых скальпелях, в сложнейших приборах — от ультразвуковой диагностики до аппаратов искусственной вентиляции легких. И вообще, искусственные протезы, искусственные сосуды, суставы, да и целые органы созданы на основе разработок специалистов по биологической и органической физике.

Что касается химии — она присутствует во всех лекарственных соединениях: таблетки, мази, инъекции и многое другое.

А что связывает медицину с математикой или с той же геометрией? И на этот вопрос есть ответ: взять хотя бы математически просчитанные и испытанные программы диагностик организма, такие, как биорезонансные методы, точнейшие измерения электрических и биологических импульсов организма. И, наконец, даже при замере ортопедических стелек просчитывается геометрия стопы для фиксации мельчайших изменений в рельефе изделия, которое будет лечить человека.....

Безусловно, без технического прогресса в современной медицине невозможно представить сегодняшнюю жизнь. Наличие высокоточных обследований и высокотехнологического оборудования спасло и еще спасет миллионы жизней, вернет здоровье или хотя бы продлит его на время...

Но... Наличие инструментальных методов лечения и диагностики, различных компьютерных программ диагностики человеческого тела (но не человека!) повсеместно внедряется и используется в практике врача. Следовательно, можно сказать, что медицина из искусства постепенно превращается в науку...

Рядом опытных, имеющих многолетнюю практику, врачей был создан многопрофильный медицинский центр **«ИЛОМЕД»**.

В основу создания центра был положен постулат: **«ВСЕ КОНСУЛЬТИРУЮТ — МЫ ЛЕЧИМ!»**

Именно благодаря практическим наработкам наших врачей, большому опыту в лечении и диагностике наш постулат работает! Грамотное сочетание науки и искусства позволяет добиться воистину ошеломляющих результатов!

Например. Мы широко используем гирудотерапию. Искусство, пришедшее из глубины веков, дает прекрасные результаты! Гипертония, боли в позвоночнике, застой в малом тазу — это лишь малая часть айсберга в лечении наших пациентов. Принцип **«ЖИВОЕ ЛЕЧИТСЯ ЖИВЫМ»** приносит замечательные результаты.

Великолепный сплав науки и искусства представляет собой внутривенное лазерное облучение крови. Медицинский лазер заряжает частицами света кровь, обеззараживает ее, улучшает микроциркуляцию и помогает в любых запущенных и хронических заболеваниях

Электрофонофорез. При помощи низкоинтенсивных токов с применением лекарственных средств лечит ушибы, травмы, болезненные процессы в позвоночнике и суставах, улучшает питание тканей.

Одним из современных методов лечения является плазмотерапия, или широко известная на Западе PRP-терапия.

Взятая у пациента кровь центрифугируется, и плазма крови вводится в проблемный участок. Что происходит в дальнейшем:

Плазма крови человека практически идентична составу синовиальной жидкости суставов! Это современный «коктейль» — с тромбоцитами, биологически активными веществами с неизрасходованным сроком годности!

В отличие от стволовых клеток, плазма крови содержит большое количество тромбоцитов, которые не имеют ядер, а имеют псевдогранулы с активаторами факторов роста, регенерации, агрегации.

Плазма — это уникальное лекарственное средство с оптимальным соотношением всех факторов роста, регенерации, агрегации — не больше и не меньше!

И самое главное — собственная плазма, взятая у одного и того же пациента и введенная ему же в проблемную зону — это улучшение питания ткани, активация факторов роста ткани, усиление регенерации (заживление и восстановление хряща), к тому же она не вызывает **НИКАКИХ АЛЛЕРГИЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ!**

Артриты, артрозы суставов, ущемление нервов, дистрофические изменения позвоночника и межпозвоночные грыжи, пяточные шпоры. Данная методика восстанавливает питание хряща, усиливает регенерацию, обезболивает, лечит на клеточном уровне. Переломы, послеоперационные раны по статистике заживают в 2-3 раза быстрее без образований патологических мозолей.

Хронический и острый геморрой, анальные трещины при нанесении непосредственно собственной плазмы, смешанной с известными лекарственными препаратами, уменьшают отек, восстанавливают кровообращение, усиливают эпителизацию трещин.

Хронический тонзиллит, вазомоторный ринит, артрит височно-нижнечелюстного сустава, нейросенсорная тугоухость — не имея противопоказаний, плазмотерапия применяется с большой эффективностью, в отличие от традиционных методов лечения, но и в сочетании с ними.

Она используется и в косметологии — для улучшения питания кожи, восстановления тургора кожи в области лица, шеи, рук. А в волосистой

части головы плазмотерапия останавливает выпадение волос, питает волосяные фолликулы, борется с облысением.

Сосудистые звездочки на разных частях тела часто приводят в депрессию не только женщин, но и мужчин. Обкалывание собственной плазмой помогает уменьшить застой крови в этих местах, улучшает питание тканей, создает не только косметологический, но и лечебный эффект.

По исследованиям отечественных и зарубежных врачей, внутривенное введение плазмы показано пациентам с перенесенными инсультами, инфарктами, болезнью Паркинсона, Альцгеймера. При внутривенном введении у пациентов с сахарным диабетом уменьшаются значения утренних сахаров... Как тут не повторить: «ЖИВОЕ МОЖНО ИСЦЕЛИТЬ ТОЛЬКО ЖИВЫМ!»

Безусловно, качественное и эффективное лечение требует основательной научно-практической базы.

В медицинском центре «**ИЛОМЕД**» проводится обширная лабораторная диагностика. Анализируется кровь, все среды организма, для установления диагноза берутся биологические мазки, посевы на возбудители. Лабораторная диагностика позволяет точно и быстро разобраться в проблемах пациентов.

Такие исследования, как ультразвуковые исследования внутренних органов, сосудов, суставов, суточное мониторирование ЭКГ и артериального давления, позволяют не только выявить проблему, но и проследить этапы излечения.

Легко записаться, легко добраться, а главное, легко получить максимальную помощь в диагностике и лечении!

Наш адрес:

Москва, ул. Земляной Вал, дом 34А, стр. 1,
м. Курская или м. Чкаловская — 5 минут пешком.

Наши телефоны:

+7-985-996-44-19, +7-495-256-82-22

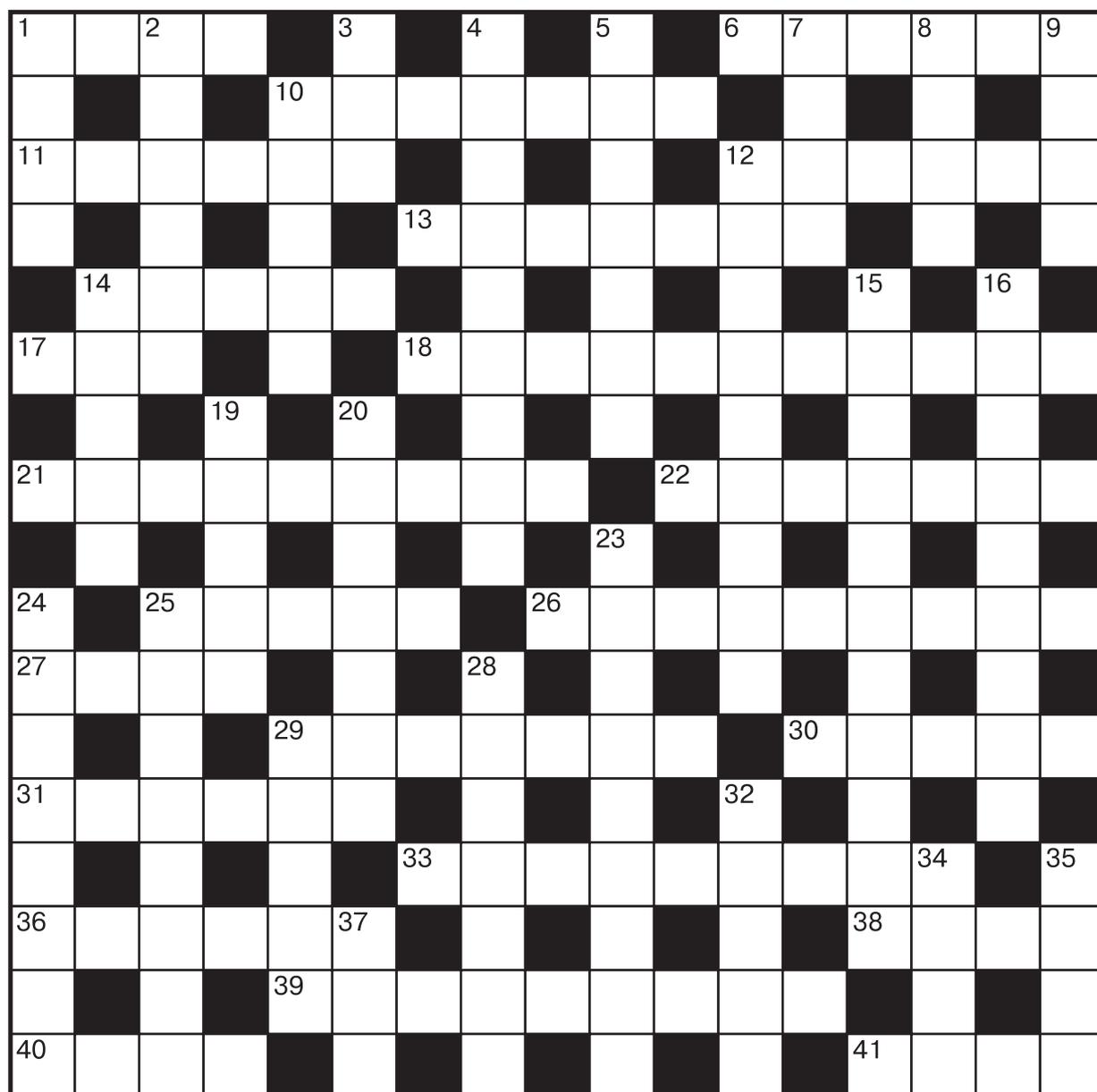
Наш сайт:

www.ilomed.ru

Мы работаем без выходных.

ПОКА ДРУГИЕ КОНСУЛЬТИРУЮТ — МЫ ЛЕЧИМ!

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Русский император, чью историю написал Вольтер. **6.** «Королевский цвет» в Византии. **10.** Великий итальянец, заложивший основы современной механики. **11.** Спаситель эфиопской царевны Андромеды. **12.** «Дневное меню» при диете. **13.** «Бога отрицают или потому, что мир так плох, или

потому, что мир так хорош» (русский философ). **14.** Особо крепкий эспрессо. **17.** Какую карту прежде называли «господин Блинов»? **18.** Мировая катастрофа мощностью в четыре лошадиных силы. **21.** «Конкурсом ледяных фигур завершился ... мокрых маек на Северном полюсе». **22.** Сливочный ликер. **25.** Самое бедное государ-

ство в Западном полушарии. **26.** Какая дама колонной прикинулась? **27.** Что придумали благодаря летучим мышам? **29.** Какую дисциплину впервые включили в программу Олимпийских игр 1960 года? **30.** Что «общего» у цепи с военной авиацией? **31.** Какое состояние блестяще описано в новелле «Королева Гортензия» француза Ги де Мопассана? **33.** Кто жизнью рискует ради жемчуга? **36.** Что от причастия в предложении появляется? **38.** Незавидный удел для финансиста. **39.** Чьи стихи взял Михаил Глинка, когда сочинял цикл «Прощание с Петербургом»? **40.** Из чего делают шкафы, чтобы в них не заводилась моль? **41.** Повод для самого большого перерыва на работе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «... в доме, конечно, главный, если мамы случайно нет!» **2.** Антоним акселератора. **3.** Какой напиток помог актрисе Гвинет Пэлтроу избавиться от лишних килограммов? **4.** В каком английском городе придумали сетку для футбольных ворот? **5.** Что выносят присяжные заседатели? **7.** «Самое спокой-

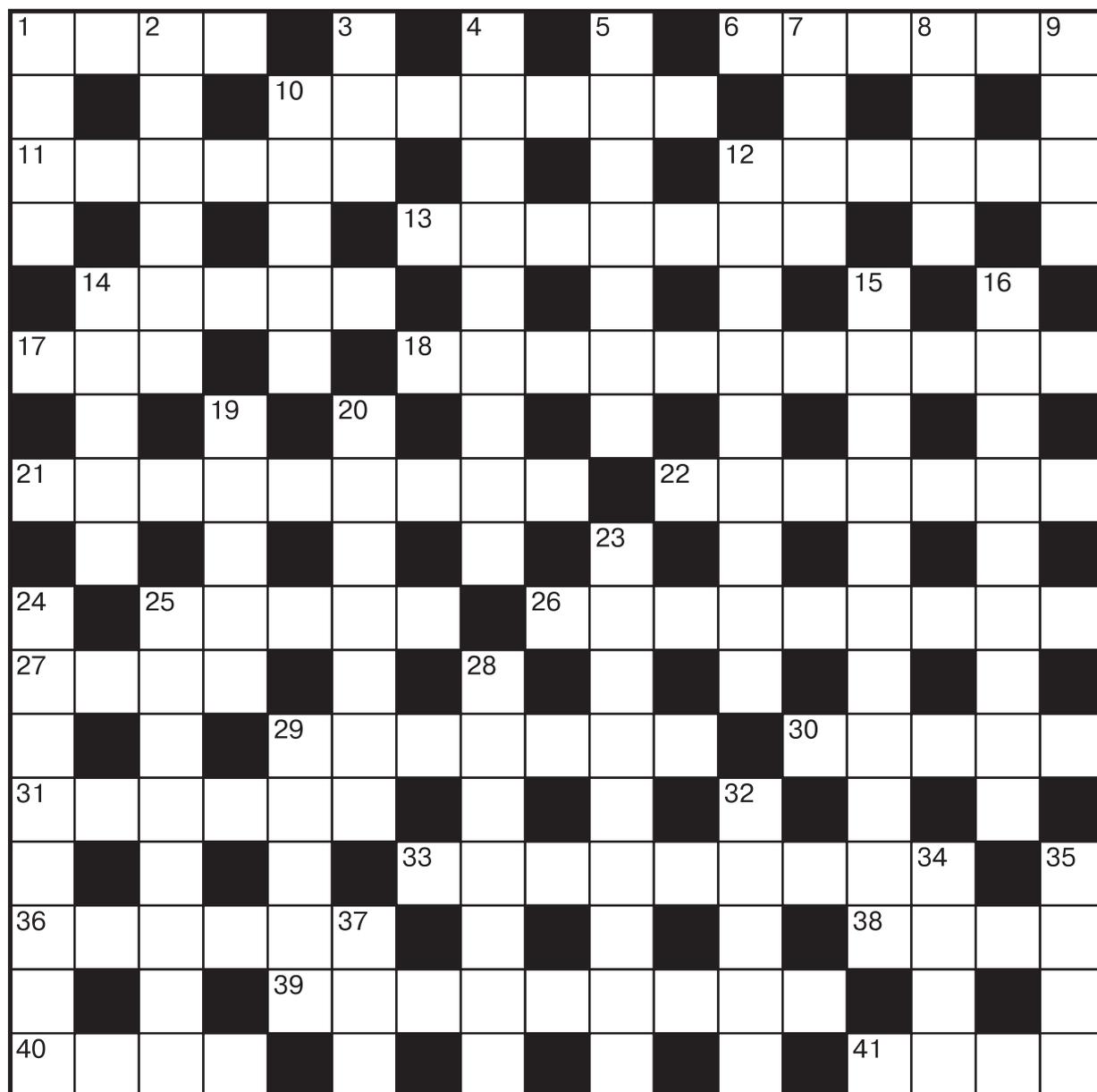
ствие» из серпентария. **8.** Полное отсутствие присутствия результатов. **9.** Автомобильный гигант во Франции. **10.** Какой Билл стал миллиардером, продавая операционную систему? **12.** Кто отвечает за «двигатель торговли»? **14.** «Чем более русский ... божится, тем скорее обманывает». **15.** Федор Курочкин из детективного сериала «Тайны следствия». **16.** Шоу-программа для болельщиков. **19.** Советуем ... гравилата при расстройстве кишечника, гастрите и метеоризме. **20.** Страна, входившая в коалицию против Наполеона во время «Битвы народов». **23.** Где дни и ночи соизмеримы с временами года? **24.** Где служат военные летчики? **25.** «Да весь наш ... недостоин тебя!» **28.** Сколько обычно читают наизусть из «Евгения Онегина»? **29.** Какое слово объединяет кулинарию с игрой на бильярде? **32.** Английский классик, считавший, что любовь «радуются малости, но требует всего». **34.** У какого морского жителя зубы расположены в желудке? **35.** Над какой дверью висит «Добро пожаловать!»? **37.** Музыкальная награда победителям.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Фауст. **9.** Блоггер. **10.** Пакля. **11.** Магма. **12.** Стилист. **13.** Вакса. **14.** Пивовар. **16.** Орхидея. **19.** «Абба». **21.** Бикини. **23.** Твист. **24.** Трепач. **25.** Анатом. **26.** Иприт. **27.** Иврит. **29.** Воин. **31.** Счетчик. **33.** Иствуд. **34.** Магия. **35.** Штаны. **37.** Курсив. **39.** Биттер. **40.** Теряйки. **41.** Маяк. **42.** Гамаюн.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Плутто. **2.** Агилера. **3.** Нейсмит. **5.** Авария. **6.** Символ. **7.** Базар. **8.** Блеск. **13.** Вариант. **14.** Первопечатник. **15.** Гаити. **16.** Обсерватория. **17.** Биатлонистка. **18.** Симмонс. **20.** Ассистентка. **22.** Радикулит. **28.** Бим. **30.** Ситком. **32.** Кабина. **36.** Хрен. **38.** Век.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Глава мафиозной «семьи» на итальянский лад. **6.** Осетровый клей у русских богомазов. **10.** Заварочная чашка для китайской чайной церемонии. **11.** Тонизирующий напиток из каркаде. **12.** Нищий кочевник. **13.** Основатель русской школы химии вина. **14.** Сладкое тесто из французской кухни. **17.** Русский поэт, служивший

в кирасирском полку. **18.** «Повальный сон» во время поездки на машине. **21.** Какого садовника и водоноса Александр Великий за честность сделал царем Сидона? **22.** Античная крепость около Керчи. **25.** Какой музыкальный инструмент традиционно сопровождает игру на зурне? **26.** Какая династия два с половиной века правила в Тунисе? **27.** Голливудский секс-

символ, выпускающий велосипеды собственной марки. **29.** Французский «рыцарь без знамени». **30.** На какую геологическую эпоху пришлось появление лучеперых рыб? **31.** Узбекская лепешка с горохом. **33.** Древний воин из Македонии с «золотым щитом». **36.** Мошеннический метод выуживания личных данных. **38.** Деревянная бочка для приготовления сакэ. **39.** Пленница Ратмира из оперы «Руслан и Людмила». **40.** Граф у французов. **41.** Лодка, служащая домом «морским цыганам».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Древний город с самой высокой из сохранившихся пирамид майя. **2.** Гонка преследования у биатлонистов. **3.** Плащ у французов XII века. **4.** Каким способом предпочел уйти из жизни Зигмунд Фрейд? **5.** Поворот при исполнении танго. **7.** Призыв мусульман к молитве. **8.** «Хуже не было б сего городишки на примете» для Александра Пушкина. **9.** Самый древний арабский сыр. **10.** Какого из сыновей принцесса Диана окрестила «мой маленький Спен-

сер»? **12.** Читаем дневники Карла Юнга: «Я отказался от электричества, сам топлю печь и плиту, а по вечерам зажигаю старинные лампы. У меня нет водопровода, я беру воду из колодца. Я рублю дрова и готовлю еду». Где он все это проделывал? **14.** Канадский пони. **15.** Недуг «теннисного локтя». **16.** Какую бумагу используют, чтобы печатать словари? **19.** В каком сарае без потолка, но с крышей, когда-то рыбу засаливали? **20.** Официальный мужской костюм у японцев. **23.** Плавник под днищем яхты. **24.** Дешевый пряник из давних времен. **25.** Русский тенор в секретарях Федора Шаляпина. **28.** Тент от солнца над античным амфитеатром. **29.** Чем умеет пилотировать солист легендарной группы Iron Maiden Брюс Дикинсон? **32.** По какой реке сплаваются герои романа «Географ глобус пропил»? **34.** «Карточный ультиматум». **35.** «Шапка Мономаха» на валахском князе. **37.** Какое приспособление не дает лошади сильно задираТЬ голову при обучении верховой езде?

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кудзу. **9.** Физалия. **10.** Извет. **11.** «Чайка». **12.** Верлибр. **13.** Чолпу. **14.** Зимогор. **16.** Даркнет. **19.** Виан. **21.** Одетта. **23.** Эдвин. **24.** Дитрих. **25.** Лудрук. **26.** Глогг. **27.** Ялапа. **29.** Ясна. **31.** Обморок. **33.** Узость. **34.** Шабли. **35.** «Интел». **37.** Ахемен. **39.** Метрио. **40.** Бутеноп. **41.** Тиас. **42.** Баязет.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Фишер. **2.** Каллиан. **3.** Хитбокс. **5.** Унакит. **6.** «Заклон». **7.** Уздор. **8.** Фелпс. **13.** Чойджуш. **14.** Зендельбиндер. **15.** Авода. **16.** Дактилиотека. **17.** Атеросклероз. **18.** Паскуал. **20.** Биогеоценоз. **22.** Ширпотреб. **28.** Лош. **30.** Мутант. **32.** Кадена. **36.** Холт. **38.** Нун.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 127 рублей 60 копеек	За 1 номер — 152 рубля 90 копеек
За 6 номеров — 765 рублей 60 копеек	За 6 номеров — 917 рублей 40 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открывается подписка на 2-е полугодие 2019 года во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

